

С (Алт)
СЗ 2

Г. СЕРЕБРЯКОВ.

К 98 $\frac{3}{31}$

у алтайских
гор

ЛЕНГИХА

С (Алт)
С 32

97/81

Г. С Е Р Е Б Р Я К О В

1083/31

У АЛТАЙСКИХ ГОР

139493

Горно-Алт. областная
библиотека

СОЮЗРЕП. ИЗДАТЕЛЬСТВО ХУДОЖЕСТВЕННОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
ЛЕНИНГРАД - 1933 - МОСКВА

ПЕРВОЕ ЗВЕНО

1

Их было трое. Высокий, коренастый, не по летам серьезный Игнат Ковров, такой же коренастый и высокий, похожий на грека Алексей Харченков и щупленький, юркий непоседа Гаврил Милородов. Это все представители партии на селе.

В земляной хате Игната Коврова было сухо и уютно. Ковров бывал в городах, видел городской обиход, вращался в среде сельской интеллигенции и поэтому приучил к порядку мать. Хату Игната Коврова отличали от других хат три кровати, чистота, книги, ленинский уголок, устроенный сероглазым пионером Ромашкой, братом Игната, и отсутствие икон, которые не водились тут уже с самого семнадцатого года.

Было уже поздно, в окна смотрела серая от снега ночь. В ограде Гурьяна Гурьяныча зло побрехивали привязанные псы. Из камышевых зарослей доносился вой овдовевшей волчицы.

Некоторое время коммунары молча смотрели друг на друга.

— Ну, как дела? — спросил Игнат, глядя на Милородова.

— Как тебе, враз ответить? — зачесался Милородов.

— Можешь не в раз, а в два отвечать. Скажи-ка, например, что твой сельсовет делает для организации колхоза?

— Райком обещал человека прислать, вот сидим и ждем.

— А если райком не пришлет этого человека, тогда?

— Тогда видно будет.

— А сейчас стало-быть темно, да?

— Нет, оно хотя и не темно, но дело-то это не совета, — бахнул Милородов.

— Вот это фунт! — удивился Игнат.

— Видишь ли ты, Игнат, народ-то у нас неповоротный больно, — заступился Харченко, как бы желая смягчить сказанное Милородовым.

— Так что же?

— Ничего, а к тому я говорю, что нашего мужика скоро не раскachaешь. Ведь темнота-то какая. По переписи учитель-

ницы сорок процентов значится неграмотных на селе, и неграмотные, главным образом, от сорокалетнего возраста. А это ведь все хозяева. Они хозяева решить судьбу свою домашнюю. Как захотят, так и повернут.

— Это понятно, что уголок наш медвежий. Было по два кабака на село и одна школа на две волости. Но ведь арифметика-то колхозная очень простая, и для того, чтобы понять сущность колхоза, алгебру и разную математику мужику знать вовсе необязательно. Потом, в колхозе это лучше будет сделать. Именно это и будет говорить в нашу пользу, что сейчас у мужика в единоличном порядке нет времени учиться, а в колхозе будет. Ведь вот возьми — в совхозе у нас было также сорок процентов неграмотных, а теперь обучил грамоте всех до единого.

— Знамо, но мужик как-то упирается.

— Какой это мужик! Ведь мужики-то на селе все смотрят по-разному. Ясно ведь, что Андрей Колунок одно, а Иван Харитоныч Жарков или Гурьян Гурьянович Несмелов — другое, а середняк Савелий, который прошлый год кричал на собрании, что свою Пегуху со двора не выпустит, сегодня, пожалуй, поведет ее в колхоз.

— Все это, конечно, так, но бедность-то наша велика. Как мы будем работать в колхозе? Ведь если бы у нас было то, что имеется в совхозе, — тракторы, машины и все прочее, — тогда бы другой разговор, а без снастины и вошь не убьешь.

Ковров понимал, что ячейка хромает на обе ноги и, прежде чем браться за организацию колхоза, надо обработать своих членов ячейки, настроить их как следует, по-большевистски.

— А по-моему дело пока что вовсе не в машине. Ведь основное-то все-таки человек.

— Да, человек, — согласился Харченков, — но все же машина тоже главное.

— А если бы тебе сегодня передали все, что имеется в совхозе, ты бы все-таки ничего не сделал до тех пор, пока не организовал бы людей. Но не в этом дело. Посмотри, ведь и машины на селе есть.

Игнат достал из тумбочки тетрадку и, водя по ней пальцем, зачитал:

Сенокосилок	42
Сноповязалок	12
Самосбросок	24
Лобогреек	10

Плугов двухлемешных	82
Бричек парных	95
Бричек однокожных	23
Сеялок	20
Триеров	5

— Вот этим инвентарем будем в колхозе обрабатывать в десять раз больше, чем сейчас, когда он, этот инвентарь, в единоличных руках. Да, в десять раз, — твердо сказал Игнат.

— Это ясно, — согласился Харченков.

— Ну, и хорошо, что ясно. А теперь ты, Милородов, говоришь, что заниматься коллективизацией не дело сельсовета?

— Нет, я этого не говорю, а я к тому только клонил, что райком ни тянет ни везет, — оправдывался Милородов.

— Значит ты думаешь, что все должен делать райком партии, а не сами массы? Неужели ты думаешь, что райком тебя будет ругать за то, что ты организуешь бедноту и середняка в колхоз? Ты знаешь, что у райкома семьдесят семь дел, а всего-то ведь в районе пятьдесят два села. Разбросаны они на стоверстной округе, каждому селу не наберешься людей, да и мы-то, в конце концов, для чего здесь сидим? Нет, уж ты, брат, не отнекивайся, а запрягайся в корень как член партии, во-первых, и как председатель сельсовета, во-вторых. Постарайся возглавить совет, а совет пусть возглавит колхоз, — агитировал Игнат.

Вошел Андрей Колунов. Закрывая за собой дверь, он повернулся спиной, показал большую белую заплату на Саломеиной кацавейке. По привычке он хотел было перекреститься, но, заметив, что в переднем углу портреты вождей, смущенно опустил руку.

— А, совхоз приехал! . . — растянул он голосок гармошкой и подал руку Игнату.

— Я думал, что ты большой вырос, а ты все еще такой же, — пошутил Игнат, всматриваясь в маленькую, но плотно сложенную фигурку Колунка.

Колунок согнул ноги калачиком и сел прямо на земляной, чисто выметенный пол. Заячий, наполовину облезший трех и пестрые собачьи мохнашки положил подле себя.

— С каким дельцем, Игнат Спиридоныч, приехал? — скороговоркой спросил он.

— Делов-то у меня много, но про все можно сказать одним словом — колхоз надо организовать.

— Хорошее дело — колхоз. Опоздали мы с этим делом-

то. Урюпинские мужики опередили нас, язви их! Коммуна «1 Августа» помогла им организовать. Самых лучших мужиков из коммуны туда выделили. Ваньку Худолея да Яшку Журавлева — знал поди, в партизанщине-то были в Алтайских палатках. Худолей нашим эскадронком командовал, — зачастил Колунок.

— Знал. Как не знать. . . Бывают они в совхозе-то. Все от нас перенимают. Машинами помощь им оказываем, а они нам людьми помогают в жаркую пору. Да, впрочем, не беда; успеем и мы, только за дело надо взяться как следует.

— Учительница нам читала твое письмо, — сказал Колунок.

— Ну, и что же? — спросил Игнат.

— Ничего, нас тогда человек семь партизан было, дак едва отгрызлись. Целую ночь проспорили. Занятно больно. Вот бы Гурьянушке его прочитать да Ваньке Жаркову, — забегали бы.

— Кто там был?

— Нашей-то ровни-бедноты — мало было, а больше все зажиточная головка. Неохота им больно в одну казарму собираться, да и скот, говорят, вместе неохота сгонять. Опаршивеет одна коровенка, а от нее парш-то в общем дворе на всех передастся, а также и болезнь разная в доме. Заберется чума и начнет всех вертеть по фатерам-то. А я вышел и говорю: «Ах вы, холера вас в бок, почему же в совхозе недохнут ни люди, ни коровы, ни лошади в общем-то дворе и домах, а мы каждый день на вавилочник падло отвозим? Там, говорю, за лошадьку лучший уход, ветеринар есть».

— Ну, а учительница как?

— Что учительница! Знамо женское дело. Как взялись спорить да ругаться, так она и скрылась. Постояла в придворке, пока угомонились, а потом зашла. «Ну, как — говорит — договорились?» А Ванька Чураков и рявкнул: «Идите — говорит — вы все к чорту с вашей коммуной. Никогда — говорит — в колхоз не пойду». «Дело — говорим — добровольное. Силком не потянем. «Всяк Еремей про себя разумеи».

— Ну, а ты как смотришь на колхоз?

— Что я, мое дело ясное. Если в партизанщину я не отстал от партии, то сейчас и подавно.

«Один есть» — пудумал Игнат.

— Игги же однако домой. Коровенку надо во дворишко загнать, а то че-то окна мерзнут. Стужа ровно наступает. — Колунок вышел и захлопнул за собой дверь.

— Вот видишь, на кого надо опираться-то. Этот уж, брат, не выдаст, крепкая опора, — сказал Игнат, когда Колунок скрылся за дверью.

— Хорош мужичонко! Помню, как однажды в партизанщину было. Дело вышло так:

— Село Кашино заняли белые казаки. С рассветом хотели перебраться через Алей и вести на нас наступление. Об этом нам донесли мужики, перебежчики из Кашина.

— «Вы почему не привели парома? Мы бы по нему переправились и снегом на голову наступили бы на них, застали бы сонными», спрашиваем у них.

— «Не сдогадались», — говорят.

— «Ах вы, язви вас в брюхо-то! Давай, — вызвался Колунок, — я пойду, отчалю паром и пригоню его сюда».

— На-ка выкуси! Часовой там стоит около парома-то.

— Обиделся Колунок и скрылся.

— Мы туда-сюда; смотрим — его нет и лошади его нет. Потом через час слышим: хлюпает по Алею что-то; смотрим — паром. Андрейка в длинной шинели с шашкой стоит, держит наготове винтовку. А здоровенный усатый казачина в Андреевом коротеньком зипунишке, по локоть рукава, подпирает шестом по дну.

— «Как, — спрашивает, — ты его окорнал?»

— «А так, — говорит, — подкрался по канаве, а он малость задремал. Я винтовку у него выхватил и пикнуть не дал. Ну, и отчалил».

— Переправились мы ночью и застали белых сонными. Пообмундировались как след, а главное, вооружились до зубов. Вот те и Андрей, несмотря что мал. «Мал золотник, да дорог», — заключил Харченков.

— Таких-то нам надо вовлекать в колхоз, они нашей опорой будут, — сказал Игнат.

В комнату вошел Савелий. Обирая льдинки с бороды, он тяжелыми мерными шагами подошел к Игнату. Из-под густых, крапивой поросших бровей виновато смотрела пара черных, как смородина, глаз.

— Здешнему хозяину! — негромко сказал Савелий.

— Просим беседовать, — пригласила тетка Татьяна, мать Игната, укладывая кизяки для подсушки в печь.

— Убродна дорога, язви ее — из сил выбился, насили на простой добрался, чо же... Весь снег сани перед собой грудят, бился-бился да около Митюшкиной забоки оставил возот. А камыш-то до зла горя нужен был. Поветь до сих пор

стоит непокрыта, весь снег во двор несет, а дако ударит мороз, тут что будет, — последнюю скотинку заморозишь.

— С осени надо двор-то готовить, — вмещался Милородов.

— Это знамо, да разве в одиночестве справишься со всем? Тут неладно, там нехватка, и хорошо где два-три мужика — да и то не все в порядке, а тут один хоть разорвись.

— Колхоз надо заводить, — ошарашил с места в карьер Ковров.

Савелий смущенно уронил лосинки.

— Ишь, как боится колхоза-то, рукавицы уронил от испугу, — уязвил Милородов.

— Это еще не узнано, кто боится, — буркнул Савелий и недружелюбно посмотрел на Милородова.

— Как же ты все-таки, Савелий Ияныч, смотришь на колхоз?

— Подумать надо, Игнатюшка, посоветоваться; дело как-никак новое. Как его так-то не узнавши решить?

— С Жарковым не советовался, — шпильнул непоседа Милородов.

— Нечо мне у него спрашивать? Свой ум не выбит из головы, — обиделся Савелий.

— А все же жалко с Жарковым расстаться. Если бы не это, так с бабой бы небось неча советоваться, — назидал Милородов.

— Да ты чо, на ряд с кулаком меня ставишь?

— В ряд с кулаком я тебя не ставлю, а жадность-то у тебя все-таки есть единоличная. Жалко тебе расстаться с хозяйством.

— Это знамо, — согласился Савелий; — кому не жаль своего хозяйства?

— Да, в глуши мы тут, много еще у нас тьмы и невежества, — чуть слышно проговорил Игнат. В хату вошел краснощекий плечистый Ромашка. Игнат полной грудью вдохнул хлынувшую в избу свежую струю воздуха и почувствовал новый прилив энергии.

— Довольно топтаться на месте, надо продвигаться вперед. Давайте план работы наметим. Харченков, записывай!

Харченков засучил рукава, вытянул на стол огромные, жилистые руки, точно он собирался не писать, а драть шкуру с барана.

— Готово, — пробасил Харченков.

— Пиши: провести заседание группы бедноты при сельсовете, собрания бывших партизан и красноармейцев, провести

общее собрание всех граждан села, провести заседание актива села с привлечением учительницы и остальных работников, сельсовету возглавить организацию колхоза, увязаться теснее с совхозом и коммуной «1-е Августа», выслав туда делегации из бедняков и середняков, взять под контроль кулачество.

— Вот это дело! Давно бы так надо, — оживился Савелий.

2

Ночь была светлая, тихая, звездная. Савелий от Коврова шел узенькой улицей. Своими шагами он разбудил запертых по дворам собак, и они провожали его слабым лаем.

— У ячеекных был? — сердито встретила мужа высокая, рябая со вздернутым носом Степанида.

Савелий струсил было под злым Степанидовым взглядом, но решил выдержать до конца.

— В коммуну к Игнату записался, первым по списку значусь, — храбро солгал он.

— Полно врать-то! — не поверила Степанида.

— Пра...

— Полно дуреть, мужик, — добром тебя спрашиваю.

— Никто не дурит, а вот записался, и все.

Заходили широкие ноздри, рябины на лице расплылись в широкие буроватые пятна. Степаниде не сиделось на месте; она бегала из угла в угол.

— Налей шей, — буркнул Савелий.

— Сидел бы там до утра, слушал бы брехни ячеекных, а тебе бы тут шей оставляли, — горошницу вот на, ешь. — Степанида сунула обгорелый почерневший горшок.

Савелий ел молча, искоса посматривая на Степаниду.

— Чо шары-то пучишь? Молчишь, как воды в рот набрал. Правду ли чорт угораздил записаться к ячеекным в коммуну?

— И откуда их чорт выбросил? Ведь ладно было зажили. Нет, опять все в кучу сдавай; наг, бос останешься. Известно, разве что там хорошего будет у них? Знают одно — гнут народ. Загоняют нас в коммуну.

— Буде тебе, бурчать, перестань хоть на минуту!

— И буду шею грызть, пока не перегрызу, пока не выпишешься. Все равно ни корову ни лошадь не отдам. Пойди с чем хошь, а все добро мне с ребятенками останется, — ворчала Степанида.

— Батя, у колхоза гектар дал девяносто пудов, а у единоличника шестьдесят; на сколько же процентов урожай колхоза выше урожая единоличника? Задачу дали сегодня в школе, никак не решу. Позабыл за лето проценты, — вмешался черноглазый длинный худой Гришутка.

— Почитай на тридцать пудов больше в колхозе-то получается, — сказал Савелий после некоторого размышления.

— Я знаю, что на тридцать пудов, а вот в процентах-то как сообразить?

— А я што, знаю, что ли, ваши проценты? Агрономом тебя на ту весну жду, а ты арифметику никак не оборудуешь.

Спать легли с воркотней. Долго не спали и то-и-дело переругивались.

3

Игнат с Ромашкой продолжали обсуждать, как построить колхоз.

Ромашка, живя все время в деревне, наперечет знал все триста дворов: в каком дворе сколько стоит коров и лошадей, у кого имеются батраки, сложные и простые машины, кто чем на селе спекулирует; он был как бы живым справочником и знал обо всем лучше, чем сельсовет.

— Так, Жарков Иван Харитонович — лошадей пять штук, — бурчал Игнат.

— Нет не пять, а восемь, почитай шесть карих мерингов, серая кобылица и голубой жеребец.

— Утайка, значит.

— Ясно, живоглот первый.

— Несмелов Гурьян — лошадей три штуки, корова две штуки, посева десять га, молотилка.

— А свиней посмотри сколько! Все хозяйство на свиней прикидывается, в культурники проклятый залез. Все траву разную разводит да свеклу сажает, чтоб от налога отделаться.

— А ты, Ромашка, что наметил делать по своей линии? — вдруг спросил Игнат.

— Хотя сейчас и зима, а все-таки решил организовать пионерский отряд, займемся сейчас распространением сельскохозяйственной книги. Мысль у меня в голову хорошая пришла: все дворы разбить на десятки. К каждому десятку прикрепить пионера; пусть он по этим домам разносит книжки, а потом дней через пять-шесть идет, отбирает старые и несет другие. Думаю завтра в совхоз к вам смотаться, за сельскохозяйственной книгой; она как раз сейчас подстать.

— Во молодец! Давай, брат, орудуй, двигай, чтоб ничто не стояло на месте, — заразился Игнат бодростью и находчивостью Ромашки.

— Двигаете вы, на общественной работе убиваете все силы, а дому ничего не даете, — вмешалась мать.

— Не в этом, мать, счастье. Много терпела, а немножко уж потерпи.

— Терпенье-то лопают, год от года все не лучше становится.

— Ты не знаешь, Ромашка, в сторожке сколько комнат? — спросил Игнат.

Но Ромашка уже ничего не слышал и сладко похрапывал. Игнат вышел на двор. Он долго любовался звездами и полной грудью вдыхал холодный, бодрящий воздух.

— Интересно, сколько же все-таки комнат в сторожке? — вслух проговорил Игнат и направился в хату. С этой мыслью он заснул.

4

Утром Степанида встала задолго до света. Савелия разбудили и шум ее прялки и горький кизячный дым, который изредка пробивался из печи через заслонку. В трубе завывал ветер.

— Вставай, коммунист заляпанный! Двор весь занесло снегом, — буран, свету бела не видно.

Савелий бычьей тушей повис с полатей. Подойдя к окну, он продул на стекле проталину.

— Метель. Мотри, амбарушку не видно, — буркнул Савелий. — Эка дьявольщина! Стыд-то какой, двор не успел покрыть... Мм-да...

В непокрытую местами повесть проникал снег. Петуха с Буреной, засыпанные сверху снегом, дрожали от холода.

Зима застала Савелия врасплох. Оставленный за Алеем воз камыша разнесло по степи по камышинке. Буренка лениво переключивала жвачку. Савелий отыскал троерожки и бросил навильник овсяной соломы скоту. Вышла с ведром Степанида. Установив ведро, она села на табуретку. Бурена, дрожа всем телом, слабо отпускала жидкие брызги молока. Мотнула головой и со злости ударила ногой по ведру.

— Мотри. язви тебя, мужик тоже! Двор не успел закрыть, какое же тут молоко. Полкрынки надоила.

— Еще бы, в такую непогоду.

— Непогоду тут не при чем. Посмотри у Жаркова дворик, хоть сам ночуй, — ворчала Степанида.

— Ты мне не показывай на Жаркова. За ним ведь не уго- нишься. Он кулак сущий. Ему люди все сделают, а ты укажи мне на ровню, у кого что расцвело, — сердито бурчал Саве- лий.

В калитку юркнул Колунок.

— Откуда взялся ветер-то? Мотри, оголил всю степь. Ладно хоть морозу большого нет. Хоть неглубоко промерз- нет земля, а то урожая не жди, ежели треснет мороз.

Савелий глянул за Алей. Вдалеке около Дедкова кургана эстрели оголенные степи.

Вошел Гурьян Гурьянович.

— Здорово, — тихо сказал он.

— Здорово. — буркнул себе под нос Савелий.

— Должок за тобой числится, Савелий Иваныч. Так вот и пришел. Дыришки ветряной стене надо заделать. Снег так и тянет насквозь.

Савелий волком глянул на Гурьяна и сердито буркнул:

— А у меня-то, смотри, все в порядке?

— У тебя, паря, совсем свободно буран гуляет; помехи для него никакой, — посочувствовал Колунок.

— Я тут, братец ты мой, ни при чем. Давай, паря, помогай. Я тебе не навязывал в отработку лошадей-то, сам Христом- богом просил летом.

Гурьян, улыбаясь, ушел.

— У, живодрал! — вскипел Савелий. — Тут со своей бе- дой никак не справишься, а там ему иди помогай. Все чу- жими руками жар гребет.

— На сход бедноты по колхозному случаю! — застучал в дверь исполнитель.

— Да, забыл тебя спросить, что тебе говорил Игнат вчера?

— В колхоз, паря, приглашал. «Заходи — говорит. — пря- мой тебе смысл; неча — говорит — лямку-то тянуть». Вот те- перь я и хожу в раздумье. Сказал бабе вчера, что записался, так ругались всю ночь, — до разводу дело доходит.

Андрей приподнял вверх жиденькую бородедку и пытли- вым взглядом посмотрел на Савелия, а потом на домашность.

«И за что он держится?» — подумал он.

— Итти, паря, покалякать на собрание-то — послушать, чо будет. — Колунок повернулся к Савелию белой холще- вой заплатой и юркнул в ворота.

Борясь с вьюгой, со всех концов деревни, по кривым узким переулкам шли в сельсовет бедняки.

Огромная дерновая, плохо мазанная хата набилась битком. С самого раннего утра пришли любопытные постоянные посетители и, несмотря на установленный в сельсовете порядок и штраф за матерки, ругань стояла столбом. Секретарь сельсовета с оловянным глазом, по прозвищу «Косуля», не поспевал записывать ругавшихся.

Председатель сельсовета Милородов жал на Жаркова Ивана Харитоныча.

— Видишь ли ты, Жарков, утайка у тебя трех лошадей от налога, утайка посева; к тому же ты посев наполовину сократил, батрак у тебя живет в постоянстве. Уж если тебя не обложить, то кого и облагать заданьем. А во-вторых, хлеб и овес не обмолотил пошто?

— Не успел, — виноватым псом крутился Жарков.

— А другим за деньги успел молотить? Поддервни обробил, за пятый пуд выгодно людям молотить. В общем совет тебя обложил в тысячу рублей, — тяжелой плитой опустил слова председатель.

Жарков, не желая слушать дальнейших объяснений председателя, с силой хлопнул дверью. Дрогнули стены.

Зарегистрировалось тридцать два.

— Ну, где ячейка? Начинай, неча мурыжить народ, все в сборе! — крикнул рослый парень, батрак Алекин.

Люди расселись по лавкам и на грязноватом земляном полу. В густом сером табачном дыму мужики не видели друг друга. В окна тарабанил снег. Порывистый ветер уносил его далеко «в палатки».

Савелий пришел позже всех и, чувствуя неловкость от того, что пришел незванный на бедняцкое собрание (он середняк), стал у порога.

— Товарищи! — громко крикнул Игнат, и звук его голоса заглушил галдеж. Люди притихли.

— Нужда нас сжала клещом, — начал Игнат. Выход один — колхоз.

— Да, именно колхоз, — веско бросает Алексей Харченков.

— Нужда нас бьет в одиночку, в одиночку бьет нас Жарков.

— Кто из вас в состоянии поодиночке бороться с кулаче-

ством? Кто из вас в состоянии бороться с природой, с землей, кому она из нас поодиночке доступна?

— Жаркову, — крикнул Савелий. Все повернулись в его сторону.

— Да, именно ему. Но колхоз нам нужен не только для борьбы с кулаком, но и для борьбы с природой, для борьбы за будущее человечество. Алей, который дает нам только воду, должен будет давать нам топливо и свет, должен будет орошать поля, двигать плуга и машины. Мы должны поднять целину, осушить займище. Камыш, который был убежищем для волков, должен стать прочным строительным материалом. Мы должны выполонить этот камыш, чтобы в нем не скрывались волки, не давили бы скот, не вредили бы людям. Но наше единоличное бытие — это тот же камыш, где скрываются звери-кулаки. Подобно тому, как мы выкосим камыш и зверю будет негде скрываться, мы триста единоличных дворов должны будем организовать один коллектив, где кулакам также негде будет скрываться. Район наш зерновой. На него в связи с постройкой Туркестано-Сибирской железной дороги возлагается огромная задача снабжения казачьих скотоводческих и туркестанских хлопководческих районов зерном. Это в состоянии сделать только совхозы и колхозы. Наконец, хотя бы взять вопрос из нашей повседневной жизни — устройство дворов. Нас вот тут собралось тридцать пять домохозяйств. У всех дворы небом крыты, светом горожены, да и у середняков не чище. Построить их поодиночке никто из нас не в состоянии, но один двор для сорока коров мы можем сделать с успехом, а также с землей с покосом, с уборкой. Вы все видите наш совхоз, видите коммуну «1 Августа», как там идет работа. Многие из вас сами работали в нашем совхозе, не хуже меня видели его достижения. Одно слово — нужен колхоз.

К столу пробирался Ераска Лавров.

Порыжелый, с сотней разных заплат полушубок, опоясанный веревкой, неуклюже висел на костлявых плечах. Из-под волосатой овечьей папахи смотрели круглые, как у совы, неопределенного цвета глаза.

— Нужен ли нам колхоз? — гаркнул хриплым басом Ераска, водя глазами по присутствующим.

— Нужен! — раздалось несколько голосов враз.

— Нет, не нужен! — гаркнул Ераска. Ковров подозрительно посмотрел на Ераску, не понимая еще в чем дело.

— В загон нас загоняют — в загон. Чуете, чем все это пах-

нет? — Отберут у мужика все его добро, а потом он работник будет. Сгонят мужики свой скот, а потом надо будет к обедне поехать или ребенка крестить, или еще куда съездить — иди проси в колхоз свою собственную лошадь. И как вам это поглянется: просить свою лошадь?

Савелий, желая уловить каждое слово, сказанное Ераской, расталкивал людей, пробирался вперед.

— Игнатий Спиридоныч, — снова начал Ераска, — судит нам дворы теплые, паровое отопление да электричество всякое, а спросите его, есть ли что сейчас — обужа, одежда, есть ли чем сеять на первых порах, чем скот кормить. — Спросите. Знаем мы ваши посулы, — рявкнул в заключение Ераска и зло посмотрел на Игната, как на врага.

Расталкивая плотно стоявших мужиков, к столу пробирался комсомольский секретарь батрак Алекин. Рябоватое, редко поросшее беловатой куделью лицо горело досадой. Большие кожаные бухилы хлопали тяжело по грязному полу. Беловатые как лен волосы сосульками торчали во все стороны.

— Вы знаете, кто это сейчас говорил? — звонко бросает секретарь.

— Бедняк! — крикнул кто-то из угла.

— Да, это бедняк, но чьими он словами говорил?

— Словами кулаков! — крикнул Колунок.

— Да, кулаков. Волка в овечьей шкуре вы видели когда-нибудь?

— Не видывали, — глухо отозвалось несколько голосов.

— Так вот посмотрите. Это волк в овечьей шкуре. — Все глянули на Ераску. Он, длинный, худой, оборванный, действительно был похож на усталого загнанного волка.

— Ты продал свою бедняцкую совесть кулакам, подкулачник ты, блюдолиз ты кулацкий! — негодовал Алекин, вливаясь в Ераску глазами. Казалось, что он вот-вот бросится и разорвет его на куски.

— Жарков и другие ему подобные — кулаки, но это волки в своих подлинных волчьих шкурах. В них каждый бедняк и середняк видит варгов. А тут наш брат бедняк выступает как настоящий кулак.

— Довольно — образумился мужик, сам поймет, что не по той дороге пошел, — перебил речь комсомольца Колунок.

— Дай я слово скажу, — громко крикнул Савелий. — Вот смотрите на меня, мужик я мужиком, середняком значусь на селе, а что толку, что середняк? Себя не могу пропитать, а

живу на хлебородной сибирской земле. Не стыд ли это? Мужик сам себя пропитать не может! А все потому силы нет.

— Знамо стыд! — подхватил чей-то голос.

— Слезы одни...

— Верно, слезы. Земля неподсильна одному человеку. Землю надо обрабатывать коллективно, артелью. Ячейка предлагает такую артель, значит всяк из нас должен разуметь, что это за артель и куда ведет, а смотреть далеко, куда она ведет, не надо. Стоит только глянуть на совхоз «Зерно» или коммуну «1 Августа». Наши там мужики работают, голяки были и земля пустырь, а теперь смотри, чего получилось. Свет увидели мужики. Значит, ясно — надо держать руку ячейки, итти за Игнахой Ковровым да за Андрейкой Колунком; они правильный путь показывают, нам с Андреем одна дорога, — заключил Савелий.

— Я держу твою руку, Савелий, — выступил вперед дед Яков.

— Стар ты больно, на одер бы тебя да на отвал, а ты куда-то в артель лезешь, на готовый хлеб, сыновья-то не кормят тебя, — выпалил Ераска.

— Там видно будет, кто дарма будет хлеб есть, а кто его заработает; не сдали бы силы — собаки те ешь, а то докажу, что Яков еще жив, — с обидой проговорил старик.

Он отошел в сторону и, не сводя глаз с Ераски, молчал до конца собрания.

Постановили организовать колхоз, сразу же начали проводить запись.

Поодиночке подходили к столу. На грязноватом листе бумаги нескладно выводили свои фамилии первые колхозники. Подошел дед Яков, поставил три креста, а за ним и дед Платон Храмцов тоже начертил кресты вместо фамилии. Над крестами писарь Косуля подписал имена Платона и Якова.

Последним к столу подошел Ларион Малютин. Неуверенным почерком стал он выводить свою фамилию. Перо скрипнуло, запнулось, и большая клякса малинового цвета залила кресты Платона Храмцова и Якова Акимовича.

Игнат Ковров косо взглянул на подпись и быстро перевел недоверчивый взгляд на Малютина. Глаза их встретились.

Малютин гордо вскинул голову. Черный короткий полубок аккуратно обтягивал его ладную фигуру, грудь чуть выдавалась вперед, овечья папаха прикрывала черные, с

редкой проседью волосы, а из-под высокого умного лба остро и деловито смотрела на Игната пара черных глаз.

Малютин и Ковров — друзья детства. Их отцы, Спиридон Ковров и Дмитрий Малютин, в один год пришли из Тамбовщины, вместе на последние гроши купили ведро водки и поставили Красноярскому миру «старожилов».

Спиридона Коврова и Дмитрия Малютина сурово встретили привольные сибирские степи, сурово встретил и Красноярский мир.

Плохо пришлось Спиридону и Дмитрию. Даже в христов день не было у них ни крошки хлеба, и разговлялись они «святой» водицей.

Косяки сытых лошадей Гурьяна Несмелова да Ивана Жаркова рыскали по привольным степям Алтайской равнины, а Спиридон и Дмитрий впрягали в соху годовалого бычка да худую изнуренную клячу.

Клещами сжала нужда.

Красноярские старожилы смеялись над тамбовскими ходоками.

— «Ну, Спиридон, Митрий, паши, сей. Земля вольная».

Вот тебе и вольная земля.

На выручку пришел Гурьян Гурьянович Несмелов.

— «Иди ко мне в работники, Митряй. Мужиком сделаю».

Пошел Дмитрий и двенадцать лет гнул спину, все хотел стать мужиком, заработать хоть пару лошадей.

Но на двенадцатом году случилась беда: придавило в бору сосной, стал Дмитрий раскорякой, работать больше не мог. Отдал Гурьяну сына Ларионьку.

— «Сделаю человеком варнака», — сказал Несмелов. Тот же год отдал Спиридон Ковров и своего Игнашку за десятину с семенами в год.

Так жили.

Мальчики работали день и ночь в степи под дождем и выюгой.

В шестнадцатом обоих взяли в солдаты, «служить отечеству». Илларион выслужился до кавалерийского унтера. А когда смахнули Николая II и Керенского, Илларион удрал на родину, вступил в партию эсеров, стал председателем на селе. Тогда Гурьян выдал за него старшую дочь Анну, взял Иллариона в дом.

На крыше вагона от станции Молодечно через всю Россию проехал Игнат Ковров.

Из седьмой дружины ратников возвратился и Спиридон Ковров.

Был сход. На большой площади митинговал Красноярский мир.

— Товарищи, в городе советская власть, а у нас эсеры. Долой их! — крикнул слесарь Барнаульского металлозавода Алексей.

— Долой!

— Да здравствуют советы! — подхватила голытьба.

— Нашими горбами нажито добро! — крикнул Спиридон Ковров и показал на большие дома и длинный ряд амбаров братьев Пилипенковых.

Ворохнулся мир. Бросились грабить награбленное.

А несколько недель спустя с броневика раздался орудийный выстрел.

Дерновая хата Ивана Колюжного вместе с ним, женой и детьми взлетела на воздух. Другой снаряд ахнул в Алей; жирные налимы и щуки всплыли наверх.

А еще через час в село по Усть-Каменогорскому тракту ворвался отряд богатых, пьяных и сытых семиреченских казаков кровавого атамана Анненкова.

У Алея расстреляли слесаря Алексея, а на мосту на глазах у всего Красноярского мира зверски замучили Спиридона Коврова.

— В горы, кому дорога советская власть! — подал Игнат клич. Бросали жен, детей, хаты, уходили в Алтайские горы.

Командиром партизанского отряда из уважения к военному чину выбрали унтер-офицера Малютина.

Отряд полковника Окунева осаждал лагерь партизан. Прапорщик Гвоздев, сын красноярского купца Гвоздева Пуда, теснил своих односельчан-красноярцев.

Положение партизан было тяжелое. Каждый день падали лошади, седьмые сутки ни куска хлеба, а надежды на прорыв — никакой. Вернувшиеся из разведки Андрей Колунок и Савелий Голядкин говорили ясно — есть два пути: сдать на милость полковника Окунева, и тогда тот расстреляет каждого десятого, или итти грудью, смять отряд прапорщика Гвоздева — прорваться или погибнуть. Об этом митинговали целый день. Решили ждать утра и, как только станет светать, ударить налетом, раздавить Гвоздева и соединиться с отрядом Ваньки Долгова да Луки Селютина.

Когда же на рассвете отрядный совет напомнил Малютину, что пора выступать, Малютин отказался и заявил, что выждет еще день.

Отрядный совет передал командование отрядом Коврову, и партизанам в то же утро удалось прорваться через

кольцо белых банд к своим. С тех пор командование отрядом перешло фактически к Коврову. Ходили тогда среди партизан слухи, что Малютин продан полковнику Окуневу за тысячу рублей золотом и хотел ему выдать отряд. Бойцы не любили Малютина и немного побаивались его.

Сегодня Игнат вспомнил прошлое Иллариона Малютина, но ведь десять прожитых лет могли изменить человека. «В колхоз он записался; что ж, посмотрим, куда он потянет теперь» — подумал Игнат.

Так родилась молодая артель «Успех». Последним записался Ераска Лавров. Тяжело вздыхая, он сказал: «Из батраков да в работники».

— Твоя добрая воля, мы не неволим, можешь и по-другому решить, — ответил Андрей Колунок, глядя Ераске прямо в глаза.

— Дыть... — мялся Ераска.

— Ну, так как, граждане. Коль зашли в колхоз, так должны крепко держать артель, вместе с ячейкой должны орудовать. Без вас никто, на вас вся надея, — заговорил Ковров, стараясь заглушить говор.

— Уж коль слово дал я тебе, так до конца с тобой. В партизанах не сдали, а теперь и подавно, — ответил за всех Колунок.

— Ой, Андрюха, щедр ты на посулу. Гляди, как бы брехней не осталось, — заметил Савелий.

— Слово всегда есть слово. Слову веры нет. Словам теперь никто не верит, и ты сам не Игнахиным словам веришь, а указываешь на совхоз да коммуны, где коллективом дело налажено.

— За меня я сам себе порука, — сказал Колунок.

Председателем новой артели выбрали Лариона Малютина. Крепкий хозяин, ему доверять можно. Разошлись далеко за полночь. За амбарами Гурьяна Гурьяновича смолкла гармошка и утихли звонкие девичьи голоса. Спало все село.

Игнат Ковров с Косулей последними оставили хату сельсовета.

ВТОРОЕ ЗВЕНО

1

Вторую декаду решение ячейки и правления колхоза о поездке в бор лежит без движения.

Секретарь ячейки Игнат Ковров решил сам руководить поездкой, так как это была по существу первая коллективная работа. Лютый мороз мешал выехать в бор, и поездка откладывалась со дня на день.

Однажды утром вышел Игнат во двор, заботливым взглядом посмотрел во все стороны и, убедившись, что ветер повернул с юго-запада, пошагал к обозу. Около конторы молодой артели «Успех» стоял готовый к поездке обоз. Колхозники копошились около своих саней, заботливо увязывали мешки с овсом и другими припасами.

— Хорошо ей, ячейке-то, выносить разные протоколы о поездке в бор, а каково ехать-то в такую стужу! Вот ведь он повертится-повертится как косач, а в бор небось не поедет. На прошедших разгах урюпинские мужики без рук, без ног приехали — поотморозили. Сидят сейчас кочанами ноги и руки, — ныл Ераска. Свинные его глаза мрачно смотрели из-под овечьей, порыжелой от времени папахи. Под большими стоптанными набок обувками неистово хрустел растоптанный колхозниками снег.

— Ты сними с Маланьи шубейку-то, в сельсовете козлячий тулуп попроси. Исполнитель-то в своем побегаёт, не бог знает какой волок от двора до двора, — посоветовал Алексей Харченков.

— Дело тут не в тулупе. У урюпинских мужиков были в семь овчин тулупы, да и то небось окоченели, — продолжал Ераска, лениво и нехотя поправляя упряжь.

— Пьянствовали они и с пьяных-то глаз ударились вместо Большой речки в Волчиху по бездорожью. Дорогой-то рукавицы все порастеряли. Так-то поневоле окоченеешь.

Бабы с мешками горячих шанег в сером тумане разыскивали каждая «своего» — находили и неловко увязывали мешки на вязанке сена. Прощались с мужиками и собирали их точно в партизанщину, в былые времена восемнадцатого года.

— Сунь горячу шаньгу за пазуху, дорогой поешь, чай тут в мешке, гусь там зажарен. Смотри не разбазаривай, не раздабривай шибко-то; одному-то хватит на всю дорогу. В Романовке забеги к тетке Марье да спроси, нет ли кудели. Соль тут в гусе в бумаге завернута. Табак тут в хлебе в тряпку завернут, — наказывала сухая, как жердь, Соломея.

Колунок волчком увивался около рослого лохматого Серка.

— Готово? — спросил Игнат. Серко оловянным глазом недовольно посмотрел на Игната и заботливо вздохнул. Ему, видимо, как и Ераске, не хотелось в бор. Напрягаясь всем телом, он сорвал пристывшие сани. Соловой, красивый конек, привязанный на потяг, подпрыгнул и рванул за Серком.

— Надо было еще одни штаны хоть сверху-то надеть, а то продует. Сейчас-то пока отмякло, а под вечер так кто знает што будет, — приговаривала Соломея, идя вслед за Андреем.

Андрей взмахнул кнутом. За ним следом выехал Ераска в сельсоветском белом козьем тулупе.

Серой извилистой змеей уходил вдаль обоз. Старый Серко шел впереди. Твердая от мороза кора снега большими черепьями трескалась под грузным телом Серка. Подобно ледоколу, разбивая кору, он глубоко до земли проваливался, разбивал дальше и широким шагом подвигался вперед. Соловой красивый конек запинался за черепья и нырял к пряслам передних саней.

— У, телегент паршивый, занырял, язви те, — не зло ворчал Колунок. Игнат Ковров шел подле оглобли Серка, потом он отстал, пропуская мимо себя весь обоз, присматриваясь к каждой паре лошадей и упряжи.

— С нами! — крикнул Ераска.

— Хлопотать ведь за лес-то надо. Не за своим едем.

— Не убежишь, паря; далеко уехали, — шутил Савелий, поровнявшись с Игнатом.

— У Гнедка-то высоко на седелке, перевяжи-ка давай, — заметил Игнат.

— Я и то поглядываю, что подпирает вроде. — Савелий спрыгнул с саней и перевязал чересседельник. Гнедко облегченно фыркнул.

— Повод-то не мог привязать к кольцу дуги. Едешь растрепой и поводья распустил, еще оборвет или заступит, — заметил Игнат.

Нерасторопный парень, по прозвищу «Отряха», овсяным снопом свалился с саней и на ходу перевязал повод.

— Поныряешь этак-то до бору с недельку, — крикнул Ераска. Андрей из-за раздирающего скрипа полозьев не слышал Ераскиного голоса.

— Поныряешь, говорю, до бору-то по такому сугробу, — повторил Ераска. — И че ему приспичило эту зиму? —

— Дело, ты видишь, артельное. Настанет весна. Нужна будет доска, жердь, кол, а у нас ни сучка, — ответил Колунок.

— Артелью надо решать вопросы-то, а не то что кому вздумается, — буркнул Ераска.

— План-от составлен? — составлен. Двор вынесено построить теплый? — вынесено. В бор поездка назначена? — назначена. Ну вот, стало-быть ячейка и выполняет этот план. К тому же еще Сибирь договор с терцами заключила. Ты слышал на прошедших разгах, как чистили нас терские делегаты? Ох, паря, ажно пух летел! У нас, говорит, на Терреке да на Кубани собака лучше живет, чем у вас корова. Самих, говорит, вас надо заставить в таком дворе ночевать, чтоб промерзли так, как мерзнет корова. Ну, сидим мы, как оплеванные, и стыдно в глаза им смотреть. Игнат, конечно, взял слово. — «Подождите, чертовы терцы, докажем мы вам, как умеем строить дворы. Дай, — говорит, — только мало-маль с артелью наладить. Утрем вам нос». Есть, говорит, значит — и хлоп по рукам Игната. — «Есть» — ответил Игнат, и стоят на подмостке в клубе оба здоровенные, жмут друг другу руку, смеются. Потом Игнат полыхнул речь. «Мол, мы с вилами на броневики белых шли и опрокинули их вверх тормашками, а двор, — говорит, — чо!.. Красные-де партизаны покажут себя и на колхозном фронте. Ну, а раз дали слово, значит его надо выдержать. Да и ты сам не глуп мужик, видишь, что надо двор» — агитировал Савелий.

Серко незаметно для себя подошел к Усть-Каменогорскому тракту. Тут около Дедкова кургана он выбрался на укатанную нешироким корытом дорогу и облегченно вздохнул. Обгоняя все двадцать подвод, бежал Игнат.

— Вот бы кого в передовики-то запречь — податно! — шутили колхозники, но Игнат не задерживался. Он снопом свалился к Колунку на сани. Обоз пошел на рысях.

Под раздирающий скрип полозьев колхозники мурлыкали каждый свою песню, а Савелий пел свою любимую, сочиненную им самим.

Запрягу я двух пегух, поеду по сено на двух,
Разыграются глаза, да я накладу больши воза.

У Савелия действительно были две Пегухи. Вот уж двадцать один год, как Савелий стал самостоятельным хозяином, старался больше сделать, больше захватить, но пегое наследие не плодилось, и, как бы Савелий ни желал иметь таких Пегух до десятка, а все случалось против его воли. Современем постепенно Савелий потерял всякую надежду стать богачом и теперь едет на своей паре Пегух, сданных в колхоз, и тихо, под скрип полозьев, мурлычет старинную песню о больших возах. В Пегухах его заметна перемена. Чуть повыше колена подрезаны хвосты, подрезаны гривы, и они как будто идут удалее и охотнее. В единоличные времена не полагалось стричь хвосты и гривы десятилетней кобыле, но колхоз изменил эту традицию. Савелий собственноручно подрезал хвосты накануне сдачи в колхоз. «Полтора рубля хвост — за два-три рубля, да по рублю за гриву — пятерка. В хозяйстве все прибыль!». За это Савелия Ераска шпильнул на собрании.

— Хвосты кобылам единолично подрезал почто... — и Савелия не выбрали на этот раз в члены правления артели.

Позади Савелия ехал Отряха (он не раз пожалел о том, что не взял в дорогу гармошку) и вторил Савелию такой же несуразной песней.

Паря по сено поехал, паря за угол задел.

Пари лошадь напужалась, паря с возу полетел.

Эта песня гармонировала с ленивой поступью рыжего белоногого Лысанка и с раздрающим скрипом полозьев.

Лошади попарно выбегали на Дедков курган, вихрем неслись в Солонювскую долину и тонули в густом сером тумане. По Солонювской долине к тракту вели три большие проселочные дороги. По этим дорогам день и ночь шли обозы с хлебом из глубинных пунктов зернового Алейского района. Тракт в этом месте был ухабистый от тяжелых возов зерна.

— Ну, и дорога, язви ее! Вот так всегда: поедешь к чему-нибудь хорошему, к прискам золотым или на теплые места в Семиречье, такую дорогу встретишь, — ворчал Колдунок, ежась перед падением в новый ухаб.

— Там поди к бору-то лучше пойдет дорога.

— Я тоже думаю, — уронил Игнат.

Обоз спустился в большую речку. Здесь на метровом льду не было ухабов. Вдали показались закуржавелые сосны. Справа, с востока, окутанные туманом, сумрачно смотрели Алтайские палатки.

Церковный староста Иван Харитоныч Жарков вышел на крыльцо и осветил просторный с полгектара двор мрачным синеватым огнем фонаря.

— Ой, милые вы мои, милые! — как-то тяжело произнес он. Шесть мерингов лежали на душистой зеленой вязили, разбросанной кучами по всему двору. Сквозь мазанные по метам плетни и пазы заплотника проникал холодный северный ветер. Пазы и щели плетня покрылись инеем.

Сосунок-жеребенок почему-то не спал и блуждал по двору. Заметив свет фонаря, он вытянул красивую сухую голову и бойко зашагал на свет.

— Милый ты мой, голубчик! — Иван Харитоныч так долго и нежно ласкал красивого жеребенка, как никогда не ласкал своего единственного сына Зокея Ивановича.

Жеребенок невежливо повернулся круглым красивым задом, потоптался передними ногами и небрежно разорвал сноп необмолоченного овса.

— Ешь, милый, топчи. Не жалко.

В углу, в свинарнике захрюкала большая английская свинья.

— На и ты, родная, ешь, топчи. Не жалко. Все равно ему цена — копейка. Он разорвал завязанный шпагатом сноп необмолоченного овса и с пренебрежением бросил его в грязь свинье. Свинья ухватила ртом горсть овса, потащила его к себе.

Потушив фонарь, Жарков вышел на улицу и глянул за Алей. Вдали мерцали огни совхоза «Зерно». Жарков повернулся в другую сторону и, миновав длинный ряд амбаров, заметил огни в доме Гурьяна Гурьяновича Несмелова. Из трубы шел слабый дымок. Дымок этот пахивал смолистой сосновой лучиной.

Двухэтажный дом Гурьяна Гурьяновича стоял над Алеем. Нижний этаж был разделен на две половины. В одной половине прежде была собственная торговля купца Несмелова, а во второй — питейное. Над Алеем за Несмеловским амбаром шел Змеиногорский тракт. Тут останавливался разный приезжий люд, брал у Несмелова с морозу вино и закуску.

Дом этот, как богатырь, возвышался над сотней лачуг Голодного мыса, где жила беднота. В зимние времена, в бураны волком тут воет Несмеловская дубрава, да назойливо и жутко гудит ветер в трубах. В летнюю пору в ка-

мышевых зарослях, что по ту сторону Алея, стонет вечная выпь. Стонет эта выпь целых два века, и целых два века стонет голодномысовская беднота, а три поколения Гурьянов Гурьяновичей Несмеловых все смотрят и смотрят свысока на голытьбу.

В 1914 году голодномысовских мужиков брали в солдаты «за веру, царя и отечество». Ревом ревел голодномысовский мир, а Гурьян Гурьянович Несмелов из своего дома как хищная птица присматривал, у кого из солдаток можно за бесценок купить лошадь, корову, кого из них приперла нужда.

Пришел семнадцатый год. Гурьян Гурьянович ушел в свою скорлупу. Наступил год восемнадцатый. По алтайским степям разгуливал белый кровавый атаман Анненков, шайки его казаков разгуливали по Алтайской степи, сжигали целые мирные села и аулы Алтая. Пороли мужиков, насиловали женщин, убивали детей, до пятого колена искореняли большевистскую крамолу. Реки крови и слез бедняцких лились на привольном Алтае. А Гурьян Гурьянович Несмелов с хлебом-солью встречал атамана.

На вид он не казался зверем. На вид это был гуманный человек. Он и на крестинах у бедняков бывает и даже крестным отцом Игнату Коврову значится. Никому в займах не отказывает. Но не было ни одного человека в Краснояровке, который бы не отработывал на Гурьяна Гурьяновича втридорога в жаркую страду. Голубые глаза умно и деловито смотрели из-под широкого лба. Постоянная улыбка на губах придавала ему мягкий и добродушный вид. В РИК его в шутку называли «добрым». Он и на заем подписался всех раньше, на самообложение тридцать процентов внес и всячески старался казаться примерным гражданином.

— Ночевали здорово, — уронил вошедший Жарков.

— Просим милости, Иван Харитоныч, хлеба кушать пожалуйста.

— Сыт, — отмахнулся Жарков и сел на обитый кожей диван рядом с Илларионом Малютиным.

— Я считаю все же, Ларивон Матвеич, что артель именно надо разогнать сейчас, — заговорил Гурьян Гурьянович. Минуту он помолчал и проглотил под ряд несколько пельменей. Лукерья Прокопьевна деревянной поварешкой захватила из чугунок десяток горячих пельменей и вывалила их в тарелку. Гурьяна Гурьяновича обдало паром.

— Видишь ли ты, Гурьян Гурьяныч, сейчас артель еще в самом зародыше. В ней всего только тридцать дворов и, главным образом, самая сознательная часть. Преимущественно партизаны и красноармейцы. Развалить эту артель довольно трудно. Надо подождать, пока другие запишутся, и тогда показать, что из колхоза ничего не выйдет, — сказал Малютин.

— Все-таки что же ты предпринимаешь? — спросил Иван Харитоныч Малютина.

— Проводил колхозников за лесом в Акмалу. Ожидая с бревнами.

— Момент-то сейчас хорошо разлад-то внести, пока Игнашка там в снегу кувыркается. Алешка Харченков тоже с ним, секретарь комсомола Алекин тоже в районе на курсах. — Иван Харитоныч потер жесткие немые ладони.

— Да я тоже твою руку держу — сейчас куда с добром можно оттяпать дело — как зайцы разбегутся.

— Сейчас необходимо под видом экономии кормов перевести скот на солому. Главным образом лошадей, с тем, чтобы сделать их неработоспособными до весны, одним словом — заморить. Надо затормозить разрешение вопроса об обобществлении семян. Обнадежить колхозников, что семена будут казенные. Этим самым к весне оставить без семян, перевести артель на коммуны, то есть сделать так, что обобществляется все имущество. Этим самым отобьем охоту массового вступления в колхоз. Ведь если люди идут в артель, то в коммуны не все захотят.

— Дело ты говоришь, Гурьян Гурьянович, — оживился разом Иван Харитонович.

— Главным образом надо сейчас поссорить бедняка с середняком. Сделать это можно просто: надо не давать середнякам ответственных постов в колхозе. Для этого достаточно Савелия Голядкина снять с должности бригадира скотников. Когда вынесут решение о коммуне, о земле, об обобществлении всего рабочего и рогатого скота, начнется убой. Тут надо только в огонь масло подлить.

— Дело ты говоришь, тут мы двух зайцев убьем. Ячейку в дураках оставим, и нажиться можно. Скупкой сырья заняться, а свинина-то в городе на базаре сорок рублей стоит пуд, да и кожа нарасхват, — живо заговорил Жарков, протягивая руки через стол к Гурьяну Гурьяновичу. Так бы и расцеловал его за хорошие речи.

— Ты, смотри, зятек, осторожнее делай, не попадись, —

вмешалась Лукерья Прокопьевна. Малютин выпил стакан настойки и пристально посмотрел на тещу.

— Стрелянный я волк-то, не первый год таки дела проделывать. В кредитном товариществе не с такими орудовал, да больше сотни бричек и машин сплавил своим в кредит, а это что!

— Ераску надо прибрать к рукам. Не забудь, жена, напомнить; завтра надо ему отвезти куль муки, а то детвора у него сидит на овсянке. Ераска нам всегда пригодится.

— Утро мудренее вечера, — сказал Жарков и, накинув длинный тяжелый тулуп, вышел на двор. Малютин выпил еще один стакан и тоже направился к выходу.

— Действуй, зятек, в долгу не останемся, — говорил хозяин, выпроваживая зятя.

3

Обоз колхозников накатал бревна и остановился на ночлег в селе Большая речка. Густо валил снег, было холодно. Лошади, привязанные к дровням, беспокойно переминались с ноги на ногу и тряслись от холода, точно в лихорадке. Игнат Ковров, шагая по ногам спавших на полу колхозников, вышел на двор. Он долго смотрел на восток. Из Усть-Каменогорских ущелий дул порывистый ветер. В степи поднималась метель, колыхались сосны, около них вихрем вился куржак. Игнату предстояло решить, что делать.

Пережить буран было больше невозможно, так как запасы фуража и хлеба были на исходе, а бураны могли дуть неделю и больше, и тогда двадцать лошадей и одиннадцать колхозников обречены на голодовку.

Богатое кержацкое село Большая речка только и ждет непогоды, когда с задержанного бураном путника можно выжать все, что у него имеется. За сутки стоянки надо было отдавать лошадь.

Игнат Ковров еще раз внимательно посмотрел кругом. Он полагал, что буран разыграется только к обеду и застанет колхозников на смежных с Красноярровкой урюпинских степях, а там до Красноярровки по Алею — рукой подать.

Ераска Лавров вышел вслед за Игнатом и возился около пары свежих лошадей.

— Быть беде, — буркнул он так, чтобы это слышал Игнат. Игнат ничего не ответил и только искоса посмотрел на Ераску. Гурьбой вывалили колхозники. За ними

вышел красный, как пережженный кирпич, кержак — хозяин постоянного двора.

— Да вот на прошедших разгах урюпинские мужики вот в таку же пору выехали. Бурану-то совсем не было, а только выехали на речку, он и дунул с того свету. Перемерзли мужики. Куда вам торопиться-то; жизнь, что ли, надоела? Не на пожар поди. Солома у меня есть, мука тоже есть. Чаю хватит, самовар семейный, большой. Переднюете, а там видно будет.

— Да, бедой пахнет, — заахал Ераска.

Новый порыв ветра, и потоки снега с поветей озадачили всех. Все смотрели на Игната. Он должен был решить судьбу десяти.

— Запрягать, — хладнокровно сказал Игнат и махнул рукою в сторону лошадей и бревен.

— Запрягать, говоришь? — переспросил Харченков, как бы сомневаясь в твердости решения Игната.

— Да, запрягать, — так же тихо, но еще более решительно сказал Игнат и пошагал к лохматому серому коню.

Серко поводил отмороженными ушами. Колхозники как по команде бросились к лошадям; те беспокойно вились в оглоблях, дрожали и рвались вперед.

Позванивая бревнами, обоз тронулся в путь. Пройдя из конца в конец большое село, он по крутому взвозу спустился на Большую речку. Дорога была ровная, укатанная. Обоз пошел на рысях, бревна раскатывались на поворотах и глухо звенели по льду. Миновав большереченский бор, обоз повернул на Усть-Каменогорский тракт. Бревна держались на весу, приподнимая сани над ухабами. К полудню ветер разыгрался, но Игнат до большого бурана торопился свернуть на Урюпинскую дорогу.

Ветер вдруг стих, потом неожиданно вихрем налетел с юга. Утрамбованное корыто посредине неширокой дороги замело снегом. Сани грудили перед собой снег. Лошади шли тяжело, то-и-дело останавливаясь, переводили дух и вновь торопились догнать ушедших. Цепь стала заметно редеть. Обоз вытянулся в длинную километровую ленту. Метель усилилась, густой снег засыпал бревна, людей и лошадей. Буря рвала, бесновалась и беспощадно хлестала лошадей. Передние в снежной метели стали терять своих задних товарищей. Ераска то метался к впереди идущему Савелию, то отставал и наступал на Харченкова.

— Вот видишь, говорил вам не ехать, не послушали. Передохнем все как мухи. Завела ваша партия. Сейчас от-

прягу, брошу, сдохнете вы с вашим двором, с вашими бревнами, — выл Ераска и в буре сам не слышал своих собственных слов. Он бросился к своему возу, выхватил из передка саней топор и перерубил веревки. Два девятиаршинных, шестивершковых бревна легли поперек дороги и преградили путь. Лошади шарахнулись в сторону и, ныряя в глубоком снегу, пробивались навстречу выюге.

— Стой, держи! Стой! — кричал Харченков. Савелий бросился вперед к Игнату, чтобы предупредить катастрофу, но лошади с бревнами сгрудились в кучу, переплелись. Харченков бросился за Ераской.

— Бей его, идола! — размахнулся топором подбежавший Колунок.

— Стой! — осадил Игнат. Колунок отскочил в сторону.

— Накатывай! — крикнул Игнат.

Люди бросились к бревнам. Несколько человек всадили в них топоры и приподняли, остальные подкатали сани.

— Сиди, сволочь, не то прибью, как собаку! — рычал Колунок на Ераску. Бревна уложили, обоз снова тронулся в путь. Опускалась ночь. Буря рвала и метала. Снегопад усилился.

Упрямый и выносливый Серко стал выбиваться из сил; он, казалось, ничего не видел, не различал и вслепую продвигался вперед. Игнат стал выбиваться из сил. Колунок слышал, как впереди выл и ругался Ераска.

Недалеко у стогов завывали волки. Лошади захрапнули, у обессилевших людей пробежала по коже боязливая дрожь. Игнат убедился, что обоз сбился с дороги. Он знал по времени, что находится где-то недалеко от Дедкова кургана. Обоз остановился, сгрудились в кучу люди и лошади. Лошади беспокойно бились от снега и ветра. У кого-то хрястнула оглобля. Люди перекликались, сбились в один кружок.

— Завел, подлец, завел, бродяга, погибли мы. Где мы сейчас, чорт знает, ба-а-а! — завопил чей-то раздирающий голос.

— Коврова давай. Коврова! Бей его, сволочь, завел! — вопил Ераска.

Колунок выхватил из-за опояски топор и занес его над головой Ераски.

А потом повернулся к кружку и заорал, заглушая ветер.

— Кто первый занесет руку на Игната, тому размозжу череп. — Рев его сбил и унес порывистый ветер.

— Скрылся, шельмец, сбежал! — кричали колхозники.

Лошади шарахались в разные стороны, рвали сбруи, ломали оглобли. Коурый, небольшой, лохматый конек, как ошалелый, вскарабкался на два ряда вздыбившихся бревен, свалился и повис на гужах, еле касаясь задними ногами земли.

— Замолчать! — крикнул Игнат, внезапно очутившись в кругу, и от этого крика ветер как будто притих. Вместе с ним притихли люди и лошади. — Расшибу, кто пикнет хоть слово! — зверем зарычал он, размахивая большими руками. Он ухватил за уздцы Серка, осадил его назад и повернул навстречу ветру. Чей-то воз опрокинулся. Буря попрежнему рвала и метала. Бревна, на которых висел Коурка, тронулись и зазвенели, подпевая буре. Конек коснулся земли и рванулся вслед за возом Серка.

Куда повел обоз Игнат, никому было неизвестно, только стало заметно, что буря била в другую щеку. Обоз поднимался в гору. Всем казалось, что едут они по следам урюпинских мужиков, отморозивших себе руки и ноги в такую же непогоду.

Забравшись в гору, лошади лавиной бросились вниз. Люди закрыли глаза и ожидали, что вот-вот свалятся в какую-то пропасть, что придет конец света белого. Но вот сквозь вой бури послышался лай собак, и колхозники увидели тусклое мерцанье огней. Это была Краснояровка. Около полуночи прогремели по селу бревна. Домоседы-колхозники повыскакали все, от мала до велика, встречать обоз.

— Хорош кругляш!

— Да, кругляш хоть куды. Ай да молодцы ребята, и буран нипочем, — говорил дед Яков Акимович, по прозвищу «Собаки те ешь».

Колхозники, точно ни в чем не бывало, бойко и удало катали бревна и складывали их в штабеля. При тусклом свете фонаря встретились две пары глаз. Одна пара серых злых и упорных, Игната Коврова, и вторая каких-то бесцветных, забитых, трусливых — Ераскиных.

«Ой, какой я жалкий, трусливый человек!» — и Ераска, убитый своей трусостью и стыдом, поплелся на край села.

Игнат Ковров долго не спал эту ночь, — оттого ли, что много пережил за эту поездку, или оттого, что много еще предстоит дел впереди. Поездка в бор — это по существу первое боевое крещение на коллективном фронте.

Ячейке хотелось еще до весны показать колхозникам, что колхозом выгоднее работать, что колхоз — единственный путь. В эту зиму было намечено четыре поездки в бор

за бревнами. Надо было вывезти пятьсот бревен на скотный двор, сарай для машин и на другие нужды.

Сорок бревен, привезенных колхозниками, это уже полдвора, но основная задача заключается в том, чтобы покончить с зимним бездельем. Ведь колхоз — это труд, а вот уж второй месяц, как колхозники не находят себе дела. У них не было ничего такого, вокруг чего можно было бы организовать коллективный труд. Шли серые тихие дни, бесконечные, надоевшие всем разговоры. Надо было дать людям дело.

Игнат Ковров из этой поездки вынес многое. Он понял, что надо организовать людей, организовать труд, повести решительную борьбу с нытиками и маловерами; понял, что нужна огромная воспитательная работа, что многое еще надо переделать в темной, наполовину неграмотной деревне.

Наличие в колхозе таких людей, как Андрей Колунок, придавало больше бодрости и крепкой веры в успех.

Утром чуть свет в окно постучал дед Яков.

— Планты-то готовы, Игнат? — спросил старик.

— Заходи, дед! — крикнул Игнат.

В хату ввалился белый как ковыль семидесятилетний Яков Акимович.

— План тут каков, надо двор на двести коров построить.

— И полы деревянные? — спросил Яков Акимович.

— Да, и полы деревянные и столбы. Крышу, пожалуй, соломенную из-за недостатка леса, а стены камышевые.

— По-совхозски, значит.

— Да, именно так. Стихнет буран, еще в бор поедем, на тридцати лошадях. Привезем еще полсотни бревен. Вот и двор — на весь скот хватит.

— А я бы не двор посоветовал, а сарай для машин из этого леса, а на двор-то можно малость похуже. Из этого кругляша получают хорошие доски, и вот, собаки те ешь, закатим сарай, чтобы диву дался народ. Вот сейчас везут плуги, бороны, машины, а мы валим их на снег; это прямо непорядок. — Старик достал горсть нюхательного табаку и щепоткой насовал его в густо поросшие ноздри.

— Вот что, дед. Езжай-ка в совхоз, там изучи устройство скотного сарая, сарая для машин, мастерских, я как-то плохо присмотрелся к этому делу. Подсообрази, сколько надо лесу, — как, что, куда.

— И то резон. У меня там техник знакомый. Сколько лет у него на отходе работал. Иван Митрич его звать-то, хорош больно человек, собаки те ешь.

Директору совхоза Ковров написал:

Дорогой товарищ директор! Ячейка партии и правление артели „Успех“ направляют к вам одного нашего товарища-старика на изучение скотного двора и разных совхозных построек. Он плотник. Просим научить всему. Мы заготовляем лес на скотный двор и другие здания. С ком. приветом.

Ковров Игнат

— Вот тебе записка, дуй. Через четыре дня будь здесь. Там тебе покажут.

— Эх, грамоты-то я не знаю, собаки те ешь, проклятая жизнь была! Мол куда-де, зачем-де учиться, а теперь вот на семидесятом году понадобилось. — Старик посмотрел на клочок бумажки, свернул ее и сунул за пазуху.

— Потеряешь, на словах передай: мол, так-то и так-то. Хочешь, пережди буран, потом пойдешь.

— Нет, уж я пойду, где там ждать. По ветру-то тут рукой подать. Топор да хлеба захвачу.

— Не надо хлеба; там есть столовая, тебя накормят. Сыт будешь.

— Ладно, если накормят. Спасибо за хлеб-соль им. Яков Акимович потоптался на месте и, согнувшись коромыслом, шагнул в дверь. Взяв плотничий топорик, он направился к Алею. Потом повернул на Дедков курган по направлению к совхозу.

— Каков таков директор, каков там харч, что там за пригон у них, за дворы, кака така силосна башня? — разговаривал сам с собой Яков Акимович. Порывистый ветер визжал тонко и пронзительно, и дед не слышал своих собственных слов.

4

В хате Игната Коврова собралась ячейка.

Молодую артель «Успех» волновал вопрос о земле. Земля — это ось, около которой вертелся десяток вопросов. Многие не шли в колхоз просто потому, что хотели прежде узнать, где колхозу достанется земля. Ежели достанется по ту сторону Алея от Гурьяновской рощи и до Дедкова кургана, это хорошо. Можно идти в колхоз, земля под рукой, а ежели достанется на горушке или Солоновский клин, то нечего там и делать. Поэтому вопрос о земле требовал срочного разрешения.

— Несмеловскую землю под артель, землю Жаркова Ивана, Александра Аксинина и других кулаков, а вообще весь этот клин от поскотины и до Дедкова кургана под артель, — заявил Харченков.

— Полно тебе, Игнат, с Аксининым да Жарковым связываться. Они вас в бараний рог согнут, куда вам соваться-то! — ввязалась в обсуждение земельного вопроса тетка Татьяна.

Но на ее замечание никто из коммунистов не обратил внимания.

— Пиши в протокол, — сказал Игнат.

Харченков лизнул карандаш и приготовился к записи, вода по бумаге рукой.

— Партийной части сельсовета в трехдневный срок добиться отвода земли для артели, а именно отвести участок от Гурьяновой роши до Дедкова кургана.

— Пиши дальше. Несмеловскую березовую дубраву передать в ведение колхоза, так как он, Несмелов, ее не сажал и не растил, а присвоил от общества неизвестно в каком году.

— Мельницу Ефима Начинаева отобрать в совет, — перебил Милородов.

— Стой, не пиши! — крикнул Ковров.

— Почему это не пиши? — вскочил на ноги Милородов и швырнул шлем на земляной пол.

— Потому что это одно разорение, а не мельница. На нее только силу людскую положишь — запруда дорого стоит. Вошел Колунок.

— Насчет чего собрание? — спросил он, обирая с борды ледяшки.

— О земле.

— О земле. . . Как так о земле? — удивился Андрей.

Вошел Малютин.

— Ага, вот и председатель артели; кстати и послушает, как в «Успехе» дело обстоит. Сейчас идет заседание ячейки. Вам слово, товарищ председатель. Как вы разворачиваете дела?

Малютин молчал.

— Как дело обстоит с планом работ? — нетерпеливо спросил Ковров.

— Перелом в работе есть, — начал Малютин. — В артель записалось еще три человека. Ефим Начинаев желает передать в колхоз свою мельницу. Потом заступил Аксинин Александр и Газин Павел.

— А Жарков не вступает? — ядовито спросил Колунок.

— Обобществление семян пока приостановлено, так как в РИК сказали, что наши семена непригодны для коллек-

тивного посева, что будут даны чистосортные семена, — солгал председатель.

Ковров закрыл глаза, как бы желая взвесить сказанное Малютиным.

— Да вполне это может быть, — согласился он вдруг.

— В виду недостатка кормов, весь скот переведен на солому и мякину.

— Правлением разрабатывается вопрос о переходе на устав сельскохозяйственной коммуны.

— Хорошо, правильно, — одобрили Харченков и Милородов.

— Стой! — спохватился Игнат. — Ты говорил об этом с людьми?

— Да, по пятидворкам вчера ставили этот вопрос.

— По линии сельсовета?

— Да, — ответил Милородов.

— И по линии правления, — добавил Малютин.

— Что вы наделали, что вы наделали! Чорт меня понес за этими бревнами.

Секретарь понимал, что здесь, где было по два кабака на село и одна школа на две волости, где семьдесят пять процентов неграмотных, главным образом в возрасте от сорока лет, — ставить вопрос о коммуне просто вредно. Но провести сейчас разъяснительные беседы по пятидворкам, разбить в пух и прах вредную малютинскую теорию было невозможно. Трех коммунистов и трех комсомольцев, хоть разорви на мелкие части, нехватит.

— Хорошо, завтра мы устраиваем в клубе общее собрание о коммуне. Пусть пятидворники примут меры к сбору граждан. Ну а теперь, пока все. Идите.

Малютин и Колунок скрылись в буране.

— Лопухий ты чорт, знаешь, чем пахнет твоя коммуна, — начал Игнат, — знаешь, что из колхоза сегодня же удерет половина, а завтра к вечеру перережут половину скота? Имей в виду, что теперь мужики будут бояться колхоза, что, мол, де, сегодня артель, а завтра коммуна. В артели они поймут преимущества коллективного производства и коллективного быта. Артель — это первая ступенька бедняка и середняка к социализму.

Милородов только сейчас понял свою ошибку.

— Вот видишь, если ты, коммунист, ошибся, то почему же Малютин не мог ошибиться? — рассудил Ковров.

Беседы шли за беседами. От каждого десятидворка ежедневно приносили новые заявления.

— Сегодня в моем десятке вступил и Утюгов Лука и Миронов Зотей — оба середняки, — докладывал рослый комсомолец Степанка.

— А остальные как? — спросил Игнат.

— Хромцов Илья не идет; говорит, что богу веровать не дадут в колхозе. До полночи с ним просидел. Уж так я и эдак говорил. Сперва он соглашался, а потом опять раздумывал. Посмотрю, — говорит, — как вы будете работать. А Чураков Иван говорит, что в этом году у него вспахано пять гектар земли и что весной остается только забороть. «Посмотрю, — говорит, — как другие мужики». Стручков Никита подавал заявление, но ему ответили, что самогонщиков и барышников в колхоз не принимаем.

— А у тебя, Харченков, как дела, по десятку?

— Что по десятку! Глотов Федот корову тельную зарезал, а теленок-то в заводского бычка удался, — через месяц бы отелила корова. Баба плачет, ребятишки плачут, а он как сдурел.

— Игнат, Нефедка Лоскутов зарезал свинью, распорол живот и выбросил восемь поросят, — протарахтел вбежавший Ромашка.

— Что? — испуганно подпрыгнул Игнат. В это время за двором завизжала еще чья-то свинья.

— Милородов, мужики скот режут, почему совет спит?

— Что?

— Скот режут, — повторил Игнат.

— У, змей, как я его не убил подлеца! — ворчал Милородов.

— Кого?

— Жарков тут ездил, шкуры скупал. По пятьдесят рублей платил за штуку. Засадил я его. Ведь ты пойми, что он делает. Целая корова стоит пятьдесят рублей, а он за шкуру пятьдесят платит. Возьмет две-три штуки для того, чтобы остальные, глядя на дороговизну, резали свой скот.

— Состав совета, Игнат, надо пересмотреть, а то, знаешь, сейчас предстоит большая работа. Надо руководить колхозом. Некоторые из советчиков ноют за кулаков. «Зачем же их обижают».

— Смотри, как все быстро делается. Ведь вот вчера еще никто ничего не говорил, а сегодня, того и гляди, десяток

коров уничтожат. Это агитация кулака. Но ведь должны же понять мужики, что рубят сук, на котором сидят, — говорил Игнат.

— Да, брат, много еще придется работать и бороться, — отвечал Милородов.

— В моем десятке три человека вступило в колхоз, — доложил Колунок, обивая снег с застывших сапог.

— Хорошо, — ответил Ковров.

— Только мужики не велели пока говорить Жаркову, — с досадой буркнул Колунок.

— У, гад, хотя бы до половины село коллективизировать, махнули бы сволочь кулацкую! — негодовал Игнат. — Дай схожу в пятидворок. — Ковров нахлобучил черную лохматую, мокрую от снега папаху и тяжело зашагал через сугробы по узкому извилистому переулку.

Войдя в сенцы к Ивану Чуракову, Игнат услышал голос Олены, дочери Гурьяна Несмелова. Ей перечил твердый бас Чуракова, и откуда-то глухо доносились более мягкие, протяжные слова Ильи Артемича.

— Все равно в коммуны перейдете, так что один раз переморщиться, — звенел голос Олены.

— У, змея! — глухо уронил Игнат и, согнувшись, нырнул в обитую войлоком, неширокую дверь.

Олена заметно покраснела и смущенно села за стол.

— Вот я не согласен с вами, Игнат Спиридоныч, — бросил басом Чураков, перебирая руками старый подхомутник.

— Насчет чего?

— Насчет колхоза.

— Почему?

— Потому что какого же лешего? Ведь артелью-то не свичны мы работать.

— Значит, по-твоему, в артели работать нельзя?

— Нет, о житье я говорю, а не о работе. Ведь тут дома-то как я хочу, так и делаю. Вот принес хомут и потрошу, сегодня сено лежит на полу, а завтра соломой застелю, а нето и так оставлю.

— А артель как?

— Ну, про артель еще можно речь вести, а к коммуны, прямо тебе скажу, Игнат, пока наш мужик не приготовился. Ведь возьми какой он дурной. Вчера как дело-то вышло: Глотов где-то наслышался, что всех будут в коммуны загонять. Утром рано я вышел сено коням давать, смотрю, — а он зверем набросился на корову, ухватил за рога; сперво-

начала она понесла, а потом, около скирда, Глотов уперся ногами в плетень и удержал. Стручков Никита ударил топором по лбу, корова взревела и ухнула на землю. Распорол брюхо, а там теленок чаленький. Весь в заводского бычка удался. Баба, ребятишки выскочили в слезах. Кто в чем. Народ сбежался, а Глотов стоит в раздумьи, как человека убил. Стручков шкуру снимает. «Чего, — говорит, — на них смотреть, хоть мясо поешь». А ребятенки и бабы в три голоса воют. Потому не дождутся больше молока. А я возьми да еще подтруни. Рыжка-то, говорю, лучше коли, чем в коммуно сдавать. А теперь и боюсь, как бы и в самом деле дурь в голову не пришла.

— Почему же ты, Иван Оверьяныч, воздерживаешься от колхоза? — круто оборвал Игнат.

Чураков разгладил черную бороду.

— Мм-да... Видишь ли ты, Игнатий Спиридоныч, земля у меня заготовлена, работы весною немного, притом дело-то новое; посмотрю, что будет.

— Но ведь другие мужики не смотрят, а идут в колхоз.

— Не противлюсь, пусть идут, приду и я, а сейчас как-то того, вроде страшно. К тому же мужик я малограмотный, плохо разбираюсь в этих делах.

— Век не проживешь один. Ведь вот у тебя своя косарка, это — орудие производства; покоса ты имеешь десять гектаров, два дня она у тебя работает в году, а остальное время стоит, и получается вроде собака на сене лежит — сама не ест и другим не дает, — хладнокровно говорит Игнат.

— А вот у тебя две пары сапог, а у меня совсем нет. Дашь ты мне свои сапоги? — Чураков заискивающе посмотрел на Олену. Олена смотрела вниз.

— К сожалению, у меня одна пара сапог, и та плохая. К тому же сапоги — это не орудие производства.

— Значит, ты подводишь к тому, что если я не пойду в колхоз, то у меня следует отобрать косарку, — взволнованно и обидчиво сказал Чураков.

— Нет, я хочу, чтобы ты понял, для чего нам нужен колхоз. Так вот, значит, твоя косарка, будучи в колхозе, принесет большую пользу: за лето вместо десяти гектаров она выкосит сто пятьдесят; сеялка, которая работает два дня в весну, будет работать двадцать два дня, засеет сто двадцать гектаров, и вообще весь инвентарь принесет пользу в десять раз больше, чем в единоличных руках.

— Подумаю, подумаю я, — отозвался Чураков.
Игнат нахлобучил папаху и нырнул в узкую, обитую войлоком дверь.

6

Слух о коммуне летал по селу. По узким кривым переулкам, перелезая через сугробы, со всех дворов Красноярки шли на собрание. Шли мужчины, шли женщины. Пятидворники подгоняли отстающих. Огромное дощатое здание летнего клуба набилось битком. Никогда еще ячейка партии не видела на собрании такого многолюдия. Игнат вышел на подмости. В руке он держал потрепанную и исписанную с угла на угол бумажку. Глаза его бегали по морю разноцветных платков и треухов. Большие тяжелые бахилы точно пристыли к доскам. Высокая фигура покачивалась из стороны в сторону.

— Товарищи! — начал Игнат. — Быстрый рост социалистической промышленности предъявляет нам спрос на продукты сельского хозяйства.

— Почему обуви нет? — перебил чей-то неистовый голос.

— Сахару ни куска? — оборвал другой.

— Хлеба никак не докупишься? — басил чей-то третий. Все насторожились.

— Видишь ли, хотели меня сбить с толку, а выходит, что поправили. Начну с ваших вопросов. — И Ковров впервые переставил бахилы.

— Ведь и кожа, из которой делается обувь, и свекла, из которой делают сахар, и хлеб, которого не докупишься, — все это продукты сельского хозяйства, а я говорю, что промышленность предъявляет нам спрос на продукты сельского хозяйства. Но можем ли мы удовлетворять этот спрос, дать промышленности сырье? Игнат провел глазами по морю платков и треухов.

— За границу пошто отправляете? — крикнул Ераска, воспользовавшись паузой в речи Игната.

— Начнем с твоего вопроса. На Алейском сахарном заводе был?

— Был, — буркнул Ераска.

— Машины там видел?

— Видел.

— Заграничные они?

— Заграничные.

— У Несмелова машину «Лянг» видел?

— Видел, работал на ней.

— Заграничная она?

— Заграничная, — отвечал Ераска.

— А зачем тогда ввозите из-за границы, когда это можно делать у себя в Расее? — снова воспрянул Ераска.

— Опять хороший вопрос. Но я задам тебе обратный вопрос, — перешел в наступление Игнат. — Как, по-твоему, такую машину, как у Несмелова, можно сделать в Бондаренковской кузне у нас в Краснояровке, или для этого нужна машина?

— Знамо машина.

— Значит, эту машину надо привезти из-за границы или построить у нас новые заводы — машиностроительные.

Ераска сконфуженно сел.

— Сиди, язви тя, всезнайка! — осадил Колунок.

— Теперь пойдем дальше: допустим, что мы уже привезли из-за границы машины, пустили в ход завод и вырабатываем в СССР свои машины, даже больше того, — привезли эти машины на склад. И что же дальше? Вот стоят эти машины стоимостью в двести рублей. Кто их сможет купить? Кто? — спрашиваю.

— Жарков! — крикнул чей-то голос из глубины.

— Да, Жарков, но нам-то от этого будет легче? — Люди молчали.

— Допустим даже, что советская власть отпустит нам эту машину бесплатно. Привезем мы в село трактор, и что же дальше? Сегодня он будет пахать Петру на горевке, а завтра переедет к Сидору за Алей, за двенадцать километров, как это было у нас с комитетскими сеялками, которые были пущены по единоличникам. Мирон вспахал полгектара и взял сеялку, четыре раза обернулся, и готово. Отпруг на конце полосы, и она стояла полдня без работы. В результате три сеялки за двадцать дней весны посеяли только тридцать гектаров, в то время как при бесперебойной работе они могли бы посеять триста гектаров на худой конец. Возьмем двух середняков — дядю Савелия и Харченкова. У них две лобогрейки, посева у каждого по десять гектаров; значит, машина работает всего только два дня, и, в то время, как она стояла без дела, бедняки убрали хлеб вручную, выбивались из сил. А будь бы эти машины в коллективе, ими можно бы скосить за двадцать дней двести гектаров. Это одно дело. Теперь мы подписали с терцами договор, что за эти два года устроим теплые скотные дворы; но поодиночке нам это не сделать.

Так было испокон веков, так могло бы остаться еще на десяток лет, а коллективом мы это сделаем с успехом.

— Значит, речь моя ведется к тому, что надо колхоз.

— Поясни, что за штука — колхоз! — крикнул кто-то.

— Совхоз знаете?

— Видели, — отозвалось несколько мужиков.

— Но совхоз, как и любое советское производство, организовано на средства государства, а колхоз организуется на средства самих крестьян. Хозяином его являются сами бедняки и середняки. Значит, мы обобществляем землю, лошадей, крупный рогатый скот (кроме одной коровы), сельскохозяйственные орудия. Все же остальное является единоличной собственностью. Все, что будет произведено коллективом, будет распределяться по количеству и качеству затраченного труда.

— Пои, пои! Знаем мы вашу лавочку! — крикнул бородатый мужик, Иван Чураков, и нырнул в гущу людей.

— Что же ты прячешься? Говори смелей, коли правдой живешь! — крикнул Игнат Чуракову.

Слово взял Илларион Малютин.

— По-моему, товарищи, нечо итти по ступенькам, сначала в артель, потом в коммуны, а уж один раз перемаяться, завести сразу коммуны и баста. А то ведь все равно не сегодня-завтра переходить к ней. Значит, у мужика не будет охоты к тому, чтобы разводить огород, лишнюю свинью, потому что он будет ожидать, что все это перейдет в общий котел, — заключил Малютин. Люди молчали.

Сквозь толпу пробирался Харченков. Бросив на полтреух, он вскочил на подмосток. Встряхнув кучей черных взъерошенных волос, он громко заговорил:

— Что ж вы молчите, как воды в рот набрали? Жалко свою Буренку, свою Гнедуху, свой плуг. Пора назвать все это общественным, колхозным, или все еще думаете, что Колчак с войсками стоит у Алтайских палаток и скоро спустится сюда на равнину? А в восемнадцатом году, когда белые палачи с живых людей вырезали ремни, тогда вы не пожалели своих Буренок, не пожалели жен и детей, с вилами пошли на колчаковские броневики. Так что ж вы сегодня боитесь назвать свой плуг колхозным, боитесь собственного счастья? Вы не боялись тогда назвать себя красными партизанами и объявить войну палачам, так чего же теперь боитесь назвать себя колхозниками, объявить войну нужде, войну кулачеству? Жаркова все еще слушаете? Когда

в 1918 году на наших плечах повисло колчаковское иго, когда на шею была наброшена петля, кто нас вывел из кабалы, кто?

— Коммунисты! — раздался голос.

— Верно, коммунисты.

— Кто вел бой за землю — кто? А теперь коммунисты зовут коллективом взрыхлять поля, коллективом бить нужду, так вы что — за аль против? Коммунисты зовут вас в последний бой с Жарковыми, с нищетой вековечной.

Пудовым молотом падали Алексеевы слова. Алексей бил не в бровь, а прямо в глаз. Каждый задавал себе вопрос: почему это было тогда так, а почему сегодня что-то удерживает? Ведь тогда с вилами, с лопатами за партией пошли за землю, но теперь почему же не пойти за партией на коллективную обработку этой завоеванной кровью земли?

— Впрямь, мужики, не знаю, чего вы боитесь. Правду скажу, что бояться артели нечего; работал я в товариществе по совместной обработке земли и уверился на деле, что податнее работать. Правда, на первых порах было жалко расстаться со своим конем; я тоже так жалел, когда входил в товарищество, что на моем коне будут ездить другие, а потом когда понял, что все лошади являются одинаково полезными для артели, стал жалеть всех лошадей. В колхоз мы зашли всем товариществом.

— Запиши меня, Игнат Спиридоныч! — крикнул середняк Фомин. — Какого лешего? Гнешь-гнешь спину, пашешь, зовешься крестьянином, да еще середняком, а сам без хлеба сидишь, потому что сеешь богорулькой — он вытянул вперед пять закорузлых пальцев, — пашешь в вершок и борошишь деревяшкой, а оно и родит осот да бурьяк. Прямо смешно — мужик на земле, а хлеба и сам не ешь и государству никакой пользы.

— Пиши и меня! — отозвался середняк Бутенков Онис. Люди галдели. В помещении стоял сплошной гомон.

— Вот ты говоришь, будут обобществлять только лошадей, крупный рогатый скот. А почему вчера по пятидворкам такие разговоры вели, что в коммуны будут брать все до тла? Пошто обманываешь народ? Скажи правду. И не глупый мужик, а народ обманываешь, — высказался невысокий подсадистый, со шрамом во всю щеку Стручков.

— Так оно и будет! — громко крикнул Жарков. В зале произошло замешательство. Люди не слушали оратора, что-то доказывали один другому, размахивали руками; никакие слова председателя не действовали.

— Товарищи, вы слышите голос бывшего старосты Жаркова. Это вой затравленного волка, — закричал Игнат. — Мы стоим за артель с обобществлением только лошадей, сельскохозяйственных орудий, то есть то, что мы уже делаем. Вы уже видите нашу работу. Мы привезли первые бревна на постройку первого нашего общего здания, первого здания будущего колхоза.

7

Яков Акимович оказался на дворе совхоза «Зерно», когда рабочие совхоза вываливали из клуба, где только-что кончилось производственное совещание. Среди рабочих много было в киргизских бешметах и малахаях.

Позади всех, размахивая руками и громко друг другу что-то доказывая, шли двое: один коренастый, высокий, в рыжей телячьей куртке, другой — небольшой, сутуловатый в очках. Акимыч в одном из них опознал техника совхоза Ивана Митрича, пошел ему навстречу и, робея перед большим человеком, сунул бумажку.

— А, Яков Акимыч, какими судьбами сюда? Давно, брат, ты не работал у меня, — заговорил сутуловатый человек в очках.

— Почитай пять лет не виделась с тех пор, как закончили ремонт металлзавода в Барнауле, — ответил Акимыч.

— Старые друзья, — сказал Митрич.

Человек в рыжей куртке хлопнул старика по плечу.

— Идем, старина. Ты первая ласточка из молодых колхозников на нашем дворе. — Это был директор совхоза Киргетов.

— Грамоту знаешь? — спросил директор, войдя в светлую просторную столовую.

Старик покачал головой и тяжело, как по покойнику, вздохнул. Директор понял без слов.

После обеда дед Яков с директором направились к длинному черепицей крытому зданию. Это была конюшня. В ней стояло двести сибирских малорослых лохматых коней.

Невысокий с покривившимися от езды ногами, скуластый, с узкими черными глазами человек чистил серого в яблоках коня.

Яков Акимыч и конюх внимательно посмотрели друг на друга.

Человек в национальном киргизском костюме был суров и сосредоточен. Казалось, что он вот-вот бросится на старика и разорвет его в клочья. Но широкое скуластое лицо

расплылось в улыбку, черные глаза закатились далеко под веки.

— Эй, эй, Аким Джаком! — завизжал вдруг человек в малахае. Он уронил на пол скребок и бросился к старику.

— Ахмет, это ты? — крикнул старик и бросился навстречу Ахмету. — Милый ты мой Ахмет, милый ты мой, — приговаривал старик. Они долго держали друг друга в объятиях. Радости их не было конца.

Дед Яков рассказал директору:

— Лет тридцать с лишним, пожалуй, было тому назад, я и Ахмет жили в батраках у отца Гурьяна Гурьяныча. Ахмет тогда еще был молодым; он пас табун лошадей, месяцами пропадал под знойным солнцем и дождем. Белые менял в лето раз, вшей было хоть лопатами гребь. Пять лет жили вместе. В японскую войну Гурьян Гурьяныч за бесценок накопил у солдат табун лошадей, и мы с Ахметом погнали их в Семипалатинск. Несмелов запродавал этот табун богатому баю Мартузалееву. Мартузалеев тогда и говорит: «Продай, Малайта». «Купи — говорит — продам его, чорта вшивого». Хлоп по рукам, за пятьдесят целковых. Плакал я тогда, в ногах валялся, Христом-богом просил не продавать. Не помогло. Лет двадцать я все вспоминал Ахмета, потом уж забыл.

Дед Яков закашлялся, высморкался и полой порыжедого, облезшего полушубка вытер слезы и нос.

— У, Аким Джаком, Аким Джаком, как мы живой!

Директор радовался больше друзей. Ведь так еще недавно краснаяровские мужики враждовали с киргизами. Так памятен день, когда бывших пастухов-киргизов «Яшку» и «Ваньку» на сборне, по приказу старосты Жаркова, высоко вздымали на воздух, потом опускали на мерзлую землю до тех пор, пока несчастные жертвы перестали дышать. Потом привязали к хвостам лошадей и, как падаль, оттащили и сбросили в Алей. Так натравливала царская власть крестьян на трудовых киргизов.

— Двадцать лет мой гнул спина на Муртузалей, — начал Ахмет, повернувшись лицом к директору. — Пришел красный, Муртузалей секим башка. Бедный наш жил, слеза один лил, голод, мука терпел. Пришел к нам Турксиб; наш на работа пошел, наш хлеб получил, наш дети в школу пошел, совхоз здесь пятьсот человек наших киргизов. Туркестан, Казакстан, колхоз свет наш увидел. Заводи Аким Джаком колхоз. Ленин нас спас, коммунистическая ячейка правильно делат работа, Гурьяна надо за другой район послать, нас он продавал, а его наш бесплатно отдаст, — говорил Ахмет.

Все трое направились по длинному ряду конюшни.

— Коня-то стало-быть не изничтожили. Ведь машин у вас много? — спросил Яков Акимович.

— Э, нет, Яков Акимович! Конь еще долго будет жить. Наоборот, мы разводим коней. — ответил директор.

К концу конюшни стояла чалая высокорослая поджарая кобылица.

— Красавка, красавка, — бурчал Ахмет и погладил красивую спину лошади.

— Вот как, Аким Джаком, кормим коня. Коня мой любит. Сам не будет кушать, а лошадь будет кормить.

— Смотри, Иван, кураша смотри, — наказывал Ахмет небольшому, коренастому казаку, которого почему-то звали по-русски Иваном.

— Бригадир я, Аким Джаком. Порядок ведет моя по конюшне.

Из конюшни направились к глинолитному, крытому камышом скотному двору. Коровы бродили по обширной площади двора. Совхозники, преимущественно казаки, чистили стойла. Бригадир киргиз Жмук по-своему крикнул и взмахнул малахаем. Люди выбежали на двор. Стадо коров рассыпалось по своим стойлам.

— Коров-то зачем держите? Ведь совхоз у вас зерновой, — полюбопытствовал дед Яков.

— Как же не держать коров? Ведь у нас полторы тысячи бывает рабочих. Их дети требуют молока, мяса. Потом по району организуются колхозы, они будут у нас учиться вести крупное коллективное хозяйство. Ведь вот ты пришел изучать скотный двор, придут и другие. Основное-то у нас, понятно, зерно; потом вы пошлете к нам скотовода учиться кормить скот, потом пошлете доярок, поярок.

— Доить-то наши бабы ваших поучат, — хвастливо сказал дед Яков, всматриваясь в лицо директора.

В это время в светлое, чистое, помещение вошла белая с красными пятнами комолая корова. Женщина в белом халате отвернула кран и пустила на вымя теплую струю воды, потом белой тряпкой вытерла вымя. Где-то в углу глухо взвыл аппарат, в молокомер побежали густые струйки молока. Женщина отметила и записала в журнале. Через минуту вошла Беяна. Коровы проходили по порядку. Дед Яков, забыв Ахмета, пристально всматривался во все движения женщины в белом халате. Потом недоуменно посмотрел на Ахмета, на директора.

— Ну как, твой может так доить коров? — спросил Ахмет, засматривая старику в глаза.

— Диву даюсь, чо только народ придумывает. Где же бы нашему брату в единоличном деле до этого додуматься! Мотри, язви те, да это никак Марейка Колункова.

— Марейка, да это ты, язви те! А я и не узнал тебя.

— Обожди, дедушка, не уходи; я домой тебе нашим кое-что передам, а сейчас некогда, — звонко крикнула женщина в белом халате и снова пустила струю на вошедшую Чернуху.

Не успел Яков Акимыч очухаться от впечатлений, как мимо него с большой скоростью пробежала тележка с мякиной. И лошади нет и рельсов нет. Только на передке стоит человек, а телега так быстро катится. . .

— Эка она, язви ее, под гору-то прет! — буркнул дед и не успел оглянуться, как мимо с такой же скоростью промчалась такая же тележка с бураками, а за нею еще две с навозом.

— Когда же вы, собаки те ешь, успели это сделать? Ведь еще позапрошлый год тут были пустыри, где лазили одни змеи, да волки рыскали по ночам. С самого семнадцатого года не бывала тут человеческая нога.

Три дня ходил Акимыч с утра до вечера, осматривал дворы, постройки, разные мастерские, ходил около десятка мертво стоявших тракторов.

— Ну, как дела? — спросил раз в клубе Иван Митрич.

— Э, да разве тут все изучишь? Грамота, брат, нужна. Глаза у меня разбежались. Даже не знаю, за что приняться; записывать надо, а грамоты нет. Без грамоты тут — что слепой. Это, брат, тебе не в старину. Вот и Марейке надо было грамоту знать. Смотрю я третьего дня, она доит коров электричеством и запись в книге ведет. Девку тут нашу вроде грамоте выучили.

— Ну вот что, Акимыч, отправляйся к себе в колхоз, а когда что надумаете, посылайте за мной. Сами ничего не делайте, а то еще накуралесите, — говорил Иван Митрич.

— Ага, вот и Марьяна! Ну что, матушка?

— Ничего, дедушка, хорошо. Передай нашим, что к весне переберусь в колхоз. Сейчас пока учусь, в партийную школу хожу. Ячейка партии выделяет на женскую работу в колхоз. Вот тебе тридцать рублей, передай маме. Пусть что-нибудь купит себе.

Акимыч сунул в запазуху три десятки и направился к Дедкову кургану. Его провожал Ахмет, и тут на горе они

долго смотрели в сторону Краснояровки, жали друг другу руки, и пошли всяк в свою сторону. Ахмет отошел шагов двести, помахал малахаем и пронзительно крикнул:

— Гурьяна!

8

Дни торопливо бежали вперед. Из Семипалатинских степей дули теплые ветры. С соломенных крыш иглами свисали ледяные сосульки. Колхозники трижды съездили в бор. Около конторы колхоза, на небольшой, забитой снегом площадке были накатаны штабеля бревен. Яков Акимыч стал прорабом скотного двора и сарая для машин. Утром рано приходил к штабелям, отмечал мелом бревна, подлежащие распиловке, иногда уходил к Ивану Митричу в совхоз, еще раз переспрашивал забытое, заходил к Ахмету, и долго разговаривали они о прошлом. Нюхали вместе табак, и Ахмет всякий раз провожал Якова Акимыча до Дедкова кургана. Однажды вечером директор совхоза с Иваном Митричем заглянули в свой подшефный колхоз «Успех». Немало удивились они, когда увидели, что колхозники восьмивершковыые бревна кромсают для постройки скотного двора.

— Да вы что, с ума сошли? Разве можно это добро портить? Ведь для этого глинолит, соломит, камышит и всякий другой хлам, — испуганно заговорил Иван Митрич.

— Школы ведь у вас нет на селе, — поддержал директор. И действительно дети краснояровских мужиков ходили в школу в большое соседнее село Кашино за три с половиной километра. Половину зимы всегда пропускали, а то, что заучено в эту половину, забывалось летами. Никто из краснояровских детей не кончал четырехлетку.

Не раз краснояровцы думали ходатайствовать в РИКе, в округе о школе. Не раз сами собирались и горячо брались за дело, но как только доходило дело до поездки в бор, пропадал всякий интерес к школе, и разговоры прекращались до следующей зимы. РИК выбивался из сил, строил все необходимое, но на пятьдесят сел нужно было построить много школ, так как до революции их было всего шесть.

Мысль о колхозной школе была подхвачена колхозниками, но теперь так много предстояло работ, оставались считанные недели до большевистской весны. Учительница Клаша пока занималась с неграмотными в избе-читальне. Кормы, стянутые со всех дворов к колхозным пригонам, были на исходе и несмотря на экономное расходование приближались к концу.

Игнат Ковров неоднократно ездил в РИК, говорил на заседании РИК, райкома, что недостаток кормов явно отразится на посеве, а главное уже сейчас положение создается такое, что вот-вот из-за недостатка корма будут разобраны по домам лошади.

Животновод Савелий ежедневно посылал обозы в шефствующий совхоз и в соседнюю коммуну «1 Августа». Обозы привозили то прошлогоднюю солому, то мякину, и тем только держался колхоз.

Игнат с Харченковым попеременно посещали то МТС, то Райколхозсоюз, то РИК, то райком и сельхозсклад и многие другие учреждения. Привезенные на склады плуги, бороны быстро расхватывали; запасов склада нехватало для того, чтобы полностью удовлетворить все растущие потребности в машинах.

На бревнах под лучами солнца митинговали колхозники.

— Разве это порядок, где тут порядок? — надрывался Ераска. Лошади без корму, у людей скоро жрать нечего. Одно тут слово: разбирай скот и веди по домам, пока не заморили.

— Не волнуйтесь, граждане, не допустим этого. Есть еще корм и знаем, где взять, — зазвенел голос Степанки.

— Молокосос ты, тоже обещанием кормишь.

— Давай, ребята, бери. Неча балясы ячейкины слушать. Разбирай, пока не поздно! — кричал кто-то из группы.

— Стой, мужики! Чего вы горлопаните? Какого вы подлеца слушаете? Есть ведь еще кормы — на неделю хватит, а там и насчет этого подумаем, — заговорил Харченков. Он рукой махнул за Алей в сторону Несмеловских скирдов.

— Долой! Будя! Разбирай! — неслись голоса.

Игнат еще издали заметил необычайный митинг.

Он нервно дернул вожжи, Соловко рванул во всю прыть.

— Разбирай! — прогремело разом несколько голосов.

Люди со штабеля бросились к пригону.

За ним бежал рослый белокурый Степанка.

— Товарищи! Давайте разберем вопрос, общее собрание соберем, вызовем правление, там решим, — громко закричал Харченков, преграждая толпе путь в придворок.

— Разбирай! Тащи! — орали чьи-то глотки.

Ераска ворвался в сарай и начал швырять оттуда хомуты; люди набросился на хомуты, отыскивая свои.

— Сволочь, куда цапаешь? Не видишь ты, что шлея-то моя.

— А ты что, ослеп? Оголов-то не твоя, — рычал чей-то бас.

Соловко круто осадил около сарая.

— Стой! В чем дело? — крикнул Игнат в недоумении.

— Бери, ребята! — заорал Ераска.

— Что за базар?

— Разберемся, товарищи! — Люди сгрудились, и все настороженно смотрели на Игната.

— Складывай хомуты обратно, — распорядился Игнат. — Ведь все вы вошли добровольно в колхоз, так почему творите такое безобразие? Ведь на то есть у нас правление колхоза, сельсовет и ячейка партии.

— Скот морите пошто? — резко упал чей-то голос.

— Завтра будет сено, а сегодня постоят на мякине.

— У вас все завтраки, а только ужинов никогда не бывает.

— Я, кажется, вас еще ни разу не обманывал, — сказал Игнат, обращаясь к низкорослому мужику, особенно суетившемуся.

9

Вопрос о фураже стоял остро. Все ходатайства и настойчивые требования Игната в районе кончились ничем. Шефсовхоз оказал посильную поддержку, но на мякине далеко не уедешь. Сегодня с боем удалось отстоять артель, но ведь сейчас ячейка пообещала колхозникам, что завтра будет корм; значит, и должна его дать. А как дать, где взять?

Нужно было или вынести решение о конфискации кулацкого сена и за самоуправство отвечать перед судом или смотреть, как прошлогодний скот будет жевать прошлогодний камыш с поветей.

В этот вечер сельсовет обсуждал вопрос о кормовой базе. Для колхоза еще можно достать корма, но ведь много одиночников таких, у которых завтра же нечем будет кормить скот.

— Ну, как, товарищи? — глянул на лица собравшихся членов совета Милородов.

В минутном молчании все искали ответ.

— Там! — кивнул головой за Алей Андрей Колунок. Другого выхода не было. Сено Жаркова и Гурьяна Гурьяныча было единственным спасением. Решение вынесено.

Утро стояло холодное, тихое. Сверху густо валил снег.

Скотники уж давно покрикивали на дворе. В забитые доверху снегом халупы, сквозь снежные траншеи, из окон проникал слабый огонек; из труб кое-где выходил черный дым. Со всех концов села к общественным дворам сходились колхозники. Синий лай и визг стояли по селу. Единоличники собирались на базар с мукой, кожей, зерном и другим товаром.

Мужики ловили лошадей, наспех надевали хомут и торопливо, порой небрежно, запрягали в дровни. Хотя никто не знал, куда надо ехать за кормом, но каждый чувствовал, что не иначе, как за Алей.

Появился Малютин.

На матовом лице густо торчала щетина давно не бритой бороды. Из-под черной овечьей папахи шилом смотрели черные глаза.

— Куда? — рубанул Малютин.

— За кормами, — пробасил Савелий, налегая на супонь. Некрашенная тальниковая дужонка заметно гнулась под его напором. Рыжий лохматый конек трясся от холода. Шлея дыбилась на широкой спине. Около ворот густо сгрудились сани и лошади. Колхозники теснились и мешали друг другу. Малютин нашел Коврова.

— На совхоз? — спросил Малютин. Игнат безразлично махнул рукой за Алей. Он как бы говорил: «Да, в ту сторону, а там будет видно».

Ераска хомутал рыжую белоногую кобылицу. Со вздувшимся от солода животом она была так же ленива и вяла, как Ераска. Она то-и-дело прикладывала длинные пятнастые уши и скалила пожелтевшие, облипшие жвачкой зубы.

Колунок запряг косматого Серка и торопливо и нервно дергал вожжи.

Обоз тронулся за Алей. Зло и назойливо скрипели полозья и снасти.

Здесь на Алее, где глухо гремели два жернова Начинаевской мельницы, обоз остановился. Люди столпились, выбирая чечотку около Серка.

— Товарищи! — крикнул Игнат. Серко вздрогнул.

— Сена в районе нет. Всякая надежда получить корм потеряна, а кормить чем-то надо, поэтому сельсовет решил взять часть кулацкого сена.

— Правильно! Давай поворачивай к скирдам. Неча тут церемониться. Все не возьмем, а скирда хватит доотвалу, — смело выступил вперед рослый, слегка рябоватый паренек.

— Верно, как язву глядеть! — гаркнул чей-то бас из-за Серка.

— Это бесправие, граждане. Суд за них вступится. Вместо работы, вместо посева-то будете в тюрьме сидеть, — вдруг заорал Ераска, ворочая свиными глазами.

— Ах, скула ты проклятая! И всегда ты, гад, перечишь, как только дело кулаков касается. Не ты ли, сука, орал вчера: «Бери скот, нечем кормить»? А сегодня что ты поешь? Давай, ребята, нечего медлить, ведь свое берем, одному-то бы ему пятнадцать лет не заготовить естоль, — надрывался рябоватый паренек.

— Правильно, чего там еще! — загудело и понеслось по Алею. Колунок круто повернул Серка и понес вдоль Алея.

— Как хотят, а я на беду не пойду, — и Ераска повернул ленивую Рыжуху в сторону. Лошади вихрем неслись по Алею мимо Ераски. Приближались к скирдам.

Ераска завернул обратно и во всю прыть неся к Несмелову. Было уже совсем светло.

— За твоим сеном поехал колхоз. Тридцать семь подвод на Алее во главе с Игнашкой. Митинг был сейчас около мельницы, — доложил Ераска.

— Да что ты говоришь? Мое сено? .. У, подлецы! — зверем взвыл Гурьян Гурьянович.

— *Вот что, запрягай лошадь, сейчас же езжай туда, подожги скирд, незаметно подбрось окурков, в каше-то не разберутся кто. Сеньке Отряхе скажи, если удастся, пусть свалит воз сена около штабеля бревен и подожжет. Вот тебе сто пятьдесят рублей. Пятьдесят передай Сеньке. Действуй-те. Ну, живо! — У, мошенники, подлецы, разорители! — рычал Несмелов. Своему добру не хозяин!

Ераска дрожащими, костлявыми, давно не мытыми руками свернул в комочек пятнадцать новеньких червоицев, завернул их в грязную холщевую тряпку и сунул в карман. Он прошел в куть и из печурки достал коробок спичек, чиркнул одну и бросил на пол.

— Сухи, — прохрипел и направился к двери.

К скирду зеленой душистой вязили подводили по шесть подвод сразу и выючили большие возы. Навстречу Ераске шла первая, уже нагруженная сеном шестерка. Впереди, растянувшись на возу, ехал Савелий.

— Ну как, раздумал? — крикнул Савелий и замурыкал свою любимую песню:

Запрягу я двух пегух,
Поеду по сено на двух.

Кругом скирда стояли лошади, не видевшие много дней сена. Они жадно жевали вязиль. Люди торопились. Душистое сухое сено пластами валилось на землю. Ераска свернул толстую папироску, примешал в табак сухого мха, затянулся и в суете уронил в сено. Кто-то пластом подхватил этот окурок и бросил на воз. Воз вырос. Его туго затянули веревками, отвели в сторону и поставили между двух других возов. Увлеченные спешной работой люди не обращали внимания ни друг на друга, ни на отведенные в сторону возы. Вдруг полыхнуло дымом. Показались небольшие огненные язычки. Припеченная жаром лошадь бросилась бежать. От этого воза загорелись два соседних. Лошади рванули и понеслись по дороге. От быстрой езды сено еще сильнее разгорелось. Первая лошадь вихрем влетела в село. Из-за сильного встречного ветра пламя оставалось сзади и, видимо, не сильно обжигало лошадь. Второй воз опрокинулся на раскате, и хрустнули обе оглобли. Лошадь с оглоблями рванули в взвоз. Со взвоза спускалась шестерка порожняка. Им навстречу с той стороны в дыму, в огне стремглав неслись две лошади. «Телигент» прямо с яру бросился в Алей и подвернул себе шею. Голова попала под туловище. Гнедая кобылица шла по взвозу и врезалась в шестерку порожняка. Лошади шарахнулись в сторону. Савелий выхватил из передка топор и со всего размаху ударил по гужу. Дуга скользнула, и воз некоторое время шел на чересседельнике, потом оборвались скобки, седелка, и воз с половины взвоза пошел под гору обратно и опрокинулся в прорубь. Веревки перегорели, затянутое сено ослабло и ярко запылало. Воз горел, и к нему нельзя было подойти. Поднялась суматоха. Единоличники, воспользовавшись замешательством колхозников, спешно запрягали лошадей и сломя голову неслись за Алей к даровому селу Несмелова и Жаркова. Скоро окружили все скирды. На даровщину прилетели и те, у кого свои скирды были чуть поменьше. Верхом на вороном скакуне прилетел Милородов.

— Товарищи, что за безобразие! Разве так можно? — кричал он.

— Бери, ребята, что там считается! — завопил во всю глотку Ераска.

Ераска понимал, что не совсем удавшийся поджог может быть вполне заменен этим разбазариванием, так как эта набросившаяся орава за одну поездку от трех скирдов не оставит ни клокка.

Несколько мужиков карабкались на низко осевшие прош-
логодние скирды.

— Товарищи! Никому из этого сена ни одного клона не дадим. По постановлению райисполкома это отведено колхозу, — кричал Ковров. — Если хотите получить сено, пишите заявление в одиночку, будем рассматривать, а то смотри — все прилетели.

— Так что обратно, товарищи. Порядок должен быть. Разберем делом, товарищи! — кричал Игнат со скирда.

Единоличники, залезшие на скирды, потоптались на даровом сене и плавно съехали по отлогому скату скирда.

После неудачи мужики стыдливо избегали смотреть друг на друга и на встречных.

— Не удалось, язви ее в шары! — облизывались некоторые.

Заваренная с Несмеловским сеном каша чуть не кончилась катастрофой, но тридцать семь возов, привезенных колхозом, обеспечивали кормами скот до весны.

— Суши весенней только дай бог дожждаться, — орал во все горло Жарков, когда проезжала последняя шестерка колхозников.

— Не быть по-батрацки! — гаркнул он, и его рев глухо упал на Голодный мыс.

— Не быть по-кулацкому! — крикнул Ковров Игнат, и голос его резко и далеко раздался за Алеем. Лицом к лицу стали две силы на селе: батрак Ковров Игнат и хозяин кулак Жарков.

ТРЕТЬЕ ЗВЕНО

1

Наступала весна. Из семипалатинских степей дули южные теплые ветры. За Алеем пестрели бугры. Жаворонки высоко в синеве пели радостные песни весны. На Кавказе, на Украине шел большевистский сев. Миллионы бедняков и середняков коллективно взрыхляли хлебородную степь. С Украины до колхоза «Успех», в далекий сибирский уголок доносились победные цифры пятидневок. Шаг за шагом одерживали большевистские победы красные хлеборобы южных районов.

В колхозе «Успех» шла деятельная подготовка к севу.

В наспех сколоченную из досок мастерскую тащили горами плуги, брички, хомуты. Старший по ремонту, Фомин, старательно осматривал и ощупывал каждый хомут. Дед Яков Акимович постукивал по каждому колесу почерневшими от работы руками, трогал каждый палец ступицы, пробовал втулки.

— У этой, собаки те ешь, надо два пальца сменить и шину перетянуть, дышло заменить другим. Хорошо бы покрасить, да нечем. Семен, бери эту работу! — распорядился Яков Акимыч.

Вернувшийся с курсов полеводов комсомолец Алекин, вместе с кузнецом, плотным рябым парнем Кабанцевым, отбирал плуги.

— Шесть двухлемешных, запряженных шестерками, вспашут девять га целины в день, за двадцать два дня вспашут двести гектаров. Хорошо! План по вспашке целины будет выполнен! — бурчал себе под нос полевод. Он раскрыл потрепанную тетрадь, где был составлен вместе с совхозными агрономами посевной план.

— Пустоши мягкой засеять пятьсот га. Двухлемешный плуг вспахивает полтора га четверкою лошадей. Нужно стало-быть шестнадцать плугов, — считал Алекин.

Кузнец Кабанцев, работавший в Красной армии кузнецом, осматривал каждую гайку, отвинчивал лемехи и клепал.

— Запоздали, язви ее, с ремонтом-то; теперича торопиться придется и догляду того не будет, — басил детина, раздувая горн.

— Это знамо, собаки те ешь! Посмотри, что телег-то попорухано; к спеху надо делать, а то гляди весна застанет, — поддержал его дед Аким.

— РИК обещает, я и раньше не надеялся на свои семена, говорил тебе тогда, — сказал Малютин.

— Неправ ты. Тогда еще можно было собрать, а вот теперь попробуй, когда в надежде на обещанное помололи да распродали на базаре. Послушал я тогда вас, чертей. Эх, и голова ж я садовая! — вздохнул Игнат.

День, объявленный для сдачи семян, кончился провалом. Из полутора тысяч пудов, назначенных к сдаче в этот день, было сдано только триста пятьдесят пудов.

Вечером состоялось собрание колхозников по семенному вопросу.

— Дадут семян — будем сеять, а не дадут — пусть то и получают, — надрывался Ераска.

— И в самом деле, граждане, — самим есть нечего, а тут еще семена подай. Ну, подам я семена, а сам что буду лопать? Хорошо тоже выдумали, хоть с голоду тресни да сей, а семян не дают. На какой-то это чорт колхоз! — ревел Сенька Отряха. Глаза его вразбежку смотрели по сторонам.

— Ниче, однакось, и не выйдет дела. Потому что тянем — кто в лес, кто по дрова. Одна неполадка погоняет другую. То сена нет, то хлеба нет. Замахнули тоже двести гектаров целины вспахать, а овса ни зернины, порожняком не потянут, а тут во какую чуму задумали. На слова-то хватки ребята, а на деле-то пшик с горохом получается. Собрались Хомка да Еромка, и хотим что-то доброе сделать. — Откуда-то из-за угла, точно из-под земли, пищал тоненький голосок человека в оборванном понитке. Человек этот передернул рваный картузишко с одной половинкой козырька и юркнул в другой угол.

— Пусть правление хоть слово скажет, как чо; а то нашел — молчит, и потерял — молчит, — глухо бросил Савелий.

Малютин передернул плотными плечами и бойко взбежал на подмосток.

— Граждане! РИК обещает нам семена, так что не волнуйтесь. Семена будут хорошие, чистосортные, время еще много до пахоты, вывезти успеем, а сейчас надо делать свое дело.

— Не резон! — почти завизжал Колунок, и все глянули в его сторону.

— Достоверно ответь, как с семенами, — протяжно сказал Яков Акимыч, глядя на Малютина.

— Говорю вам, граждане, достоверно; каждый день там бываю.

— Не резон, — снова крикнул Колунок еще с большей силой.

— Скажи тогда ты резон, — вмешался Зубарев.

— И скажу! — крикнул Колунок и мигом оказался на подмостках.

— Мужики вы, граждане, али кто? — крикнул Колунок с подмостков.

— Есть и бабы, — отозвалась вдовуха Петровна.

— Ну так вот, а я думал скот всякий. А тут все-таки мужики да бабы собравшись. Жрете вы хлеб али что?

— Всяко случается, — робко вырвался чей-то голос.

— Всяко, а я думаю — раз мужики, так солому не едите, а ежели вы скот, тогда бы ели Гурьянову вязиль.

— Говори резон, — резко бросил Малютин.

— Вот те и резон! Председатель ты колхоза али нет? — Колунок повернулся лицом к Малютину и показал собранию холщевую, во всю спину заплату.

— Ну, — буркнул Малютин.

— Сеять ты хошь?

— Ну, — отозвался Малютин.

— Вот те и ну! Пошто о семенах тогда не печешься?

— Граждане... — закричал Малютин.

— Пусть скажет Андрей резон, — оборвал председатель.

— Есть старая пословица: «На бога надейся, а к берегу гребись». А наше правление на бога надеется, а к берегу не гребется, — на РИК надеется, а само не заготавливает семена. Дак если, случится, у РИКа не окажется семян, тогда что? Ведь в районе восемьдесят два колхоза, а голь-то все не хуже нашего собралась; по тысяче пудов на колхоз и те восемьдесят две тысячи пудов, а где их взять? Неужели мы, граждане, не соберем семена?

— Где ты их будешь собирать, кто тебе растерял кули с семенами? — перебил чей-то голос.

— Вот ты, Аладинский, почему сегодня не сдал семена? Ведь у тебя они есть, — припер Колунок к стене высокого мужика Аладинского. Аладинский, скрестив руки за спиной, подпирал стену.

— Раз хорошие сулят, так зачем я перерод повезу? — густо краснея, сказал Аладинский.

— А ты почему, Отряха, не сдал?

— Проспал седни до обеда, а тут вроде дождик заморозил. Вот и не сдал. Да и семенишки-то у меня дрянь одна, — хрипел с похмелья Отряха.

Слова Аладинского еще раз красноречиво подтвердили всю ошибочность линии правления колхоза и промахи ячеек в деле обобществления семян.

— Ну, так как, граждане? — крикнул Игнат из-за грязноватого, косоногого, накрытого дерюжкой стола. Колхозники загудели. В комнате стоял сплошной гомон. Игнат минуту прислушивался к разговорам и отдельным выкрикам.

— Ты партия; знаешь сам как быть, — с укором бросил худой колхозник Игнату.

— Есть, граждане, предложение сдать семена, потому надеяться на получение со стороны трудно. Семян в районе может не оказаться, — заговорил Харченков.

— Есть чо будем? — гаркнул из угла Отряха.

— Верный твой вопрос, — отозвался чей-то голос и заглох в галдеже.

— Не дело это, ребята, говорите, что есть нечего, а если не посеем, тогда как? — глухо проговорил старик Хромцов.

— А ты много сдал — окрысился рядом стоявший Ераска.

— Много не много, а на два гектара сдал, и буде с меня, — больше нет.

— Ну так как, граждане? — крикнул Игнат.

— Голосуй, голосуй! — кричали с мест.

— Кто за то, чтоб сдать семена, прошу поднять руки вверх. Опустит. Кто против?

Ераска вытянул вверх руку и, видя, что остался в единственном числе, быстро опустил ее.

Кто сдал семена, прошу поднять руки, — громко крикнул председатель. Пятьдесят рук взмахнуло вверх.

— Кто не сдал? — Большинство. Стало-быть, товарищи, надо завтра же сдать.

На этом вопрос о семенах был покончен. Утром к колхозному амбару скупо подвозили семена. Около амбара стояло два триера, прямо с возу колхозники хватали мешки и пропускали через триеры. С привезенного мешка после пропуска получалось полмешка, но тут не было злого умысла. Бедняк-единоличник пахал сохой в вершок глубины, сеял на

старую землю вручную, боронил деревяшкой, поэтому родился перерод, овсюк, карлык, головня и пр. Редко подвозили лучшие семена, да и в тех много было отхода. К обеду стали подъезжать гуще, но к вечеру снова поредело. Из трех тысяч пудов было привезено только две, а после пропуска через триеры осталось полторы. Этого хватало только на триста пятьдесят га.

Добыть семена было нелегким делом. Далеко за полночь ругались коммунисты и правленцы, но того, что отвезено на базар, не воротить.

Ждали еще день. Колхозники, славшие зерно, сами подгоняли своих соседей, но в этот день мало подвезли семян. Собранные семена еще далеко не обеспечивали возможности засеять тысячу триста га.

— Неправильная у вас политика с боем добиваться семян. Ведь РИК сам себе дает отчет, тем более, что колхозу дано задание засеять семьсот га. Это превышает вдвое прошлогодний посев, чего еще больше? — говорил Малютин.

Не вдвое, а втрое больше засеем, — выбросила лозунг ячейка партии.

2

Андрей Колунок, карабкаясь через одрябшие от тепла сугробы снега, пробирался к Игнату.

Войдя в избу, он заметил на кругленьком столике свежестопечатанную бумажку. Водя по ней коротким, отрубленным в партизанщину пальцем, он прочитал: «В районном селе Алейском при МТС организуются трехнедельные курсы трактористов. Красноярскому колхозу «Успех» необходимо выделить двадцать человек, из расчета на три смены, и двух бригадиров».

Колунок запнулся на последнем слове. Он долго что-то припоминал, смотрел в потолок — где-то слышал это слово. «Да ну, ты, язви те! Ведь Марейка у меня на совхозе этим самым «бригадиром», — тихо сказал Колунок. Это было новое слово на селе.

Контору колхоза осаждала молодежь. Среди группы колхозников копошился Кирейко — батрак Жаркова. Его подзадоривала молодежь.

— Не шел в колхоз, а теперь бы на тракторные курсы поехал?

— Грамота плоха. Трактор — сурьезная машина, — бурчал глухим, придавленным голосом Кирейко.

— Да и мы не институт кончили али семинарию какую, — бросает комсомолец.

— Брось ты к чорту Жаркова, переходи к нам в колхоз! — трепал по плечу батрака комсомолец Степанка.

— Договор до Петрова заключен, — так же глухо и печально сказал батрак.

Хлюпая по проталинам, к конторе колхоза шли Игнат с Колунком. Колунок забегал вперед, размахивая отрепанными рукавами черной нансуковой кацавейки. За полночь билась ячейка с правлением, подбирая кандидатов. Но задача была нелегкая. Из тридцати двух человек, которые подходили по возрасту, грамотных набралось только восемнадцать. Игнат зачитал список. Все присутствовавшие попали в число кандидатов на курсы.

— У, чорт возьми, хоть сам езжай, — сказал секретарь.

— Я иду, — заявил Колунок.

— Ура!!! — раздалось по избе так, что дрогнули стены, а с потолка осыпалась взмокшая глина.

Коренастый Кирейко снял шапку, растегнул пониток и, обливаясь потом, пробирался вперед, к Игнату.

— Товарищи! — крикнул басом Кирейко, — с Жарковым я заключил договор до Петрова дня. Как мне быть? Безродный я, и хозяйства никакого. — Он посмотрел на Игната и на Алекина, как бы говоря этим: «Ты партия, ты комсомол; укажи выход». Игнат минуту молчал.

— С нами, на курсы! — камнем упал чей-то голос, и опять дрогнули стены: раздалось ура. Игнат подписал двадцатую фамилию.

3

Небольшое, с тысячным населением предстанционное село Алейское постоянно кишело людьми. Со всех пятидесяти двух больших и малых сел района съезжались на базар крестьяне. Арбами заполняли все улицы, узкие проулки, площади.

Сейчас из восьмидесяти двух колхозов приезжали трактористы, преимущественно беднота и батрачество.

Казармы, предназначенные для батальона переменников, не вмещали и половины прибывших. Триста пятьдесят тракторов предполагалось перебросить с Северного Кавказа и Украины и для них нужно было обучить не меньше тысячи трактористов.

— Не беда. Где пятьсот помещалось, там и тысяча уместится, — заявляли молодые трактористы.

Над двумя ярусами нар взгромоздились третьи. Коридоры заставили топчанами. Канцелярии и разные батальонные управления покрылись ярусами нар.

Нехватало инструкторов. Директор курсов «двадцатипяти тысячник» метался по селу из конца в конец. На ноги были подняты все районные организации. Округ не мог обеспечить инструкторами все семь районов. Надо было найти инструкторов на месте. А весна не ждет.

— Ба, а совхоз-то на что? — пришла в голову мысль директору. Угрюмое лицо расплылось в улыбку.

— А коммуны? — подсказали трактористы. Выход был найден.

Созвонились по телефону с совхозом.

Назавтра сорок человек трактористов совхоза были мобилизованы и высланы в район в качестве инструкторов. Это были те же бедняки и батраки, порвавшие навеки со своими хозяевами. Каждой группой руководил тракторист-практик.

Андрей Колунок ничем не отличался от кипучей массы молодежи. Он был такой же живой и ловкий, как любой из комсомольцев. Соседние урюпинские трактористы называли его молодым стариком. За Андреем всюду гурьбой следовали успеховцы.

Каждое слово, сказанное Колунком, воспринималось как закон.

По его совету ребята купили общие тетради, куда решили записывать каждое слово о тракторе.

Ожидали первую партию тракторов. Станционная площадка с утра была заполнена трактористами. Чисто выметенная площадка покрылась слоем подсолнечной шелухи. Трактористы группами ходили подле дороги.

— Эй, вы, гужееды урюпинские! — кричали красноярцы.

— А вы косачи болотные, — отвечали урюпинцы.

Под задорные переливы гармонии один перед другим выкидывали колена. Девки веером раздували холщевые цветные юбки и индюшками ходили вокруг парней. Песни под гармонь сочиняли на лету.

Выходило нескладно, но здорово. Станционное начальство не раз приходило с грозным видом, запрещало песни и пляски, но тут же сдавалось и смеялось вместе с трактористами. Поезд с тракторами запаздывал. Уже вечерело: апрельское, не очень еще теплое солнце повисло над пирами-

дами Алтайских палаток. Его лучи скользили по пестроте степных прогалин.

Мы не сынки у маменьки
В помещичьем дому.
Мы выросли во пламени,
В пороховом дыму! —

зазвенел чей-то высокий тенорок.

— В пороховом дыму! — подхватила сотня дюжих голосов. Песнь эта отзвывалась где-то далеко в депо и сливалась с лязгом железа и дробью молотков деповских ударников.

Вдали показался дымок. Приближался поезд.

Впереди шел красный вагон. Поезд остановился напротив маленькой, приплюснутой к земле станции. Из классного вагона вышел рослый, с полным выпяченным вперед животом, с полным ртом золотых зубов человек. Он смотрел куда-то вдаль на горы и не мигал. Это был сытый холеный немец, представитель американской тракторной фирмы «Кейс». Его встретило районное начальство. Звали этого представителя — Пауль Костель. Он любезно раскланялся, сел в единственное в районе авто и скрылся в переулке.

Столпившись около поезда на платформе, трактористы гудели как рой пчел. Им скорее хотелось пощупать, что это за штука трактор. О нем слышали, но многие его не видели. Не видели даже коммунисты, которые говорили о тракторе на каждом шагу. На машинах написано не по-русски: «Kasse», что значит Кейс.

— Разгружай! — раздался чей-то протяжный голос. Люди группами бросились к вагонам. Через пять минут тракторы и бочки горячего были выгружены на площадь. До поздней ночи люди лазили на коленках около тракторов, ощупывали и осматривали каждую гайку, каждый винтик.

На следующее утро группа успеховцев сидела на занятиях. Двадцатипятидесятничек Кондрашов разговор о тракторе начал с ударничества и соцсоревнования.

— Так вот, стало-быть в ударном порядке надо закончить курс, — начал двадцатипятидесятничек.

— Что за штука, поясни! — спросил Савелий.

Двадцать человек качнулось вперед.

Кондрашов подробно рассказал о том, как путиловские пролетарии добивались выпуска по трактору в две с половиной минуты.

— Да, в две с половиной минуты, — веско, точно молотом по наковальне ударил, сказал мастер.

— Партия наметила пятилетку проводить, а мы заявили: «Пятилетку в четыре», и партия, в опоре на нас, выбросила этот лозунг. Так вот вы спрашиваете, что значит соревнование?

— Наша конечная цель — социализм. До него мы должны добежать как можно скорее, тем более, что мы живем в окружении наших врагов капиталистов и каждый лишний наш шаг вперед есть шаг победы пролетариата над капиталом. Так вот, стало быть, ваша бригада в этот короткий срок должна выучить трактор. Знать его лучше, чем урюпинские бригады. Вы их вызовете на соревнование. Коллективом партии объявлен приз; кто из бригад лучше выучит трактор, тот Красное знамя получит. На соревнование мы должны вызвать друг друга.

— Возьмем, ребята, знамя! — заявил комсомолец Степанка.

— Возьмем, подналяжем, — засуетились ребята.

— Я вызываю Андрея, — заявил Кирейко.

— А я Степанка, — ответил Колунок. И пошло.

Первую беседу на этом Кондрашов и закончил. Оставив краснояровцев, он пошел к группе урюпинцев и заговорил о том же.

— Так вот, стало быть, вы во что бы то ни стало должны завоевать Красное знамя. Побить успеховцев, — заканчивал Кондрашев.

Не успели урюпинцы очухаться, как краснояровцы снегом на голову упали — ворвались в класс.

— Вот мы тут, нате бейте! — затарахтел Колунок.

— Во, бородатый, у них не сдобруешь! — сказал рослый с белыми кудрями паренек.

— Вызываем вас, кто лучше изучит трактор. В обязанность заносим:

1. Чтоб ни одного прогула.
2. Ни одного пьянства.
3. Ни одной поломки.
4. Бережное отношение к машине.
5. Лучшее изучение трактора, —

скороговоркой зачитал Колунок.

— Часть политграмоты вношу сверхурочно, — звонко крикнул задирчивый Кудряш.

— Не противимся, — ответил комсомолец Степанка.

Так на сибирских полях родилась первая ударная бригада.

После отъезда двадцати человек на тракторные курсы отношение к артели несколько изменилось.

Стоявшая непрочно, как на трясине, артель теперь стала на более твердую почву: двести хомутов, пятьдесят «зигзагов», двадцать пять плугов, девяносто две брички и другой инвентарь были в полной готовности. Усиленно велась подготовка к смотру готовности к большевистской весне.

Густо падал снег. Гурьян Гурьянович выходил за амбар и подолгу всматривался за Алей.

Он сложил бороны, нагреб несортированный хлеб, разорвал на ленты кумачный передник Лукерьи и впледел лошадям в гриву, в хвосты. Вытащил три хомута, дуги и разложил их по дровням. Вышел за амбар и еще раз глянул за Алей. С той стороны Алея спускался обоз колхозников. Екнуло сердце у Несмелова. Из-за амбара показалась первая подвода. Серая мохнатая кобылица бойко шагала в гору. Дуга была обвита красной лентой. В редкой гриве в концах косичек заплетены красные ленты. В передке дровней укреплено красное знамя. Это был кумач с нашитыми на нем белыми буквами — «Долой кулаков - мироедов!» С обратной стороны было написано: «По кулаку трактором проволоку».

Около оглобеля бежали колхозники. В заячьих, собачьих разноцветных шапках, с красными лентами.

Из-за Алея одна за другой выбегали худенькие лошаденки.

Упряжь не блистала красотой. Худенькие хомутишки с веревочными тяжами, старые изъезженные сани без подполозков, низкие самодельные дуги. Люди плохо одеты. Кто в чем. Но со стороны казалось, что и люди и лошади с каким-то порывом и удачью рвутся в гору, торопятся, убегают от кого-то ненавистного и рвутся вперед к чему-то хорошему, светлому.

К Несмеловскому амбару подкатил последний воз. Несмелов тронул следом.

Упряжь Гурьяна Гурьяновича Несмелова резко отличалась от всего обоза: длинные, обитые светлыми бляхами ремни, крашенные под паталь дуги, крытые кожей оголовки хомутов.

Успеховцы гуртом бросились навстречу обозу. Обоз на минутку остановился, лошади подтянулись, обоз сдвинулся

вперед. Люди оцепили обоз. Сподвод жалко и убого торчали однолемешные плуги и деревянные самодельные бороны.

Около конторы обоз остановился. Люди слились в одну черную массу. На бревна взбежал Игнат и громко закричал: — Товарищи колхозники! Разрешите вас приветствовать от старой артели «Успех».

— Ура! — раздалось по селу. Единоличники бежали со всех концов, протискивались в гущу людей и недоумевая смотрели, в чем дело. Тут среди обоза узнавали лошадей своих знакомых, плуги, бороны, зерно и недоумевали: «Куда направляются колхозники?»

— Наш колхоз назвался «Успехом». Тогда мы были слабы и боялись назвать его «Большевицким успехом», но теперь от имени ячейки партии разрешите наш «Успех» называть «Большевицким успехом». Да здравствует «Большевицкий успех»!

— Ура, ура, ура! — раздалось по площади. Лошади шарахнулись в стороны. Несмелов сидел как на иголках. Ему казалось, что это громовое ура поднимается как последний удар над его головой, что колхозники сегодня торжествуют окончательную победу над Гурьяном Гурьянычем, над Несмеловым.

К бревнам пробирался невысокий колхозник Коркин. В руках он держал красное знамя.

Он хотел что-то сказать, подбирая слова, но не находил. За него говорили буквы, написанные на красной материи. Он молча сошел с бревен и нырнул в толпу. Его проводили громовым ура.

Сквозь людскую толпу прошел Ларион Малютин. Он молча вскарабкался на бревно, безразлично глянул на обоз, так же как смотрел на лужи и проталины в степи.

— Граждане, разрешите мне приветствовать новых колхозников, — сухо бросил Малютин.

Раздалось жидкое, нестройное ура.

Расталкивая людей, к штабелю пробирался Гурьян Гурьянович. Он медленно взобрался на бревна. Было заметно, как тряслись полы понитка, в котором он ездил только на рыбалку. Глаза смотрели тупо вниз.

Появление Несмелова на трибуне озадачило колхозников. Все хлынули к бревнам, насторожились и с нетерпением ждали первого слова. Несмелов нарочно медлил, и это еще больше волновало толпу. Многим казалось, что Гурьянова песня спета давно.

— Ой, куда же он лезет? Ведь в клочья разорвут его в эту пору, тут ли перечить? — робко говорил Илья Артемич.

— Товарищи! — крикнул мягким, несколько дребезжащим голосом Гурьян Гурьянович. — Сена сдаю колхозу!

— Давно бы так, — раздался чей-то голос.

— Лошадей и сбрую сдаю!

— Хорошо, приветствуем!

— Косарку, плуг, бороны и семена сдаю!

— Дельно!

— В могилу гляжу. Много, што ли, мне нужно? Век-то с вами в колхозе доживу, — дребезжал голос Несмелова.

— Ну как, товарищи, примем? — крикнул Малютин.

— Принять! — раздались голоса.

— К Игнату подошел Савелий и шепнул:

— Ну, как?

— Чорт его знает. Посмотрим.

После нескольких выступлений ораторов колхозники стали расходиться по домам. Вновь вступившие ссыпали семена. Сдали инвентарь и, скрипя полозьями, двинули за Алей.

Несмелов еще больше осwirепел. Сейчас Соловко, Буланка, Гнедая кобылица — не его. Поехать к обедне — надо лошадь просить; но это еще полбеды, главное — бывшие батраки и беднота будут диктовать свою волю.

Трех лошадей сдал в колхозный пригон. Отпустил в недоуздках.

— На память возьму, — пробурчал он. Связал в кучу три хорошо просмоленные, обитые бляхами уздечки и глянул на лошадей.

— Не поминайте, милые, лихом! — сказал Несмелов так, чтобы не слышал задремавший скотник Лаврушка.

Уже смерклось, кое-где в окнах горели огни. Несмелов шагал домой. Ноги подкашивались как у пьяного.

— Водки, Лукерья! — крикнул он, вваливаясь в дом.

Лукерья достала пузатый графинчик и налила невысокую рюмку. Несмелов жадно глотнул, выпрямился и, казалось, только теперь опомнился от пережитых потрясений.

— Стало быть, их руку держишь? — спросил Жарков.

— Э-эх! Глупая твоя башка. С такой головой, как у тебя, можно завтра же распрощаться с домом, с родиной.

— Говори путем, не пойму, в чем суть! — испуганно подпрыгнул Жарков.

— Суть в том, что завтра же тебя раскулачат.

— Что!? Меня? Огню и мечу все предаю, да не сдамся. Не пойду твоей дорогой.

— Не горячись, милый; не хуже тебя был, да сдался. Так надо.

— Говори, кум, резон.

— Я боюсь, что ты опоздал теперь,—задумчиво сказал Несмелов. Минуту все молчали. Вошел Малютин; во взгляде его чувствовались усталость и лень.

— Нет ли рюмочки, Лукерья Прокопьевна?

— Да вы что, как с похмелья все равно. — Лукерья налила белую с красными крапинками рюмку. Малютин выпил.

— Ну? — буркнул Малютин, глядя на Жаркова. — В колхоз не заходишь — боюсь, что не удержишься в селе. Как бы не выслали.

— Меня? .. Да? ..

— Стой! Стой!.. Не знаешь ты бедноту. Ну, ладно! Стреляй до последнего. Чему быть, того не миновать, — рассудил Малютин.

Между тем поспел самовар. Вошел Ераска, и с ним плотный коренастый мельник, Ефим Начинаев. Все уселись за крашенный, покрытый скатертью стол.

— Ну вот что, братцы, беды колхозной не миновать. На распад надеяться трудно. Теперь необходимо своими людьми занять все места. Главное-то у нас сделано: председатель свой, — Несмелов показал на Малютина. — Теперь надо заставить колхоз занять самые худшие участки земли, невыгодные участки покоса, притом в разных местах. Мельницу надо отдать в колхоз, а когда колхоз развалится, она перейдет в наши общие руки. Плотину сделать каменную, вековечную, чтоб на десятки лет хватило. Вместо двух поставов сделать четыре.

— Верно, правильно, — подтвердил мельник.

— Имущество и скот раскулаченных надо до осени сохранить.

— Дельно! — оживился Жарков.

— Доставку семян и тракторов надо затянуть до вскрытия рек. А ты, Ларион, ухо держи остро, чтоб доверие к тебе полное было. Хорошо, если бы подал заявление в партию, — советовал Несмелов, — связался бы ты с Милородовым. Он хотя и партийный, но туго разбирается в делах. Пригодится.

— Дело! дело! Завтра подаю, как середняк — и баста, а на середняка теперь все внимание обращено — без задержки примут.

Вошла Олена.

— Где побывала, Оленушка? — спросил Несмелов.

— В клубе была. Собрание идет насчет раскулачивания, — тихо сказала Олена.

— Что ты говоришь? — точно ужаленный, подскочил Жарков. — Обо мне?..

— Кажется, — так же тихо сказала Олена.

— У, подлецы! — сквозь зубы процедил Жарков. Он без шапки выбежал на двор. Ночь была темная. Размахивая длинными полами тулупа, он несся на край села к клубу. Псы Несмелова бросились следом, ворчали, хватили за поды, но Жарков не обращал на них внимания. Подбежав к клубу, он упал на завалинку, прислонился к окну.

Алексей Харченков читал постановление сельсовета.

— Жаркова, Ивана Харитоныча раскулачить как злостного кулака. Его имущество — восемь лошадей, сложная машина, четыре амбара, пятистенный дом, имеет постоянных батраков. Ведет явную борьбу с советской властью.

— Раскулачить!

— Выслать из района! Долой! — гудело по залу. Жарков видел, как взметнулись вверх руки. Больше он ничего не видел и не слышал.

— Ни полена подлецам ни соломины! — шипел он.

Он понесся обратно тем же кривым переулком.

— Зотей, собирайся, складывай все! — закричал Жарков, входя в дом. Все зашевелились.

— Тихо по двору. Все сложим на восемь дровней. Дорога подмерзла. Перед светом через Чистюньку направимся в Барнаул. Там извозом займемся. Все против нас восстали. Беднотишка рвет и мечет.

В темную ночь тащили дровни во двор, чтобы не скрипели полозья. Жена Зотей, Ивановна — полная грузная женщина — собирала пожитки, валила все в одну кучу, потом все выносили в придворок, тихонько грузили на дровни и увязывали веревками.

— Эка-то беда! Кур-то как жалко! — вздыхала Ивановна.

— Полно! Давай, что ценное складывай до лоскута! — процедил Жарков. На восемь возов можно нагрузить много добра. Нагребали семена, а то, что не помещалось на возах, таскали и разбрасывали по двору. Жарков и Зотей зверями набрасывались на овечек, резали их. Шесть штук поместили на воз, а двум места не оказалось. Так бросили у хлева.

Под утро, когда еще спало село, обоз Жаркова, переправившись через Алей, уходил дальше, к Дедкову кургану, на тракт и дальше на Барнаул.

Назначенная советом комиссия по описи кулацкого имуще-

щества решила встать пораньше с тем, чтобы застать дома хозяев и произвести опись. К двору Жаркова шли молча. Старались не встревожить псов. Тихо вошли. В сенцах и в доме были настежь открыты двери. В двух просторных избах было пусто. На полу валялись рваные лоскутья да разбитые бутылки. Дальше по двору было рассыпано несколько мешков зерна. В углу валялись неувезенные, зарезанные овцы. Две коровы лениво пережевывали жвачку. В углу хрюкала свинья и гоготал забежавший гусенок.

Взбудоражилось село, быстро нарядили погоню в разные стороны. По утреннему приморозку погоня шла хорошо, но к обеду снег одряб, лошади проваливались до земли, полозья цеплялись за навоз и шли тяжело. Со всех четырех направлений погоня вернулась ни с чем.

Опрос встречных помог установить, что обоз Жаркова следует по направлению в Барнаул. Туда было сообщено, но разыскивать беглецов среди ста тысяч населения было трудно, тем более, что город, окруженный шестью большими районами, постоянно кишел подводами и людьми. Но красноярцы решили обязательно разыскать Жаркова.

В конторе колхоза дядя Яков говорил:

— Ежели разорить зверя, то он ещё злей бывает. Как бывало волк, живет себе на степях, ну изредка давит жеребят, а как только раскопаешь его нору али вытравишь дымом, тогда берегись. Если не на своем участке, то на соседских, средь белого дня всех поывадавит. Так и кулак. Знамо он не тут, так там шкodu принесет.

— А ежели бы волка приучить можно как? — задал вопрос Зубарев. — Кулака в колхоз можно взять?

— Сколько волка ни корми, а он все в лес смотрит, — ответил Яков Акимович.

— Вот-то-то-кы и оно! — сказал Зубарев и сплюнул.

6

Кузнец Кабанцев клепал последние лемеха. Дед Яков со своей командой в шесть человек с утра до вечера постукивал топориком, выкатывал на площадь брички и заботливо их осматривал.

Советская страна маневрировала тракторами, как буденовской конницей в гражданскую войну. С Украины, Северного Кавказа, с Дона и Днепра шли поезда с тракторами по Сибирской железной дороге и дальше, по Алтайской ветке вплоть до недостроенного еще Турксиба.

Слова «соцсоревнование», «ударничество», «бригады», занесенные с большевистских заводов, уже робко произносились в селе, робко проводились в жизнь.

Общий порыв — победить, больше вспахать, засеять, заборонить — захватил всех. Единоличники ни в чем не хотели уступить колхознику. Над тем, что колхозники задумали посеять тысячу триста га, единоличники подтрунивали. Командированные на курсы трактористов ничего не писали. Да и некогда было.

После двухнедельного изучения трактора производили практические упражнения.

Немец Пауль Костель — представитель фирмы — с директором курсов обходили группы.

Вечером состоялось собрание. Победителям вручали Красное знамя. Колунок взбежал на сцену. Обтрепанная кацавейка была грязна и блестела от горючего. Из носков обих обутков нахально лезли соломенные стельки. Костель из президиума с любопытством смотрел на Колунка. Колунок для Костеля был диковинкой.

После того, как прогремело боевое ура, Колунок, держа Красное знамя, шагнул к самому краю подмостков.

— Товарищи-трактористы! Это переходное Красное знамя — больше не переходное, потому что успеховские трактористы, раз завоевав это знамя, больше его не отдадут. Так воюют большевики! — сказал Колунок. По дощатому зданию, наполненному трактористами, прокатилась волна аплодисментов, и снова прогремело ура.

Колунок посмотрел на директора, потом на Костеля. Глаза их встретились. У Колунка были не глаза, а искры. Немец не мог понять, как это полуграмотные батраки за три недели выучились управлять «кейсом» и «интером». Он смотрел и не понимал и не мог понять. Он видел, что трактористы торопятся, перегоняют друг друга, ночами просиживают за книжками, днями работают на тракторе. Но что заставляет их работать, какая волшебная сила заставляет их работать и ночи без усталости, с бодростью и неутомимостью, этого он понять не мог.

Это было социалистическое отношение к труду.

«В Омске отгрузили первую партию тракторов», сообщает газета «Советская Сибирь». Серееет степь. Ждет набухшая земля. Утренники стоят холодные. Не один секретарь

райкома и председатель РИК в ожидании тракторов обкусали ногти. Весна затянулась.

Ковров был болен. Несколько дней лежал в бреду. Он то-и-дело вызывал Харченкова, спрашивал, как идут дела. Потом опять валился и бормотал что-то непонятное. Харченков докладывал, что положение серьезное, что на пятьсот гектаров нехватает семян, нет тракторов, что вот-вот скоро тронется Алей, и тогда тракторы невозможно будет перебросить на поля.

— Тракторов нет — это полбеды, лошаадьми вспашем, а вот семян-то... — Ковров не договаривал и снова валился в постель.

В это утро у Игната особенно болела голова. Он кое-как выслушал избача, хотел дать совет, да так и свалился. Избач доказывал, что теперь весна, что делать нечего, пора сматываться в город. Яков Акимыч докладывал о ремонте бричек, но Игнат уже не слышал. Активисты-колхозники и комсомольцы часто навещали больного секретаря.

Колунок с трактористами, с большими грамотами об успешном окончании курсов, вернулся домой. Он хотя изрядно соскучился по Саломее, но прежде всего зашел к Игнату. В комнате было тихо. Игнат широко раскрыл глаза и как-то безразлично смотрел в одну точку. Колунок глянул и вздрогнул. «Что это случилось?» Игнат посмотрел на Колунка, потом на знамя. Колунок развернул полотно. На красном бархате позументом было расшито: «Лучшим — Красное знамя».

— Вы... завоевали Красное знамя? — Игнат вскочил с кровати, зашатался, свалился и потерял сознание. Колунок склонился над Игнатом.

— А тракторы? — спросил Игнат, когда очнулся.

— На-днях получил шесть тракторов, — ответил Колунок.

Колунок свернул знамя и поспешил через дорогу домой. Саломея встретила со слезами.

— Что?

— Второй день ни куска хлеба, — сказала Саломея. В переднем углу всхлипывала двенадцатилетняя Палашка; щеки ее были бледны.

Минуту Колунок стоял в нерешительности. Потом сдвинул трех на затылок, прошел в передний угол, где раньше висели иконы, поставил Красное знамя, развернул. Буквы, расшитые позументом, глянули на Саломею. Широко раскрылись у Саломен глаза. Две капли слез оторвались, пока-

тились по сухим бледным щекам и упали на чисто выметенный пол. Колунок набросил кацавейку и через улицу прошел в контору колхоза.

— Хлеба ни куска, Ларион, выручай! — тихо сказал Колунок.

— Нету, — отрезал Ларион.

— Нету? — переспросил Колунок.

— Нету, — ответил Малютин.

— На нет и суда нет, — сказал Колунок.

«У Игната тоже нету. Куда же итти? Дай к Харченкову».

Колунок пошагал к коммунисту.

— Хлеба ни куска.

Харченков глянул на полку, потом на жену.

— Последнюю сегодня испекли. — Высокая сухая женщина достала единственную ковригу, разрежала пополам, на руках взвесила эти половинки и одну подала Андрею. Это была действительно последняя буханка.

— Ну, сегодня сыт, а завтра будет видно, — сказал Колунок.

Андрея терзал вопрос о тракторах. Ведь скоро может тронуться Алей, и тогда не только трактор, но и мешок семян не перебросишь.

Алей потемнел и набух. С каждым днем можно было ждать ледохода. Совхоз большой плотиной перехватил реку. Вода еще особенно не напирала на плотину, а путалась, разъедая снег. Но как только река вырвется на красноярские луга, она обильно их затопит, на несколько километров в округе, образует сплошную водную гладь и так будет стоять неделями. Тогда ни один красноярский мужик не сможет попасть за Алей. Возникло серьезное опасение, что тракторы, отгруженные со станции Армавир, запоздают. Хотя все имеющиеся тракторы и были переброшены за Алей, но их нехватало. Решили ждать еще два дня и после этого переправляться за Алей.

ЧЕТВЕРТОЕ ЗВЕНО

1.

В степи горели заросли пустошей. Реденько мерцали звезды. Дул теплый сухой ветерок. Андрей Колунок беспокойно ходил по избе, сосредоточенно всматриваясь в щели пола.

— Чо как суздал расхаживаешь? — ворчала Саломея. Колунок ничего не ответил, набросил кацавейку и вышел на двор. Посмотрел за Алей, прислушался, не журчит ли Бориха, и когда убедился, что все тихо, быстрыми шагами направился к Игнату.

Игнат тихо прохаживался по сухой поляне около завалинки. Он чувствовал себя еще плохо, но по вечерам выходил на прогулку.

— Жив? — спросил Колунок.

— Немного, — тихо ответил Игнат.

— Боюсь я, как бы не хлынула эту ночь Бориха. Смотри, теплынь какая стоит.

Игнат посмотрел за Алей, где на пустошах горели и прошлогодняя солома и заросли.

— Да, приморозку эту ночь нет, — сказал Игнат и присел на завалинку. Рядом сел Колунок. Из-за угла выехал кольцевик. Взяв из передка сумку и не замечая Игната, направился в избу. За ним вошли Игнат с Колунком.

Кольцевик сообщил, что прибыла партия тракторов, из которой шесть назначаются для Краснояровки. Андрей бего прочитал бумажку и, не говоря ни слова, скрылся в темноте. Скоро послышался лай собак. Колунок бегал по селу и собирал трактористов. В ночь трактористы отправились в путь. Проходя по берегу Алея, они заметили, что лед поднялся высоко и кое-где у берегов выступала вода. По выпуклой середине Алея проходила глубокая трещина. Это озадачило всех. Они молча посмотрели друг на друга, и без слов всем стало понятно, что надо торопиться.

Дорога до Алейского села была грязная. В темноте трактористы то-и-дело попадали в лужи, ухали по колено в грязь. Но времени оставалось мало. Отойдя километров

семь, они услышали журчанье небольшой речушки Солоновской. Вода с большой высоты падала в Алей.

— Как же быть-то? — сказал Колунок.

Нужно было решить, кому из трактористов надо вернуться, чтобы предупредить колхозников; возвращаться одному в такую темную ночь мимо зарослей было опасно. Нужно было вернуться двоим, а отпустить двоих — значит лишиться двух тракторов. Колхозники могут проспять до утра, а за несколько часов Солоновка может достичь Алея. Но Колунок надеялся, что Игнат во-время организует переправу колхозников, и они тронулись дальше. Когда подходили к селу, уже пели петухи, а колокольня мерно отбивала двенадцать. Около МТС ярко светили фонари, клокотали тракторы, торопились люди, кричали, суетились.

Директор МТС ругал красноярских трактористов, а когда узнал в РИКе, что кольцевик с бумажкой выехал только несколько часов тому назад, он пришел в ярость.

Из совхоза он получил сведения, что щиты плотины скоро будут открыты, так как вода вышла из берегов и угрожает постройкам.

В одиннадцать часов будут пущены все три потока, и к двум часам необходимо переправиться через Алей, иначе затопит. Успеховские трактористы двинулись по берегу Алея обратно к Краснояровке, к переправе.

2

На плотине совхоза техник Иван Митрич с десятком рабочих ждал до последней минуты. Вода выступила из берегов и быстро продвигалась к глинолитным конюшням. Совхозники стояли на берегу и с любопытством ждали, когда будут подняты щиты и вода с шумом и грохотом понесется на луга и далее в Алей. К утру исковеркает лед, понесет его далеко от Череш.

Вода заметно прибывала и все больше угрожала зданиям. Техник хотел было приказать открыть щиты.

— Стой, стой! — закричала Марейка. — Успеховцев нет на степи. Они все еще там, за рекой.

— Разве их поля здесь? — дрожащим голосом спросил техник.

— Ну да, здесь. От кургана до нашей межи ихние поля, — торопливо говорит Марейка.

— Ахмет, Ахмет! — закричал техник.

— Здесь мой, Иван Митрич, — отозвался Ахмет, подбегая к технику.

— Езжай в «Успех», пусть немедленно выезжают, — коротко распорядился техник. Ахмет бегом пустился к конюшне, вывел серого коня, набросил казацкое седло, не постариковски вскочил на лошадь и скрылся во тьме. По земле отчетливо раздавалась мелкая дробь подков.

По берегу Алея, мимо камышевых зарослей, Ахмет пустил во весь опор. В зарослях взвыли волки.

Галопом Ахмет ворвался в село, повернулся к Гурьяновским амбарам. У амбаров пронзительно пели дивчата. Из другого конца села глухо доносилось пиликанье гармошки.

— Контора — колхоз где? — спросил Ахмет.

— Вот дом, — показал паренек. В нижнем этаже дома Гурьяна Гурьяновича помещалась контора колхоза. Ахмет привязал Серка к столбу и торопливо направился в контору. В сенцах долго искал дверь.

В конторе над столом сколнулись две головы: одна, подстриженная под кружок, Гурьяна Гурьяновича, другая, чесанная, с редкой проседью, Малютина Лариона.

— Плотина наш пускает, — выезжай, техник послал! — коротко бросил Ахмет, всматриваясь в лицо Гурьяна Гурьяновича. Гурьян выпрямился и посмотрел на Ахмета. Взгляды их встретились. Годы изменили Гурьяна Гурьяновича, и Ахмет не узнал сына своего бывшего хозяина.

— С совхоза ты, что ли? — спросил Малютин так хладнокровно, как будто сообщение Ахмета не представляло ничего особенного.

— Да, — ответил Ахмет.

Исполнив поручение техника, Ахмет, не говоря больше ни слова, вышел, отвязал Серка, прыгнул в седло и направился к Алею. Его лаем провожали Несмеловские псы.

— Где-то я видал этого киргизишка, — сказал Несмелов, когда Ахмет вышел из конторы.

— Не время теперь об этом. Чорт с ним, с киргизом! Давай решать, как быть, — суетился Малютин.

— Не говори никому ни слова; знаешь, если совхоз пустит плотину, то к утру не попасть за Алей. Пойду посмотрю, куда этот киргизишка направился, — не заехал бы еще куда. В случае чего скажем, что никакого посла не было, сном духом ничего не знаем, — шептал Несмелов. Убедившись, что псы проводили Ахмета до самого Алея, он успокоился.

— Трактористы ушли с вечера, теперь они на Алейской. Там останутся тракторы и семена, а здесь все остальное. Вот тогда верный развал колхоза. Игнашкину ячейку в ключья

разорвут, а ты все на Игнашку свалишь. Мол, я де-говорил — переезжать нужно, а он, мол, задержал. Понял? — говорил Несмелов. Тускло мерцала семилинейная лампа. На дворе стояла черная ночь. Умолкли девичьи звонкие голоса.

— Вот хорошо-то: незасеянной останется моя земля, отдохнет за весну.

— Молчи, гаси; давай свет, да тихонько, не шебарши, — предупреждал Малютин.

— Хорошо, ай как хорошо все получается! — не унимался Несмелов. Он потушил семилинейную лампу, и оба направились в дом.

Обстановка действительно создалась благоприятная для Гурьяна Гурьяновича.

Со спуском плотины будут затоплены дуга, можно будет ждать большого разлада в колхозе, потому что 130 дворов останутся без семян, без земли.

Гурьян Гурьянович твердо верил в развал колхоза и теперь торопился заблаговременно выручить из колхоза своих лошадей. Выйдя на двор, он прислушался. Шума воды еще не было слышно. Гурьян направился к колхозному пригону. На куче душистой вязили сладко спал дежурный сторож. Гурьянова тройка лошадей в пригоне держалась в сторонке. Он быстро развязал обмотанные вокруг шеи поводья и повел лошадей к воротам. Несмотря на всю осторожность Гурьяна, старые ворота скрипнули. Гурьян разом уронил все три повода и присел. Сторож зашевелился, перевернулся на другой бок и захрапел. Гурьян приоткрыл ворота и, как кошка к воробью, пополз к сторожу.

— Спит леший... на вот, да это Ераска... Вот счастье-то!.. — прошептал Гурьян и начал теребить Ераску.

— Вставай, леший, бери коня, любого бери — ну!

— М-мы... — прорычал Ераска.

— Коня, говорю, бери. Сейчас восстание будет. Плотины пустили совхозники, сейчас весь Алей затопит, переехать не успеем, — чуешь, чем пахнет. Давай, лови вот хоть этого, корноухого Серка, дюжий больно конь, — посоветовал Гурьян.

Ераска размотал повод и вывел корноухого Серка вслед за Гурьяном.

— Веди ко мне, потом разберем. Может на Булануху сменяем, — жеребая кобыла, приплод тебе на пользу пойдет. Летом всяко отробишь, если что за тебя перейдет... — бурчал на ходу Гурьян.

Взятых в пригоне лошадей поставили во двор к Гурьяну Гурьяновичу.

Выехав за Алей, Ахмет подумал о том, правильно ли он передал приказ техника. Особенно мучил его тот факт, что председатель колхоза равнодушно отнесся к его сообщению. Проехав минуту, он повернул серого, посмотрел в село. Там не было огней, и это больше озадачило Ахмета.

Ахмет знал силу плотины по прошлому году. После поднятия щитов, к утру путь за Алей был прегражден. К полудню были залиты все луга и мелкие реки. Ахмет ударил плетью Серка и понесся во всю рысь обратно в село. Село спало. Пропели петухи. Зло забрехали псы. У Гурьяновых амбаров Серко взял галопом и круто осадил около заплота.

— Кто?! — крикнул Гурьян из пригона, привязывая лошадей.

— Я, — отозвался Ахмет, — почему ваш за Алей не едет? Вода, слышишь, шумит, — плотину пустили. Останется твой колхоз за Алей! — закричал Ахмет.

— Сейчас будет сбор — видишь, лошадей запрягаем, — заговорил Несмелов.

— Техник плотина, ворота ломал! — продолжал Ахмет.

— Езжай, езжай, милый. Понял я тебя, понял, голубок! — уговаривал Гурьян.

«Не ссадить ли?» — подумал Гурьян.

— Ерасим, давай-ка, неси ружье из избы... — Стой, я сам пойду, а ты заговаривай пока зубы и сплавливай к Алею, я там встречу, в прорубь смахнем.

— Не бери ружье, пешню возьми, пешней шпильнешь, понял? А то на выстрел-то может народ сбежаться, — посоветовал Ераска.

— Давай, езжай, сейчас председатель побежал народ скликать, в ночь выедем — валяй давай. Я уже провожу тебя.

— Я сам знаю дорогу. — сердито бросил Ахмет.

— Ну, и хорошо, что знаешь. Езжай давай! — выпроваживал Ераска.

За Алеем шумела вода. Техник не вытерпел — пустил плотину.

Ахмет сердито хлестал плетью неповинного Серка, круто повернул за амбар. От площади пустился по узенькой улице.

— И-и-я! — пронесся по селу пронзительный крик. Зло залаяли псы, на улицу выбежали мужики. Ахмет вернулся обратно и кричал: — Плотина, плотина затопил Алей.

— Тревогу! — крикнул Савелий и побежал к обозу.

— Вода-а-а! Собирайсь! А-а-у! — несло по селу.

Из домов выбегали люди, хватали лошадей. Поднялся рев и вой, точно случился небывалый пожар. По всем семи улицам бежали к площади, где обоз был приготовлен к отъезду.

— Забирай свое! — крикнул Ераска, предполагая, что все случилось, как говорил Несмелов.

Гурьян Гурьянович стоял с пешней около кучи выброшенного из проруби льда и, затаив дыхание, ожидал киргиза. Но киргиза он не дождался. Услышав суматоху, Гурьян побежал к селу.

С пешней в руках втерся в самую гущу людей и лошадей. Он долго не мог понять, что случилось. Понял тогда только, когда заметил, что несколько бричек выехали на дорогу по направлению к Алею.

— Не торопись, ребятушки, не торопись, утра можно дождать. Днем все разберем, — закричал Несмелов.

— Вались ты к ядерной матери! — осадил Зубарев.

— Плугари, в узкий переулочек собирайся! — закричал бригадир.

— Сеяльщики, на площадь! — гремел еще чей-то голос.

— Бороновальщики, к взвозу! — раздался бас Савелия.

Лошади в темноте шарахались по сторонам, громыхая по приморозку. Телеги цеплялись за углы амбаров и плетни. Бабы бегали по табору с мешками печеного хлеба. В темноте отыскивали своих, не находили и совали мешок на первую попавшуюся бричку.

— На, передашь моему. Смотри не сломай, шаньги тут мягкие. Не садись на них, — совала мешок Савиха Отряхе.

Больной Игнат собирался за Алей вместе с кохозниками.

— Ты куда? — спросил Несмелов, заметив мешок с хлебом на спине Игната. — Больной ведь ты, остался бы дома. Прямо жаль тебя, ох, как жаль! — Не замечая Несмелова, Игнат быстро шагал к обозу. В голове чувствовалась боль, ноги ломило от быстрой ходьбы. Игнат с трудом добрался до передней пары, взлез на повозку и громко крикнул:

— Вперед!

Обоз тронулся за Алей.

Бричка катилась по льду по ступицы в воде.

Екнуло сердце Игната, когда он заметил такую глубину воды. По телу пробежала мелкая дрожь «Это здесь, а что же там, по низовью реки? Как тракторы?»

— Напрасно ты, Игнат, поехал, заболешь там в сыро-

сти, — заговорил Ромашка, когда бричка переехала через Алей.

— Ничего, я там лучше поправлюсь. Полог натянем на бричку, будем воздухом свежим дышать. Зато там все на глазах, а здесь еще больше заболеешь, — ответил Игнат.

Эта ночь напомнила красноярцам такую же тихую майскую ночь восемнадцатого года, когда красноярская беднота не выдержала натиска богатых, натиска сытых и пьяных казаков белого атамана Анненкова, таким же беспорядочным обозом тронулась за Алей, отступила с завоеванной земли в горы Алтая партизанить. В пороховом дыму формировались алтайские партизанские полки. Разбили на-голову белых генералов. Теперь эта же беднота и середняк тронулись в наступление на нужду, на кулака. Тогда была война войне палачей. Теперь война последнему врагу — кулаку, нужде, тьме, глухой, далекой, сибирской. И потому так яростно и торопливо в гору бежали люди и лошади. Слышалось как когда-то: «Врешь, враг! Не искоренить тебе большевистское племя». Это была война за светлое будущее.

3

Около Дедкова кургана Яков Акимыч со своей бригадой достраивал тесовый барак для ночлега и другие подсобные постройки. В эту ночь он не столько строил барак, сколько беспокойно смотрел на плотину и прислушивался, не едет ли обоз. Смотрел на село и по огням узнавал, что село спит и от этого еще больше ныло сердце. Но вот он услышал густой лай собак, увидел огни. «Собираются» — подумал.

Дедков курган был веселым местом в степи. Отсюда как на ладони видны были Алтайские горы, виднелось большое кержацкое село Платаева, шефствующий колхоз «Зерно», голубой разлив воды и все триста дворов Краснояровки. Слышен лай собак, а по вечерам — звонкие девичьи голоса. Вокруг Дедкова кургана простирались лучшие земли. Много целины и залежей. И только с одной стороны клина подходили Солоновская долина и пустыри. Полевод Алекин еще вчера разбил место стоянки бригад. По приезде обоза каждый бригадир получил свое место. Вдовуха Петровна с кухней устроилась поближе к роднику.

Выехав к Дедкову кургану, колхозники с замиранием сердца смотрели в ту сторону, откуда ожидались тракторы. Выбегали вперед к Усть-Каменогорскому тракту и подолгу всматривались вдаль. В это время с противоположной стороны в Алей впадала вода бурливой горной речушки Соло-

новки. Савелий нервно кусал жесткие черные усы. Беспокойно ходил по всему табору, никого не замечал, ругал Украину, что она до такой поры задержала тракторы.

— Вот так и на фронте бывало, в партизанщину. Не придет своевременно поддержка, ну и терпишь неудачу, — говорил он, остановившись около телеги Игната.

Ковров не понимал, почему Колунок запаздывает с тракторами. Он нашел единственное объяснение: группа, дойдя до реки Язевки, пешим порядком не могла переправиться и тогда вынуждена была сделать круг — лишних десять километров по бездорожью, — в ночное время. Это отняло в лучшем случае два часа, притом по талой грязной дороге, неопытные трактористы могли задержаться еще на несколько часов. Игнат решил ждать еще два-три часа. Время шло. Из-за гор показалось солнце.

Ромашка с учительницей Клашей успели оборудовать походную избу-читальню, сколоченную из досок, клеили плакаты, раскладывали книги, газеты. Ромашка заказал две доски — черную и красную. Повесили и эти доски. Мало кто догадывался, к чему они.

На одной из дощатый стен читальни учительница пристраивала классную доску. Клаша хорошо знала, сколько здесь предстоит работы. Раньше было просто: Андрею Колунку не надо было знать грамоты. Он знал одно: встать пораньше, задать Жарковым меринам овса, выпить чаю с сухими корками и встать за плуг. В обед четверку лошадей сменять, а Андрей опять без смены дотемна. Знать, сколько вспахано, засеяно, — это дело Жаркова. Но теперь ушло в пропасть старое. Жарков, как мусор негодный, вышвырнут революцией из села, на смену кабальному труду пришел новый, социалистический труд, почетный, научный. Надо записать целые гектары, десятые и сотые доли. Сложить, разделить, перемножить. А сколько таких Колунков в колхозе, которые завтра же столкнутся с необходимостью знать грамоту на деле, завтра же предъявят счет на грамоту Клаше!

Не успела Клаша повесить доску, как к ней подошел бригадир плугарей, бывший батрак Буденков.

— Клашенька, скажи, как мне двадцать семь целых и пять десятых гектара разделить на тринадцать с четвертью. Вот тут в наряде записано, а я не знаю дробей. Всех переспросил, никто не знает.

Для Клаши это не было неожиданностью; она еще несколько дней тому назад составила особую программу по арифметике для бригадиров и трактористов.

— Вечером после смены по два часа арифметикой заниматься будете. Приходи — научу, — ответила Клаша, взяла карандаш и записала в тетрадку Бутенкова ответ. Бригадир с нетерпением ждал вечерних занятий. Ему много предстояло считать впереди.

4

В МТС успеховские трактористы узнали, что последней партии тракторов с трудом удалось переправиться через Алей.

Шесть тракторов были оставлены для красноярцев, но в виду того, что их не удалось переправить, было решено передать другим колхозам, земли которых находились по эту сторону.

— Умру, но перейду на ту сторону, — заявил Андрей. Он горячо доказывал, что пятнадцать километров проедет в 4 часа. Директор МТС согласился. Колунка ожидали со стороны Усть-Каменогорского тракта, но он решил ехать по эту сторону, вверх по течению Алея, в Краснояровку, где намерен был переправиться через Алей.

Вода опередила трактористов. Когда они приехали в Краснояровку, берега уже были затоплены водой. Минуту Андрей колебался. Тракторы стояли на самом берегу Алея. Люди, сбежавшие на шум тракторов, при свете фонарей всматривались в загорелые лица колхозников и ждали, когда скажет свое веское слово Андрей.

— На телегу их, ребята, и волоком на ту сторону, — предложил дед Платон.

— Го-го-го! — раздался на берегу хохот, но смешное предложение Платона натолкнуло Андрея на мысль.

— Паром сюда! — крикнул Андрей.

Люди, преимущественно дивчата и старики, бросились к стоявшему на берегу парому.

— Раз-два, сильно! — кричал тракторист Кирейка. Девки налегли на паром. Паром сдвинулся, по сырой скользкой земле медленно урывками пошел к взвозу, покатился к реке и встал так хорошо, что первый трактор Андрей свободно завел на него. От сельсовета девки волокли зимовавшие там канаты. С другого конца села волокли две лодки. На лодках два десятка дивчат переправились на ту сторону.

— Ставь два, возьму за раз, — кричал дед Платон.

— Нет, нельзя, видишь, какая щель посредине.

— Утопите машину, ой, утопите! — кричал чей-то старческий голос.

Потянули канаты дивчата, медленно поволокли паром на ту сторону. У берега девки собирали разное хламье, чурки, обрезки досок, дерно и валили все к парому. Заработал мотор, трактор отпихиваясь тронулся в гору.

Паром потащили обратно, завели второй трактор. За перевезенный на эту сторону трактор зацепился канат; это оказало девкам большую услугу. Они подхватили канат и помогли трактору выбраться на сухой берег. Андрей не ожидал, пока все тракторы переправятся, и отсылал каждую прибывающую машину в степь, к Дедкову кургану.

Потащили последний трактор. Паром еще успел миновать большую щель. Лед треснул, и одна половина его осела; образовался порог вышиной в метр. Исполнив работу, девки сели на паром и переправились в Краснояровку. К полудню на Алее коверкало лед, а по берегу старики волочились с вершами.

Тракторы один за одним уходили по лугу к Дедкову кургану. На лугу местами стояла глубоко вода, но в виду того, что почва была твердая, тракторы шли без труда по воде.

Около перевала, недалеко от Дедкова кургана, вдоль склона шла неширокая речка Вавилон. Трактористы столпились около нее. Поверх льда стояла вода глубиной в метр, так что переправиться было невозможно. Трактористы кричали из всех сил. Вопили о помощи, пускали в ход все шесть моторов, но ветер относил этот гул в обратную от табора колхозников сторону, по лугу к Алею. Единственная незатопленная на лугу полоса земли постепенно затапливалась и становилась все меньше и меньше.

Еще раз загрохотали все шесть тракторов, закричали в один голос трактористы, но и этот сигнал из-за перевала не был услышан успеховцами.

Между тем вода в реке все прибывала, и возникло опасение, что около берегов образуются прожоры до земли.

«Разве стог зажечь» — мелькнула мысль у Андрея. Но зажечь стог, который стоял посредине полянки, было очень опасно, а переход через речку по горло в воде в такую пору грозил смертью.

— Ну кто смел?—спросил Колунок, всматриваясь в лица трактористов.

— Я!—отозвался Кирейка и выступил вперед.

— Иди.

Кирейко булькнул в воду и пошагал на ту сторону, по грудь в воде.

— У... у... у... холодно — закричал Кирейка, когда вода попала в сапоги.

Неловко добрел он до берега и исчез за перевалом.

Через четверть часа загромыхали брички, на помощь мчались из табора колхозники. Перебросили канаты, в канаты впрягали лошадей, подхватывали и лошади и люди и дружно повыволочили трактор на свою сторону. Через несколько часов красное бархатное знамя, завоеванное трактористами, развевалось над табором.

5

Вечером, когда под гармошку парни отбивали сербиянку, а у барака трактористы пели про красную кавалерию, в другой стороне табора, под телегой, развалился Гурьян Гурьянович. Около него сладко храпел Ераска. Отряха жевал толстое сало, Милютин молча погрузился в раздумье.

Недалеко от брички Несмелова, под бричкой Коврова раздавались голоса:

— Итак, стало-быть всего шесть бригад, при этом бригада трактористов — ударная.

— Тысячу триста гектаров должно быть посеяно в эту весну, — веско говорил полевод Алекин.

— А земли какие наметили? — спросил Харченков.

— Часть Солоновского клина, часть пустырей и залежи, — ответил полевод.

На голоса к бричке подошли шефы — представители совхоза. Их было трое.

— Сколько трактором предположено вспахать? — спросил мастер тракторной мастерской совхоза.

— Пять с половиной га, — робко ответил Колунок.

— О-о! — растянул мастер, — а одиннадцать га не хотели.

— Немец Костель говорит, что работать тракторы должны не больше десяти часов.

— Эх, с бородой ты мужик, а веришь на слово разным американцам да немцам. Хорошо им, чертям, рассуждать, когда у них тракторов больше, чем у нас лошадей. Хлеб мы должны дать стране; двадцать три часа надо дать ход трактору, а один час отдыху. У них, у немцев, человек десять часов работает, а машину меньше человека заставляют работать.

— Знамо, капитал, — заметил Савелий.

— Значит ясно, трактор должен работать двадцать три часа, — заметил шеф.

— Ударничество как у вас? — спросил второй.

— Пока одна бригада, — ответил тракторист Колунок.

— Как же это так можно работать, неударно? И соцреволюция у вас нет. С чем же вы выехали, как же вы будете выполнять свой план? Прохлопали вы с этим делом. Но еще не поздно. Можно наверстать.

— Агроном не разрешит ночью пахать, — не унимался Колунок.

— Ну, это, брат, шалишь. Не мы от ночи зависим, а ночь от нас. Не человек от земли зависит, а земля от человека. В пустыри-то вы раньше богу молиться ходили, а мы прошлый год их вспахивали, выкорчевывали таваложник, хлеба-то огребли.

Не знаешь ты землю природу-матушку и говоришь пустое. Уж ежели земля не даст, сколь ей природой назначено, то человек ее не переделает. Об этом и сам агроном скажет, — заметил Савелий.

— Э-э! Это, брат, ты заблудился. А почему же у вас гектар дал по сто двадцать пудов чистосортной пшеницы, а у единоличника семьдесят три пуда на такой же земле? В чем тут соль? Почему же твоя природа не помогла, почему она уступила совхозу? Соль, брат, тут вот в чем: как человек будет действовать на земле, так она и будет отзываться; а то, что ты знал о земле, это устарело. Ведь ты пахал на одной кляче так, как пахал твой дед. Ты от него перенял все; даже если твой дед погонял кобылу левой рукой, то и ты погоняешь левой рукой. Столетиями повторяли одно и то же. Даже прошлый год ты еще был знатоком своего дела, но теперь ты уже не годишься. Если ты знал, как нужно в плуг запрягать двух лошадей, то теперь не знаешь, как запрячь четырех. Если ты раньше на гектар сеял семь пудов то теперь, после протравливания семян, не знаешь, сколь нужно прибавить. Не знаешь, как пустить друг за другом десять плугов; не знаешь, с которой стороны подойти к двенадцатирядной сеялке, не говоря уже о работе трактора, комбайнов и других машин.

— Верна твоя речь, — перебил Савелий мастера.

Шилом в бок шарахнули слова мастера Гурьяну Гурьяновичу. Сидя под своей бричкой, Несмелов ловил каждое слово мастера.

— Нет, земле-матушке поклон, низкий поклон, — процедил Несмелов.

— Хорошо сало, только жаль, что водки нет, — ответил Отряха на слова Гурьяна и псом свернулся под телегой.

— Э-э, лежебока, язви тебя! Пролежал ты все на свете, обленился и мышей не хочешь давить. Мой Полканка, и тот сегодня мышь задавил, а уже на что пес ленивый, — процедил Несмелов. Но ни Ераска ни Отряха уже не слышали слов Гурьяна.

6

Утром, когда над горами показалось солнце, дул сухой свежий ветерок, ожил колхозный табор. Недалеко одиночники палили пустоши, горели полныи и катун. От земли пахло прелью и сыростью. Агрономы совхоза не решались пахать, а колхозники, глядя на своих шефов, тоже не пахали.

Полевод Алекин лопатой ковырял землю, брал в руки, жал, пробовал на язык. Из земли сочилась вода.

На поле, что ведет от кургана к Вавилону, полевод встретился с Ковровым.

— Ну, как? — спросил Ковров.

— Сыро, да и по времени рано сеять, — ответил Алекин.

— А пахать?

— Пахать? .. — и комсомолец ничего не ответил.

Авторитет совхоза влиял на полевода, и он боялся рискнуть пахать сейчас набухшую сырую землю.

— Я все-таки думаю, что можно пахать. Ты не смотри на совхоз. Ведь у него масса тракторов, сев точно рассчитан по плану, они успевают в срок, поэтому им невыгодно пахать сейчас так рано; к тому же их участки земли находятся в низине, — говорил Игнат.

— Пожалуй, ты прав. Тогда в ночь пустим тракторы, а завтра с утра и конную тягу, — согласился комсомолец.

Хлопая тяжелыми бухилами по сырой скользкой земле, вожаки шли к Дедкову кургану. С противоположной стороны на курган вышли Несмелов с Малютиным. Заметив полевода с Игнатом, Несмелов испугался.

— Мотри, мотри! Ведь это полевод с кем-то шляется по целине, — сказал Несмелов. Он приложил руку ко лбу и на солнышке пригляделся к идущим.

— Да, он и есть.

Малютин тоже глянул в ту сторону.

— Ну, прощай, земля! — с болью процедил Несмелов, замечая, как агроном размахивал во все стороны руками. Он как бы этим взмахом говорил: «Вот отсюда и досюда».

— На охоту, что ли, ходили? — заискивающе заговорил Гурьян, затаив злобу к посягателям на землю. Через плечо

Игната Несмелов глянул вдаль на свои бывшие земли. Малютин нетерпеливо, словно лошадь у столба, каблуком сапога сгреб землю. Из долины повеял теплый ветерок и принес с собой на курган дым горькой полыни. Полевод потоптался на месте, посмотрел во все стороны и торопливо зашагал к табору. У пахоты Алекин остановился, взял горсть земли, крепко зажал ее в ладони. Сквозь пальцы не сочилась вода, на ладони осталась чуть заметная слизь. Полевод лизнул землю языком и поморщился. Эта поляна была солонцевата.

— Земля — что творог, — сказал Несмелов.

— Земля хоть куда! — подтвердил Малютин, глянул на Несмелова, потом на Алекина.

— Этот клин весь добрый, до пустырей, — и Несмелов глянул в ту сторону, куда вела эта поляна.

Ковров посмотрел в сторону совхоза. Совхозные агрономы, не ожидая завтрашнего утра, пустили полсотни «кейсов» и «интеров».

ПЯТОЕ ЗВЕНО

1

Над степью повисла темная апрельская ночь. Слабый ветерок доносил до табора успеховцев дым горевших прошлогодних трав.

Степную тишину нарушало назойливое кваканье лягушек в Данилкином болоте, да изредка доносился раздражающий стон диких кошек из сухой балки.

Табор спал. Но плохо спалось в эту ночь Гурьяну Гурьяновичу: оттого ли, что завтра с рассветом трактор Андрюшки Колунка своими восьмикорпусными плугами вопьется в Гурьяновскую целину и белая поблекшая прошлогодняя трава спрячется под пластами земли, или оттого, что земля отдает прелью и сыростью.

При тусклом свете фонаря Гурьян стал присматриваться, как серая, с желтой полоскою, мышь около заднего колеса брички грызла мешок с сухарями.

— Ишь ты, вредит, стерва. Наверно и ей плохо живется, наверно и ее разорили — раскулачили, — шопотом проговорил Гурьян.

Из камышевых зарослей доносился стон выпи. В балке снова взвизгнула кошка. Одолевала тоска. Гурьян встал, лениво потянулся, как потягиваются заспавшиеся ленивые псы. Сквозь сумерки присматривался к своему становищу, окинул взглядом свои бывшие земли.

— Моя целина. . . — прошептал он. Вспомнил весь свой путь борьбы с колхозом, вспомнил о том, как боролся с колхозом извне, но был сбит людским потоком красноярской бедноты, решил сдать свою тройку лошадей, машины, плуги и бороться с колхозом изнутри. Но день ото дня изпод ног Гурьяна Гурьяновича уплывала почва.

— За свою землю, за добро живот положу, — стиснул он зубы и пошагал туда, в конец табора, где вдовуха Петровна готовила завтрак пахарям. Присел около огонька, взял с плиты кусок сала, пожевал его, проглотил, как беззубый пес мясо.

И, не подбирая полы зипуна, шагал по табору.

— Из-под Савельевой брички на Гурьяна Гурьяновича бросились два косматых пса, хватая за полы зипуна.

— Полкан, Миллер, вы, ах вы!.. Не узнали? — Псы не унимались и зло лаяли на своего бывшего хозяина.

— Заправляй, ребята, тракторы; уже свет, — раздался голос Андрея Колунка. У Гурьяна, точно у осужденного на смерть преступника, дрогнуло сердце, подкосились ноги.

— Моя целина, — проговорил он. Глянул на восток. Там уже загоралась яркая заря. Гурьян Гурьянович шел к своей бричке. Обогнув городок трактористов, он свернул в сторону. Тут на куче прошлогодней поблекшей осоки спал Ераска Лавров.

— Ты... ты... — теребил Гурьян за воротник Ераска.

— М-м-мы, — телком промычал спросонья Ераска, вооруженный и придавил спящего рядом косматого беззубого Шарика.

— Землю мою собираются пахать, — начал Гурьян высказывать обиду.

— Ну, а мне которое дело? — сонно отозвался Ераска.

— Дело вот како, — Гурьян точно вор осмотрелся кругом. — Ты на протравку семян назначен.

— Ну...

— Значит, надо их уничтожить.

— Ну... — повторил Ераска.

— Так вот, дело к тебе...

— Говори ж...

— Не реви громко. Дело вот какое, — Гурьян минуту помолчал и этим молчанием выводил из терпенья Ераска: — ты должен отравить семена, понял? Семена говорю, отравить, — цедил в темноте Гурьян.

— Семена отравить, как так отравить семена? — со страхом в голосе заговорил Ераска.

— В нужде ты, Ерасим, сено поджог, не боялся, а тут чего-то боится.

— Из какой это корысти-то?

— О корысти ты мне не говори. В долгу не останусь, воз первосортной пшеницы нагребу и сто рублей деньгами. Понял? Я тоже к вам в бригаду приду, заготовь побольше формалина.

— Хорошо, только чтоб без обмана, — согласился Ераска.

Над пирамидами Алтайских гранитников показалось яркое солнце и по всей безбрежной глади степной равнины разливало свои лучи. По голубому небу ворохами беспорядочно разбросанной соломы через семипалатинские степные просторы плыли облака.

Стрелка часов показала пять. Раздалось пять ударов в подвешенные к столбу лемеха.

Зашевелился табор. С лугов, похрапывая, шел табун лошадей. Свернул на отмель. Лошади жадно пили воду прозрачной речушки Борихи.

Когда стрелка переползла на шесть, по табору раздался голос Савелья:

— Первая бригада, запрягай!

Ворохнулась бригада.

— Секретарь райкома партии Захарыч, чуть наклонив седую голову, следил за каждым движением бригады лошадей. А когда стрелка показала семь минут седьмого, двадцать плугов, запряженных четверками, врезались в Несмеловскую целину. Блеснул на солнце лоснящийся суглинок.

Савелий, подпирая за ручки плуг, покрикивал на переднюю четверку:

— Но, милые, больше жизни! — Кони дружно тянули плуг. Шли в ногу. Савелий запел:

Мы пластами советских земель
Путь проложим до радостных дней.

Ему вторил бороноволок пионер Гришутка.

Там, около Дедкового кургана колонна тракторов под командою Андрея Колунка на части рвала Несмеловскую целину. Трактористы, как бы желая поскорее поднять целину, с первой скорости переводили на вторую; восьмикорпусные плуги с какой-то особенной ловкостью кромсали пласты, отбрасывая их в сторону.

Достаточно набегавшись, Андрей Колунок присел на вершине Дедкового кургана, стараясь не выпускать из поля зрения ни одного тракториста. Каждую минуту любой тракторист мог выбросить красный или белый флаг. В моревах терялись тракторы, пестрили в глазах люди. Андрея как нарочно убаюкивали жаворонки, распевая над ним на все лады. Ему хотелось вытянуться, уснуть, сбросить мокрые, облипшие грязью сапоги с отяжелевших ног.

Андрей еще раз окинул взором колонну и, вытянувшись

на кургане, решил на минутку вздремнуть, но тут невольно в голову полезли мысли о прошлом. Вспомнил тяжелые годы батрачества, суровую борьбу за кусок хлеба, тяжелое бесплодное одиноличное житье, стал вспоминать о том, как в 1918 году на этом самом кургане в темную зловещую ночь организовался первый партизанский отряд. Выстроились мужики в колонны по три. Расстреляли последние патроны и с боем отступили к Алтайским гранитникам. Оставили завоеванную целину. Зверем лютым рыскал по этой безбрежной степи белый атаман Анненков. Хвастал: «Где атаман пройдет, там трава не растет». Да, где побывали атаманские шайки пьяных, богатых и сытых казаков, там долго не росла трава, но брошенное большевистское семя оказалось живуче, а почва плодотворной. В 1918 году Игнат Ковров дал Андрею приказ взять деревню Малаховку, в которой засел эскадрон белых карателей. В темную осеннюю дождливую ночь Андрей повел эскадрон, вооруженный самодельными пиками, самодельными ружьями, клинками из кос. Тогда было легко, арифметика была простая, проще того политика.

— «Руби до пояса, там сам развалится!» — скомандовал Андрей, повел на врага эскадрон и затоптал в землю белых. Вновь взяли бедняки Несмеловскую целину, но тогда она лежала нетронутой и не под силу было обработать ее одиночным хозяйствам. Красноярская беднота лисой на виноград смотрела на Несмеловскую целину.

— Вот чорт возьми, когда наша-то взяла! — Вот когда! — Андрей вскочил на ноги, любуясь шестеркой идущих под уклон тракторов.

— Как, Андрей, дела? — спросил секретарь райкома.

Андрей только сейчас спохватился, что, когда он дремал, секретарь райкома сидел рядом с ним.

— Вздремнул было. . .

В это время лемеха зазвенели на обед. Трактористы смеялись.

— А трактор у вас не отдыхает? — спросил секретарь.

— Нет ему отдыха. Один час в сутки.

— Только час? А почему не шесть? Ведь Кейс вас за это взгреет.

— Плевать мы хотели на Кейса. Мы хозяева, а не Кейс. Совхоз прошлый год уже работал двадцать три часа и сейчас с нами в договор включил.

— Позволь, ведь это приведет к разрушению тракторного хозяйства.

— Не беспокойся, Захарыч, при хорошем уходе ничего

ему не делается. Ведь сев мы должны закончить в пятнадцать дней, потом уж будем отдыхать, — отвечал Андрей Колунок. Они незаметно подошли к табору.

Первой на обед явилась бригада Савельева. За нею бригада Зубова. Захарыч стоял среди табора, любовался порядком.

К кухне ехали четверки с плугами, с боронами, сеялками, бричками. Отпрягали тут же; хомуты бросали там, где отпрягали, а уздечки там, где пускали лошадь. Через десять минут весь табор был завален беспорядочно разбросанными хомутами, плугами, сеялками, боронами, бричками. Табор был похож на разбитый на-голову полк партизан.

— Вот видишь, секретарь! Любуйся, не досмотрел ты это вчера, — заговорил Захарыч, обращаясь к Коврову.

— За мелочь посчитал я это, Захарыч. Неужели ячейка должна заниматься этими делами? Странно, — пожал плечами Ковров, — на что же тогда правление! Вот сволочь Машютин: такого пустяка не мог усмотреть.

— Пустяк, говоришь, пустяк. Посмотрим, что будет дальше, — заговорил Захарыч.

Долго ждать не пришлось. Едва Захарыч успел проглотить ложку-другую каши, перебросятся словами с колхозниками, как снова загремели лемеха.

— Запрягай! — раздалась команда полевода. Секретарь райкома внимательно следил за бригадой Савелия. Плугарь Зубарев шархнулся к коновязи, ухватился за уздечку Гнедка и ахнул: Гришутка спустил коня на пастбища обузданным. Гнедко жевал удила вместе с мякиной. Зубарев первый подвел пару лошадей, взял с земли хомут, который почему-то лежал книзу подхомутником, не отряхнув землю, надел его на Гнедка и быстро застегнул постромки. Бороноволок Гришутка сидел уже верхом на Гнедке. Зубарев метнул в одну сторону, в другую побегал вокруг четверки, глаза его шныряли кругом.

— Копачку кто-то стянул, кнута нет, опять же лемех запасный исчез, — растерянно заговорил плугарь.

Без копачки нельзя — пахали сорную пустошь — и без кнута, что без рук. Зубарев бросился отыскивать копачку. К счастью нашел ее быстро; он, оказывается, просто бросил ее недалеко от столовой. Еще подальше отыскал лемех, но кнут так и не нашелся, и плугарь взял хворостину. Тронулись в путь.

Секретарь глянул на стрелку часов; она отметила двадцать минут. Двадцать минут запрягала бригада после обеда!

— Ну, как?

— Да, — тяжело вздохнул Ковров.

— Мелочь? . .

Ковров почесал затылок.

— Видишь, голова. Казалось бы, это дело не партийное, оппортунисты вообще махнули бы на это рукой, но ты, секретарь ячейки нашей партии, заруби себе на носу, что партийной работе нет границ: набьет лошадь плечи — ты виноват, ячейка виновата, потому что ты не провел соответствующей партийной работы. Зубарев не враг колхоза; наоборот, он честный работник. Но где он мог научиться порядку? Он делает все так, как делал у себя дома, когда работали втроем на одной лошади, а тут дали четверку на одного. А сейчас гляди, что получается — у него треснула копачка; на нее, видимо, наступила лошадь или по ней проехало колесо. Он поехал пахать сорную пустошь и на первой же полосе сломает копачку, обломает и кнут-хвостину. Лошадей хомутают небрежно, а имей в виду, что за лошадей ты в ответе. О работе вашей ячейки мы будем судить по количеству натертых плеч, сбитых спин у лошадей, по количеству испорченного инвентаря, по размерам простоев, а не по количеству собраний и протоколов, — заключил Захарыч.

— Это правильно, недопоняли мы, Захарыч, — согласился Ковров. — И они разошлись в разные стороны. Захарыч, слегка прихрамывая на левую ногу, ковылял на Дедков курган, чтоб оттуда еще раз взглянуть на работу успешцев.

3

Невдалеке от табора копошился Черный, по прозвищу «Гагара», — бригадир по протравке семян. Копаясь в ворохе мешков, отделяя дырявые на починку вдовухе Петровне, он не заметил, как к нему подошел Ераска Лавров, а вслед за Ераской приплелся и сам Гурьян Гурьянович.

— На протравку, ладно, — сказал Гагара и как-то подозрительно посмотрел на Несмелова, как бы предчувствуя недоброе. Лукавые волчьи глаза Гурьяна опустились к земле.

— Да, знаю, — поспешил Ераска.

— Ты, Ерасим, знаешь, как вести протравку семян? Вот на эту меру лей четыре литра формалина. Смотри, не больше, но не меньше, — предупредил бригадир.

— Да, знаю, — поспешил Ераска.

— Вот и хорошо.

— Зерно тут первосортное, с совхоза; его будут сеять на

целину. Когда протравите, мешки отнесите в тень. Постояв еще несколько минут и убедившись, что Ераска дело как будто усвоил и аккуратно опустил в кадку первую партию мешков, Гагара пошагал к другой партии работников, где протравка велась горячей водой.

— Давай еще четыре, лей. Скрылся он, ну!.. — змеей зашипел Гурьян. Ераска трясся всем телом, жался как припертый к стенке пес.

— Ну! — снова процедил Гурьян.

— Ой, быть беде! — дрожащим голосом проговорил Ераска.

— До беды семь лет, будет или нет, — с досадой и укором проговорил Гурьян.

— Ну, лей, тебе говорю.

— Если узнают, смерть ведь прямая...

— Дурак, ты видишь, что тут работают все. Кто тут чего разберет, сам чорт ногу ломает. Лей давай! — напирал Гурьян.

— Боюсь я чего-то, рука у меня не несет, — дрожал Ераска.

— У, пес трусливый! — заскрежетал зубами Гурьян и, оттолкнув Ераску, схватил четыре литровки формалина и две из них опрокинул в мерку.

— На, лей эти две! — крикнул.

Ераска нехотя взял формалин и дрожащими руками опрокинул жидкость в мерку.

— Ну вот, сейчас надежное дело. У-у, подлецы! Покажу я вам, как поднимать Гурьянову целину, — прошептал Гурьян.

— Смотри, Гурьян, чтоб хлеб отдал мне теперь. Ты у меня вот где сидишь, — Ераска показал язык.

— Не бойся, Ерасим, не подведу я тебя. Всегда ведь ты у меня что у бога за пазухой. Давай только поворачивайся живей, чтоб до вечера-то...

Гурьян посмотрел вдаль к Дедкову кургану. Длинной черной вереницей потянулись в голове мысли. Ведь так еще недавно на этих степных просторах гулял косяк его собственных лошадей, паслось стадо киргизских овец. Тут Андрей Колунок, да Ковров Игнашка, да Савка Галядкин от снегов до снегов гнули спину, мокли под дождем и слякотью на полях Гурьяна Гурьяновича. Вспомнил Гурьян, как по субботам приезжал на поля на вороном рысаке. Приедет, вдоволь наругает Андрюшку Колунка да Савку Галядкина. а под конец раздобрится — полбутылки на брата, а сорван-

цу кучерявому немытому Игнашке осьмушку подмоченной махорки.

— На, кури, пес! Человек будешь... Да не подожги, каналья! — обласкает Гурьян малыша.

— Спасибо за хлеб-соль, — скажет Ивашка и опять к стадам. Сторожит вместе с дворнягами.

Глянул на целину. Там двадцать четверок подгоняют друг друга, двадцать два гектара седого поблекшего ковыля ложатся, кланяются сырой земле, и земля плугам, плуги лошадям, лошади людям. Властелин всему человек, а тут еще шесть тракторов семьдесят восемь гектаров Несмеловской целины в порошок изотрут. Пройдет день, и сто гектаров Гурьяновой целины падут к ногам красноярской бедноты, руководимой «партией Игнашки Коврова».

Рвалось на части сердце Гурьяна Гульяновича, а тракторы Андрюшки Колунка, управляемые бывшими батраками, покорно исполняли все их прихоти. По их воле тракторы шли любой скоростью, поворачивались под углом, лезли на какие угодно холмы.

Трактор батрака Егорки Храмцова взобрался на лысую вершину Дедкового кургана, тут Егорку сменил Андрей Колунок. Маленький и юркий, он сейчас показался Несмелову грозным, могучим великаном, от которого зависела судьба Гурьяна. Гурьян озверел: вместо двойной дозы формалина стал лить тройную. Потом побежал к бригаде, где протравка велась «мокрым способом». Под баком с водой горели прошлогодние дудки, градусник показывал «40». Этого было достаточно для протравки, но Гурьян, воспользовавшись тем, что истопник дремал, подбросил еще дудок. Градусник показал «60», потом «80»; этого было достаточно, чтобы из пятидесяти пудов зерна, заложенного в чан, получилась ячневая каша. Гурьян отвел свою злобу.

Подошел бригадир.

— Ну, как дела?

— Хорошо, подвигаются, — ответил Гурьян и осторожно вылил в мерку четвертую литровку. Бригадир ничего не заметил и пошел дальше. Но ужаснулся, когда увидел, что в баке кипит вода.

Схватил истопника за ворот и начал отчаянно трясти. Тот выкатил на лоб глаза; спросонья не мог понять, в чем дело. У бака началась сутолока. Гурьян в это время успел влить тройную дозу формалина.

Вечерело. Солнце спряталось за рошей и оттуда сквозь ветки посылало последние лучи. Кончился первый день коллективного труда. Только Андрей Колунок со своей бригадой трактористов не признавал ни дня ни ночи, перешел на счет часов и гектаров. О субботах и воскресеньях трактористы знать ничего не хотели еще с тех пор, как ушли на тракторные курсы. Помнят только ту субботу, в которую оставили Краснояровку. О лошадях трактористы тоже знать не хотели, для них теперь лошадь — трин-трава. Что говорить о лошади, если трактор «Кейс» один сегодня вспахал столько, сколько вспахали двадцать четверок лошадей, а тракторист заменил двадцать пять плугарей-бороновальщиков! Так думали о лошадях не только трактористы. Но по-другому думал секретарь райкома партии Захарыч. Захарыч твердо знал, что конь еще надолго останется основным тяглом в сельском хозяйстве и что коня надо беречь пуше зеницы ока.

Ударили в лемеха. Ехали с поля бригады. Впереди всех Савельева бригада.

— Стой! — остановил Савелия Захарыч.

— Отпрягай!

Отстегнули постромки. Расхомутали. Зубарев расхомутал Гнедка.

— Кто в ответе за Гнедка? — спросил секретарь, обращаясь к организатору труда Харченкову. Тот замялся, как уличенный в краже преступник.

— Да, у нас так... Так... Еще не успели...

— Но конь набил до крови плечо.

— Да, плечо испортил конь твой. Это Зубарев недоглядел, — вмешался в разговор дед Платон.

— Недогляд и есть. стыдно, стыдно! — заговорил Фомин.

Сгрудился кружок людей. Каждый заглядывал на растертую рану красавца Гнедка. Тяжело вздыхал утомленный конь.

Стали осматривать рыжую кобылицу. Натерло до крови левый бок. Стали искать причину. Дело оказалось простым; веревочный тяж порвался. В обеденный перерыв его надо было «срассить», раскатать хорошенько, а Зубарев поленился. Савелий же недоглядел. На порванном месте связали

узлом, этим узлом и натерло до крови. По ранке стекал пот с грязью, обильно осыпала рану мошकारа.

— Э-эх, садова голова, Зубарев! Ведь не глупый ты мужик, а гляди, чего навязал узлов. Вот тебя бы по башке этим узлом, — заговорил пожилой плугарь.

Зубарев опустил глаза. Он чувствовал себя виноватым, готов был сию же минуту броситься к Гнедку, зализать языком рану. Гнедко, как бы жалуясь на Зубарева, тоскливо взглянул на людей, встряхнулся, сгоняя ораву мух, переступил с ноги на ногу, всхрапнул и тяжело перевел дух.

— Ну как, товарищи, надо ли еще пояснять, что Зубарев и Савелий по-зверски отнеслись к коню? — обратился секретарь к колхозникам.

— Понял я теперь, Захарыч. Прости, — заговорил Зубарев.

— Дорогой товарищ, ведь конь-то не мой, а ваш. Вы смотрите, а не я; вам завтра на нем работать, а не мне.

— Говорил я тебе, Зубарев, держи глаз остро, следи за конем. Не послушал, а теперь всей артелью стыд за тебя принимать довелось, — стал уличать Савелий.

Отвели четверку. Гнедка провожали полсотни пар человеческих глаз. Охали люди, ругали Зубарева.

Следующей шла четверка комсомольца Кудряшкина. Колхозники обступили лошадей, осматривали их, цеплялись взглядом за всякий ремешок, искали, к чему бы придраться, а комсомолец Кудряшкин, бывший батрак, уверенно смотрел на окружающих.

— Эй ты, грива-то у кобылица не выправлена как след, — бросил в шутку кто-то из присутствующих.

— Э, брось! — засмеялся парень. — «На воре шапка горит», — не придерешься. В обязательство комсомольское поставил «уход за лошадью и бережливое отношение к сбруе и инвентарю», — ответил комсомолец и тронул дальше.

— На ячейке комсомола обсуждали этот вопрос, чтоб уход за лошадью был хороший; нельзя нам халатничать, а то скажут: «Во комсомол, лошади плечи набил», — заговорил секретарь комсомола, обращаясь к Захарычу.

— Это знамо дело. Какой же он тогда комсомол к лещему, ежели плечи лошадам набил! — ответил за Захарыча дед Платон.

— Го-го, го-у-у-а! Гужеед Отряха едет; смотри, ребята! — понеслись возгласы, и вокруг подъехавшей четверки Отряхи сомкнулся народ.

— Ну-ка, расступись, мать вашу! Что енералы, что ли,

какие, аль на ведьмедя глазеете? — загремел бас Отряхи. В воздухе свистнул бич.

— Я енералов посылал к ядерной матери, а тут...

— Стой, стой, и мы енералам по шапкам давали, ... оборвал его Фомин.

Любимец колхозников — умница корноухий Серко — стоял как вкопанный, не обращая внимания на свист бича. Кнут он презирал и ненавидел того, кто им машет.

Все обратили внимание на снасть: на тяжах через каждые двадцать сантиметров торчал узел. От шлей до самого пола торчало по десятку обрывков, разных ремешков; на спине корноухого сидел бороноволок Тишка, по прозвищу «Квашня».

Из-под седла съехал потничок, и седло лежало на голой спине. У Серка на спине образовались две глубокие бороздки, и из них по бокам, по сероватой шерсти струйками стекала кровь.

— Под суд его, подлеца!

— Дуря!

— Сволочь, гужеед! — неслись голоса.

— Ну как, товарищи? — снова обернулся Захарыч к колхозникам.

— Долой разгильдяя!

— Да, недопоняли, Захарыч, — сказал Ковров, не сводя глаз с Серко.

Так пропустили двадцать четверок лошадей.

Ковров только сейчас понял всю важность «мелких» вопросов. Из-за невнимания к мелочам, из восьмидесяти лошадей, сегодня работавших на запашке, десять на три дня вышли из строя.

— Завтра сдельно робим, порухи никакой не должно быть, чтоб без задержки, — донесся до Малютина голос Савелия.

— Знамо, лень по боку, — отозвался Тимошка. И оттого, что батрак Тимошка впервые заговорил про лень, у Малютина сжались челюсти.

— Савелия в партию можно принять, — донесся голос Игната. Малютин дрогнул, как от хлыста вздрагивает молодая лошадь. Он склонил голову и закрыл глаза.

Теперь он ясно понимал, что борьбу с колхозом надо было начинать с ячейки, а борьбу с ячейкой нужно было начинать с Игната.

— Ты спишь?.. — Малютин потрогал за плечо Несмелова.

— Нет, чего-то не спится, — отозвался Несмелов.

— Разбуди-ка Герасима, дело одно придумал.

Несмелов под бок тыкал Ераску:

— М-м... — промычал Ераска.

— Вот какое дело, — шопотом начал Малютин и прислушался. Его испугал чей-то голос

— А... ты лодыря хотел гонять? Нет, брат, колхоз тебе не богадельня, будя за спиной других жить, ждать, когда люди за тебя делают, — ядовито и укоризненно говорил кто-то.

— Не по ндраву ему сдельщина пришлась, — цедил второй.

— Так вот, значит, дело-то какое, — Малютин минутку помолчал, желая этим привлечь внимание Несмелова.

— Игнашке башку надо свернуть...

Несмелов подпрыгнул, но, ударившись головой о дроги, присел и несколько секунд не дышал.

— Как же так?... очнулся он, наконец.

— Ты вишь, бричка-то на самом склоне стоит; значит, как только уснет, так ее и шарахнуть. Полетит по склону, а там в крутой обрыв, башку свернет.

— А Ромашка?

— И его туда же. Через год не лучше Игната будет.

Братья Ковровы после дневной суеты сладко спали на телеге под пологом. Стояла теплая тихая ночь. Ее мертвую тишину нарушала стонущая в зарослях выпь, да изредка от укуса блох взвизгивал Полкан.

— За какую корысть-то будем душу губить? — еле слышно прохрипел бас Ераски.

— О корысти ты мне не говори, Ераска. Аль золотом беден Гурьян? — сказал Несмелов.

— Ну... пошли... — прошипел Малютин.

— Стой уже, допью самогон, — упирался Ераска. Он налил в деревянную чашку жидкость и опрокинул ее в рот.

— Ползи за мной... — шептал Гурьян.

— А ты смотри, Гурьян, чтоб без обману, — предупредил Ераска и выпрямился. Хмель ударила в голову. Посмотрел кругом, качнулся как подрезанная осина, пополз и ухватился за дышло. В это время в пустоши крякнула утка. Ераска вздрогнул. Из сухого лога донесся раздражающий визг диких кошек. В зарослях простонала выпь.

— Ну... давай, ребята! — прошипел Несмелов.

Ераска снова ухватился за дышло. В телеге кто-то ворохнулся. Все трое припали к земле, затаили дыхание.

Кошачий визг разбудил собаку. Она залаяла и кинулась в лог. С юга плыло черное облако. На табор упала черная тень.

— Лезь под телегу, подвяжи дышло обрывком, чтоб не вочкалась туда-сюда, — шепнул Несмелов. Ераска, дрожа всем телом, пополз под бричку и подвязал кружало. Потом прислушался, спят ли братья Ковровы. Нажал на дышло. Тронулись колеса, глухо звякнули втулки. Тогда все трое точно остервенели и с силой толкнули бричку. Загромыхала она к крутому обрыву, подскакивая через неглубокие рывины.

Ковров от сильного толчка встрепенулся. Секунду он соображал, что случилось: ураган ли налетел на табор или один летит в какую-то бездну. Вмиг он овладел собой, вскочил на ноги, схватил березовый стяг, на котором был натянут полог, и с размаху сунул его в колесо. Хруснули пальцы в ступице. Хруснул стяг, и в руках Игната остался небольшой обломок. Игнат сунул его в другое колесо.

Бричка остановилась. Загремели лемеха. Зашевелился табор во тьме. Водным потоком хлынули к обрыву люди. Впереди всех неслись Гурьян Гурьянович, Малютин и Ераска.

— Эка ты беда, вот горе-то какое! Слава тебе, господи, что хоть успели, — причитал Гурьян Гурьянович.

Пустились в обыск, в облаву. На лучших лошадях, вооружившись вилами, верхами понеслись по всем дорогам, но степь одиноко молчала. На вороного коня вскочил сам Гурьян и стремглав помчался по дороге, перемахнул через сухую балку.

— Тпру, стой, Карько! Дурака я валяю, — проговорил Гурьян, — неудача...

В балке визгнула кошка. Гурьян вздрогнул, но, услышав топот лошадей ехавших обратно колхозников, поскакала к ним наперерез.

— Взял сюда лугом до Займища.

Поиски ни к чему не привели.

5.

Несколько дней спустя, поутру Ковров стоял на Дедковом кургане. Отсюда видно было все, на много километров кругом. На востоке красовались граниты Алтайских палаток. Из зеленой долины доносился гул тракторов. Через степь несся гудок сахарного завода, а в долине грохотали тракторы.

В таборе Ковров заметил дощечки с надписями: «Здесь

место стоянки первой ударной бригады плугарей», а около читальни на доске мелом было написано:

<i>Первая</i>	<i>бригада</i>	<i>запрягала</i>	<i>8</i>	<i>минут</i>
<i>Вторая</i>	<i>„</i>	<i>„</i>	<i>12</i>	<i>„</i>
<i>Третья</i>	<i>„</i>	<i>„</i>	<i>15</i>	<i>„</i>

Красная доска каждый день коротко говорила о новых героях полей. Черная позорила разгильдяев, лодырей.

— Вот она, так и протягивается их лапа — сначала до трона царского добралась, потом до фабрик, заводов, потом до полей, а тут гляди, и до церквей дело дойдет! — змеей шипел под телегой Несмелов.

Он смотрел в степь и не видел своих земель.

— Все в их руках, все, — вздохнул он и, достав кусок сала, сунул его в рот; жевал, силился проглотить, но жеванное сало застревало в горле.

К бричке подошел Малютин и сел на разостланный кверху шерстью черный тулуп.

— Сто гектаров вчера вспахали, посеяли и заборонили, — зло сказал он и растянулся на тулупе животом вниз.

— Н-д-а-а... А ты знаешь что, Ларионушка?

— Ну?..

— Ты над такой штукой подумай: завтра на пахоту переключи все средства, так чтобы пахота опережала бороньбу дня на два. Ты видишь, сушь какая стоит; зерно будут бросать на сухую землю, и оно не скоро взойдет! — посоветовал Несмелов.

— Верно, это правильно, — оживился Малютин. Только как это сделать? Подумаю.

— Все на выдумки горазды, проклятые; ходят как неприкаянные. Этому Савке да Колунку больше всех надо, свесят заплатами, — негодовал Несмелов. — Чорт их знает, куда и хватает. Раньше бывало того же Савку с бабой возьмешь на поденщину вязать или молотить; шевелятся не шевелятся, словно вошь по гашнику ползет, а тут, проклятые, как угорелые носятся, ночами не спят.

Гурьян Гурьянович посмотрел на Усть-Каменогорский тракт. Там столбом взвивалась серая пыль. Глухо отдавала земля.

— Смотри, несется, — сказал Гурьян.

Шел авто МТС. Он повернул к табору и остановился около горючей базы. Из авто вышел полный человек. Он пристально посмотрел на Колунку, улыбался и показал пол-

ный рот золотых зубов. Это был Пауль Костель. Он узнал Андрея по памятной белой холщевой заплате на черной женской кацавейке.

— А, знакомый! — улыбнулся Костель и протянул руку Андрею. Андрей подал свою грязную руку Костелю; на белой холщевой Костелевой ладони отпечатались черные пятна.

— Где тракторы? — спросил Пауль.

Колунок махнул рукой в сторону долины, где за Дедковым курганом клокотали тракторы.

Подошел Несмелов.

— Желаю здравствовать! — сказал он и поклонился низко Костелю.

— Председатель? — спросил Костель Несмелова.

— Нет, так, — ответил за Несмелова тракторист.

Немец достал из портфеля крокодиловой кожи план МТС и ведомость осмотра тракторов.

— Ваше задание — пятьсот га в весну. На сегодня вы должны тракторами вспахать сто шестьдесят пять га, — сказал немец.

— Го-го-го! — разом засмеялись трактористы.

— Вот так учудил! — снова повторился хохот.

— Вот это так по-заграничному. Так-то мы скоро вас догоним и перегоним. А триста га не хотел бы на сегодня? — выпалил Колунок.

Немец, не мигая, посмотрел раскрытыми глазами на него.

— Не смотри, не смотри, — заговорил Андрей.

По табору пошел гомон.

— Айдайте, ребята, немца смотреть. Представитель американской фирмы «Кейс».

Все бежали смотреть немца. Немец, окруженный сотней людей, смотрел в недоумении.

Полевод развернул табель и подсчитал гектары.

— Да, товарищ Костель, триста га тракторами вспахали на сегодняшнее утро, — сказал полевод.

— За семь дней триста га? Не может быть, — не верил немец.

— Сведите его ребята, пусть метрой померяет, может меньше насчитает, — посоветовал Савелий.

— По десять часов в день работали? — спросил немец.

— Экось ты какой. А двадцать три часа не хотел? — выпалил тракторист Кирейко.

Подошел Игнат. Немец глянул на него и первым поздоровался.

— Вон там, у нас в столовой, можно побеседовать, —

предложил Савелий. Немец согласился и вместе с Игнатом впереди всех пошел к столовой. За ними, словно рой пчел, шли колхозники. Немец хорошо говорил по-русски и охотно согласился делать доклад о работе тракторов.

— Тракторов в Америке больше, чем у вас, — начал Костель, вытирая платком пот с жирного, выхоленного лица.

— Это мы знаем, — вырвался чей-то нетерпеливый голос.

— Крестьяне обрабатывают землю тракторами. Трактор работает шесть-восемь часов в сутки, поэтому он служит пятнадцать-двадцать лет. Трактористы хорошо грамотны и получают хорошую плату. Урожай в Америке выше вашего, хлеб продается по вольной цене, — сыпал слова немец.

— Значит, у вас все хорошо в Америке? — не вытерпел дед Платон.

— Америка — богатейшая в мире страна.

— Колхозы есть у вас? — насмешкой прозвучал чей-то звонкий голос.

— Есть кооперация, где крестьянство получает ссуды на земледелие, — как-то небрежно бросил немец.

— Знаем мы это дело, — крикнул Зубарев и отмахнулся рукой. «Бреши больше» — подумал.

— Я служу в американской фирме, но сам я немец и не слишком подробно знаком с жизнью американских крестьян.

Костель хотел отделаться этими ответами, но его задержал Игнат.

— Товарищи колхозники! Вы слышали про буржуазную страну. По рассказам Костеля там все чисто-гладко, — начал он.

— Знамо, что хорошо, хлеб есть, всего вволю — не то, что у нас, — прервал Ераска.

— Я задам Костелю несколько вопросов — обратился Игнат к собранию. Почему прошлой зимой в стране, где капиталисты являются хозяевами, умерло три миллиона человек? — Это в Китае. Почему в самом Нью-Йорке, в богатейшем городе богатейшей страны, сотни тысяч голодающих днем и ночью дежурят у ворот благотворительных учреждений в ожидании выдачи бесплатной тарелки супа, в то время как фермеры не знают, куда девать свой хлеб? Почему владельцы кофейных плантаций в Бразилии выбросили в море два миллиона мешков кофе, в то время как рабочий мрет с голода?

— Кто у вас владеет машинами? Кто способен купить

удобрение на поля? Каково обложение крестьянства налогом по сравнению с довоенным?

— Так его. Пусть пояснит хорошенько! — крикнул Савелий.

— Почему же у вас разоряется мелкий фермер? Вот на эти вопросы просим ответ.

Колхозники насторожились, ждали ответа Костеля.

Тот переминался с ноги на ногу, точно загнанная лошадь. Пухлые щеки горели.

— Вопросы ваши требует подготовки к ответу, — заговорил он.

— Какая ему подготовка? Пусть без подготовки отвечает. Неграмотный, что ли?

Костель молчал.

— Я сам отвечу, — сказал Ковров. Разве Кейсам не задают вопросы рабочие, крестьяне ихней страны? Но они не отвечают на них, не могут ответить. Пушками они мастера отвечать на вопросы. — молотом упали слова Игната.

— В вашей Германии, которую вы, вероятно, знаете больше, чем Америку, шестьдесят процентов всех тракторов находятся у хозяйств с посевом в сто гектаров, а остальные — у хозяйств с посевом в восемьдесят гектаров. Тракторами пользуется одна десятая часть процента населения, остальное — конная тяга, а в ваших колониях и людская тяга. Вы удивляетесь, Костель, что в нашей стране колхозы на быках пашут, но почему же вы не удивляетесь, когда в ваших колониях пашут на людях? Неужели вы не знаете, что у вас в Германии большая часть сельскохозяйственных кооперативов находится в руках ландбунда «Союзземледельцев» и других кулацких организаций. Бедняков кооперировано только семь процентов, а кулаки кооперированы на все сто, и все удобрения и ссуды идут именно кулакам. Ваши ссуды являются не помощью, а средством закабаления бедняка.

— Ваша система далека от нашей, как небо от земли. Ваш буржуазный город тяготеет над селом, старается сжать село клещами, а наш — пролетарский город, как видите, помогает селу. Посмотрите на тракторы — это пот рабочего города. Вы знаете, что мы собираемся «догнать и перегнать» передовые капиталистические страны в ближайший десяток лет. На ваших полях работает миллион тракторов, а у нас только семьдесят тысяч. Но наша система позволяет использовать тракторы вдвое-втрое производительнее, чем у вас. Мы должны торопиться, потому что хозяева, которым вы служите, дали нам короткую передышку. Нам нужен хлеб:

у нас его все едят, все имеют возможность купить. В старое время у нас, как и у вас в Америке или Германии, также мало потребляли хлеба, голодали, потому что не за что было купить. Теперь у нас рабочий имеет возможность потреблять этот хлеб. У вас в Германии семь миллионов голодают, а сколько еще их жен и детей? Эх, Костель, куда вы годитесь со своей Америкой! Вы посмотрите вон туда, на наши поля, где грохочут ваши тракторы, посмотрите на Андрея Колунка. Куда годится ваш тракторист? Разве есть у вас такой тракторист, который без смены вспахивал «кейсом» четырнадцать га? А вот наш Андрей вспахал. Или вот рядом с вами стоит Кирейко, вчерашний батрак, который еще вчера по четырнадцать часов в сутки гнул спину на кулака. Теперь мы его силком не можем стащить с нашего трактора. На нем и спит.

— Bravo! — раздалось над табором.

— Близок тот день, господин Костель, когда колхозники советской Германии, советской Америки приедут на выучку к русскому колхознику.

— Ура-а-а!

С Алейского сахарного завода доносился протяжный гудок.

— Ваше заключительное слово, — резко бросил Игнат, не столько Костелю, сколько собранию. Но Костель смутился, переступил несколько раз с ноги на ногу, надвинул шляпу и пошагал к авто.

Снова ударили лемеха, колхозники бросились к лошадям и плугам, тракторы вышли к Дедкову кургану. Костель остановился у авто, не мигая смотрел, как суетились колхозники, и не понимал, что творится на советских полях. Костелю сделалось скучно. Он посмотрел в сторону Алтайских пирамид, но и они казались хмурыми, неприветливыми. Он сел в авто и, подымая серую пыль, исчез вдаль.

6

Малютин, следуя совету Несмелова, по-своему повернул руль и сделал это очень просто. Он сказал Алекину:

— Знаешь что, полевод? — Надо сейчас же все силы переключить на пахоту.

Полевод почесал затылок и передал распоряжение организатору труда. Бригады бороновальщиков, сеяльщиков быстро переключились на пахоту. Пахали пустошь. Беспощадно палило майское солнце, дул сухой порывистый ветерок, земля быстро сохла.

Через два дня на сухую землю точно в золу сеяли зерно. Надежда была на дождь, а его все не было. В бригадах росло недовольство.

Полевод Алекин ожидал этого и виноватым котом скрывался в сухом логоу. Тяжелой ношей на горбу полевода за эту весну повисла вторая невзгода. Недавно пришлось вторично засеять Несмеловский клин, на котором сначала были посеяны отравленные семена, а тут снегом на голову свалилась еще эта беда. Шутка ли, в самом деле, с бороньбой запаздывать на двое суток в такую сушь! Бродил полевод по сухой балке, потом осторожно выходил наверх, долго всматривался вдаль, не едет ли по Усть-Каменогорскому тракту Ковров, уехавший за семенами. Получил ли Игнат семена? Полевод боялся, что приедет Ковров, нахмурит брови и скажет, что семян нет. И это в самый разгар сева! Но Игнат не ехал, и Алекин побрел к табору. Он видел, как около стоянки плугарей сгрудились бороновальщики, сеяльщики. Поднялся гомон. В кругу лошадей и людей появился коренастый Ефим Начинаев. Он размахивал руками. До полевода доносились отдельные выкрики. Круг людей рос. За Дедковым курганом умолкли тракторы. В отделении, около базы горячего, суетились трактористы. У барака визгнула гармошка. Тимка растянул ее несколько раз, потом застегнул ремешки и с какой-то особенной злостью, как бывало в пьяную пору, швырнул ее на нары. Не работали пальцы. Ведь и он, Тимошка, болел тем же самым, чем болел Игнат; но Тимошка надеялся, что упрямый Ковров из-под земли достанет семена.

«Он — «партия». Он нас звал в колхоз, он обязан нам дать, на нем лежит ответ» — думал про себя Тимошка.

— Андрей, выручай! Давай в ночную сеять, цепляй к тракторам по три сеялки, — сказал полевод, подкравшись к базе горячего.

— А семена? — торопливо спросил Андрей.

— Семян на ночь хватит.

Колунок внимательно глянул на трактористов.

— Заправляй! прицепляй по три сеялки. В ночную сеем, — распорядился Андрей.

А когда солнце село за Гурьяновой рощей, сам повел свой трактор. Сзади шли еще два трактора, тащили за собой десять сеялок.

Табор утонул в сумерках. Через лог прозвенела бричка. Остановилась около стоянки плугарей. Нахмурив брови, Игнат подошел к костру, где пылко горели сухие прошлогод-

ние подсолнечные дудки. Около костра собрался актив колхозников. Харченков Алексей вальком лежал на животе, что-то чертил в своей потрепанной грязной тетради. Савелий, сидя на земле, совал в рот чернильный карандаш, обильно его слюнявил и писал какие-то выкладки на чисто выструганной дощечке.

С появлением Игната все собралось к костру и с замедлением сердца ждали слов Кострова. Тот, как нарочно, медлил. Обвел глазами всех, кого видел при свете костра. Минутку еще помолчал, потом выпрямился.

— Нет семян... — начал он. Фуража тоже нет. — Минуту молчали все, как бы взвешивая всю тяжесть создавшегося положения. Общую тишину нарушил Ераска. Он выскочил к самому костру, так что огненные языки чуть не касались длинной холщевой рубахи. Глянул на народ, потом перевел взгляд на Игната:

— Ну?.. Достукались... язвы... управители. Народ мутишь.

Все глянули на Коврова.

— Исть неча, ни тут ни дома, — вырвался из тишины глухой голос невысокого поджарого колхозника.

— Ну, так как, граждане? — спросил Малютин.

— Знамо как, складывай плуги да домой айда, — резко бросил Несмелов.

— Домой, ребята, какой там еще... — начал Отряха и оборвал на полслове.

— Вот они, граждане, их посулы, видите? Сулят весь белый свет, а тут на полдороге стоп. Посеяли с гулькин нос, и то не как люди, — гремит бас Ераски.

— Суди не ряди, граждане, а отвязывать тяжи придется. Отсеялись впору. Ходу нет никакого. Где же взять раз сам РИК отказал? Что ж теперь, к Миколаю угоднику пойдешь? — заговорил Савелий, и оттого, что он так заговорил, у Игната дрогнули еще не окрепшие после болезни ноги.

— Верно, резонно, — внятно отозвался Несмелов и вызывающе посмотрел Игнату в лицо.

— Не будет по-вашему, — бросил Игнат в сторону Несмелова и Ераски. Он рубанул рукой воздух, точно белого казака скошил. Ераска дрогнул, попятился в костер, обжегшись шарахнулся в сторону и упал через лежавшего на земле Харченкова.

— Граждане! Надо сейчас решить этот вопрос, — снова заговорил Малютин.

— Разговоров до утра хватит, а толку ни на грош. Ты выход дай. — Игнат впился глазами в Малютина.

— Неча замазывать рот. На то у нас свобода слова. Давай решать. Бери всяк своих лошадей, и баста. Чего еще там, — храбро наступал Несмелов.

— Не быть по-вашему, — снова рубанул Игнат и, резко повернувшись, пошел к своей бричке.

— А... удирать. Видишь, какие они? Ежели где плохо, там и пятки показывать. Зазнался, язви его! — надрывался Ераска.

Последние слова змеей ужалили Харченкова. Он моментально вскочил на ноги.

— Чего глотку дерешь? Ковров — член нашей партии. Пусть он ушел, нас еще двое. Чего хочешь от нас? Ну, чего, я спрашиваю.

— Семян давай! — крикнул Несмелов.

— Семян?.. А много ли ты их принес в колхоз? Прошлый год ты сколько засеял? А в колхоз сдал только на пять га. А остальное куда дел? На базар свез. Продав втридорога? Хорош ты, нечего сказать, а тоже глотку дерешь, — обрушился Харченков на Несмелова.

Люди расходились по табору. В этот вечер не играла гармошка, не надрывались голоса парней, не манили девичьи звонкие голоса на совхоз и туда, за Алей, в село.

Подойдя к своей бричке, Ковров сунулся в мешок с сухарями.

— Нету там, брат, ничего. Сегодня с Клашей последние доели, — отозвался Ромашка.

— А хлеб?

— Хлеб есть плесенный. — Ромашка влез с головой в длинный узенький мешок и достал сухую, покрытую сверху плесенью ковригу.

Ковров через колесо переломил ее, откусил кусок, жевал нехотя — и голодно и есть нехота.

— Иди, Голубка седлай! — распорядился Игнат.

Ромашка прыгнул с брички и утонул в темноте. Минуту спустя Голубко галопом скакал к бричке.

— Куды в ночь? — спросил Ромашка.

— К утру буду, — буркнул Игнат и пришпорил Голубка. Тот рванул во весь опор. Ромашка видел, как брат перемахнул через сухую балку и скрылся в темноте.

— Дело-то хорошее складывается, — прошипел под соседней бричкой Несмелов. Главное Игнашке дали отбой, рот замазали. Убежал постыдно. Н-да, завтра явный бунт. Пусть

потреплют мошенников, чтоб народ в заблуждение не ввели. А ты поторопись, чтоб к обеду всю работу закончили, чтобы к вечеру удочки смотать, в село отправиться. Хорошо бы завтра, когда закончим сев, разрешить мужикам сеять каждому по себе. Пусть берут своих лошадей и работают всяк на себя. Вот уж разлад верный. Ведь кое-у-кого имеются семена, кое-кому я на десятинку дам потихоньку. Надо так и поставить. Не зевай, Ларион Митрич, не зевай! К вечеру чтоб отвязать тяжи, — воспрянул Гурьян, но тут его всполошил Полканка. Полканка громко залаял и со всех ног ударился во тьму. Из-под склона выехала бричка, послышался говор незнакомых людей. У Гурьяна екнуло сердце.

— Не бригада ли из города? — процедил он.

Гурьян не ошибся. Это была бригада металлзавода.

7

Подъехав к самому берегу Алея, Ковров начал громко кричать:

— Паром давай, паром. — Ему отвечал плеск воды. Алея бурлил своим многоводьем. Голубко всхрапывал и настойчиво тянулся к воде.

— Стой, дурак! — отпихивал Ковров Голубка и снова принялся кричать.

— Погоди-погоди, милоч, до утра. В шесть часов паром идет, — отозвался с противоположной стороны голос.

— Лодку подай! — крикнул Игнат.

— На лодках тоже запрет, — ответил человек.

«Что же делать-то?» — подумал Игнат; он спрыгнул и окунул пальцы в воду.

Повернулся к Голубку и попробовал бок.

— Мокрый конь, обождать надо, пока остынет, — пробормотал в темноте Игнат и повел Голубка по берегу. Теплый сухой ветерок обвевал мокрые бока Голубка.

— Вода — что лед, — буркнул Игнат и прислушался к плеску воды. Над Алеем играл серебряный месяц.

Игнат прыгнул в седло и прямо с размаху, с кручи булькнул в воду. Голубко, всхрапывая, плыл к тому берегу.

— Эй, милый, чо ты делаешь? Вода-то лед — простынешь. Давай сюда, на отмель держи, на отмель, левей, а то там в омут попадешь. Круговорот тут, затопнешь, — кричал мужик с той стороны.

Быстрое течение воды отнесло Голубка.

Его могло прибить в круче, затянуть в круговорот. Игнат

ругал себя, почему он не махнул выше по течению, так, чтобы Голубко мог пристать к парому, но тут неожиданно Голубко повернул и, напрягая силы, стремительно поплыл против течения.

В деревянном одноэтажном здании райкома партии шло заседание. Когда Игнат мокрый ввалился в залу, Захарыч уже объявил:

— У кого разные?

— У меня, — бросил Игнат и, шлепая мокрыми сапогами, стал посредине комнаты. С поддевки капала вода.

— Ты что, пьяный? — коротко бросил секретарь.

— Да, опьянел малость оттого, что на семьсот га нехватает семян, оттого, что ни клока фуража, ни зерна овса. Оттого, что сейчас переплыл Алей, когда люди в июне в нем боятся купаться, чтоб не простудиться. И скажу одно — давайте семена! — веско бросил Игнат.

— Но где их взять? — сказал один из членов РИК — ведь ты сам сегодня осмотрел все амбары в районе.

— Зерно есть на глубинных пунктах. В той же Плотаве, в Романовке.

— Ладно, сейчас вопрос с зерном попытаемся разрешить. Больше вопросов нет? Заседание считаю закрытым.

Разошлись.

— Знаешь, сколько времени надо, чтобы собрать зерно по глубинным пунктам и доставить к нам? — начал Захарыч.

— А ведь небось срочно нужно, раз в эдакую холодину через Алей плыл.

— Срочно. Земля сохнет, — глухо уронил Игнат.

Захарыч понимал, что упущенный час мог стоить сотен гектаров. Он снял трубку.

— Алло, алло! Соедините с председателем окрисполкома.

— Председатель у телефона.

— Здорово! Захарыч говорит. Прошу сейчас же из резервного фонда, из Барнаула перебросить в Алейскую три вагона. В колхозе «Успех» прорыв, сегодня туда направлена бригада Алтайского металлзавода. Зерно будет собрано, но надо сейчас же дать зерно, иначе сохнет напаханная земля, — говорил Захарыч.

— Прохлопали, товарищ. Семена в районе есть, не развернули партработы, — сыпал упреки председатель окрисполкома.

— Это отмечено окружкомом, а семена все-таки давай.

Три вагона... 100 верст. К рассвету должно быть зерно на станции, чтобы к утру дать на поля, — настаивал секретарь.

— Хорошо, сейчас я распорядюсь, — ответил председатель.

— Ну вот что, друг. К утру гони сюда подводы, чтобы к восходу солнца зерно было на полосе. Смотри, не кулачье ли у тебя орудует? — повернулся секретарь к Игнату, положив трубку телефонную.

— Значит есть дело?

— Ну да, — весело ответил секретарь.

Обратно Голубко скакал что есть мочи. Встречный ветер пронизывал Игната до костей; порой он чуть придерживал Голубка, соскакивал с седла и бежал рядом с конем, согревался. Он перемахнул сухую балку и помчался к бричке Савелия.

— Савелий, Савелий, вставай сейчас! Пятнадцать бричек высылай на Алейскую, к шести утра быть здесь с семенами. Понял?

Савелий вскочил. «Семена!» — вскрикнул он, и сон как рукой сняло. Через полчаса пятнадцать бричек протарахтели через сухую балку и утонули во тьме.

8

Над гранитниками медленно поднималось яркое солнце, озаряя безбрежную степь; из семипалатинских степей дул сухой ветерок.

Ковров, щуря спросонья глаза, долго прислушивался к шелесту ветра по прошлогоднему бурьяну и злился на этого буяна, разгонявшего тучки. Нельзя было не злиться, ибо вспаханная три дня тому назад земля превращалась в сухую золу.

Игнат хотел встать, руками схватился за дробину брички, но, приподнявшись, снопом опустился на постель; в голове шумело. «Лихорадка!» — буркнул. Он хотел было пере-сидеть ее, но двукратная попытка встать кончилась безрезультатно. Улегся поудобнее.

— Едет Савелий! — крикнул Ромашка.

Ковров хотел приподнять голову, но она совсем отяжелела.

К бричке Малютина подошли литейщики. Гурьян из-под телеги волком глянул на пришельцев.

— Мы, бригада Барнаульского металлзавода, решили взять шефство над вами, — заговорил бригадир.

— Шефство? Отчего же вы с нами не согласовали, а

вдруг мы уже имеем шефов? — тихо, но решительно заговорил Малютин.

— Хотите или не хотите вы нас иметь шефами, но мы прочитали газету «Красный Алтай», которая писала, что у вас в колхозе прорыв: нет семян, пятьдесят гектаров засеяли невсхожими семенами, плохо с организацией ударничества, и взяли шефство.

— Над нами шефствуют совхоз и коммуна «1-е Августа»... — вмешался в разговор Гурьян.

— Так вы стало-быть отказываетесь от нашего шефства? — вступил в разговор второй литейщик.

— Да, мы, пожалуй, и того, наша ячейка сильная, в газете просто клевета какая-нибудь, — сказал Малютин.

— Ваша колхозница пишет. Клаша. — Литейщик развернул газету и зачитал заметку.

Гурьян снова юркнул под бричку.

— Ну, ясно клеветает, — бросил Малютин.

— Ладно, идемте, еще с секретарем партии поговорим. — Литейщики гурьбой направились к бричке Коврова.

— Ты секретарь? — спросил бригадир шефов.

Ковров открыл воспаленные глаза и пробормотал что-то невнятно.

— Что же он, пьяный? — спросил бригадир.

— Нет, он вчера переплыл верхом на коне через Алей, ночь была холодная, простудился, — заговорил Ромашка, который ни на минуту не отходил от брата. — Брат, с завода шефы приехали... — начал он тормозить Игната.

— Шефы с завода... как кстати... как хорошо... — И Игнат, не договорив, закрыл глаза.

— Вот беда-то — не договоримся ни с кем, — задумался бригадир.

— Рома, вызови Андрея, пусть все расскажет, — едва проговорил Игнат и закрылся с головой тулупом. С Дедкова кургана напрямик, по пахоте бежал Андрей Колунок.

— Здорово, ребята! Заводские на подмогу, что ли? — затарахтел частоговоркой Андрей. — Вот хорошо, что вы сегодня приехали, а если бы вчера, так еще лучше.

— Игнат, Игнат... Спит... «Простыл мужик. Через Алей переплыл в водополье, не умер бы», — забеспокоился Андрей.

— Андрей, ты расскажи им все, — пробормотал Игнат, не открывая глаз.

— Дело дрянь, товарищи. Сегодня из-за недосмотра трактористов встали два трактора.

— Дрянь дело, — согласился бригадир. — Ну, ребята, инструменты сюда. — Загремели сундучки с инструментами, пошли к тракторам, осмотрели.

— Да, поломка серьезная. Давай, ребята! Надо налечь, чтобы к обеду загрохотали тракторы, — сказал бригадир и больше до самого обеда ни слова не произнес. Молчали и бригадники. Говорили молотки, ключи, напильники, зубила. В обеденный перерыв бригаду заводских обступили колхозники. Тут же суетился дед Платон, хотелось хоть чем-нибудь помочь, но шорное мастерство, крепко знакомое Платону, мало было пригодно для ремонта тракторов.

— Ну-ка, заправляй! — сказал бригадир. Он за пять часов работы впервые разогнулся и, казалось, только сейчас заметил людей и все окружающее.

Тракторист Егор Храмцов наставил воронку и ведром лил горячее.

Еще два-три приема — и трактор зафыркал, рванул и скрылся за Дедковым курганом.

— Ну, а у тебя как, Матвей? — обратился бригадир к старому слесарю.

— Сейчас можно заправлять — готово, — ответил тот, выпрямляясь.

Зафыркал и второй трактор, рванул вслед за первым. К полевой мастерской подвозили поломанные сеялки. Шефы заботливо осматривали каждый винтик, быстро находили уязвимое место. Застучали снова молотки, и когда лемеха ударили на работу, и эти четыре сеялки были готовы и стали в строй.

— Шефство хотели взять над вашим колхозом, да начальство неохотно идет, — заговорил бригадир, обращаясь к колхозникам.

— Как так?

— Почему?

— Даешь сюда начальство! — загремели голоса.

— Малютин, сюда!

— Чего орете? Есть у нас шеф, — отозвался подоспевший Малютин.

— Не по нраву заводские, значит, тебе.

— Боятся чего-то. Ведь ись не просят у тебя масла с медом, а ту же хлеб-соль едят, — заговорил Зубарев.

— Запрягай! — раздался голос Савелия.

Все бросились по своим местам. К бригаде шефов подошел Харченков.

— Вот это наш организатор труда, — представил Андрей.

— Хорошо, товарищ. Поясни, как у тебя дела.

— Ничего, дела идут как по маслу... — ответил организатор.

— Сколько у тебя ударных бригад? — спросил литейщик.

— Ударных, ударных? — переспросил Харченков. Одна бригада МТС — трактористы.

— А остальные?

— Остальные так себе, неударные.

— А планы работ бригад, задания, наряды? — засыпали вопросами шефы.

— Это, это у нас слабо; слабо, не буду вам врать, — сознался Харченков.

— А комсомол объявил себя ударником?

Расспросив Харченкова, литейщики пошли по обширной степи, любовались ранними всходами. Рядовой сев на обширном поле, раскинувши стогектарные сплошные полосы, резко отделял коллективное творчество от единоличного. К колхозному полю с двух сторон прилегали полосы единоличников. Вдали на двух рыжих кобылицах пахал Илья Артемьевич. Старый мастер Матвей через пустошь по заячьей тропке пошагал к нему. Илья остановился и стал присматриваться к пешеходу. В летнюю пору, когда в степи неделю не видишь человека, ох как хочется с кем-нибудь переговорить, перекинуться словечком!

— Здорово! — сказал, подходя, литейщик.

— Здорово, товарищ!.. — ответил Илья, с ног до головы внимательно осматривая подошедшего.

— Фабричный, знать. В отпуск, по воздуху погулять приехал? — спросил Илья, глядя на грубые от работы руки.

— Слесарь я, с металлзавода, — ответил Матвей.

— Танюшка, давай поезжай в борозду! — распорядился Илья.

Танюшка с волосами, похожими на ковыль, тронула возжи. Старая Егреньюха оглянулась назад, а молодая в это время дернулась вперед и оборвала постромку.

— Эка ты, падуча, другую весну так дуришь, шальная больно — тпру, дура, дура-а! — Илья снял с плеч кнут и привязал постромку. Но! — крикнул он. Молодая рванула, что есть силы, вперед и, снова оборвав привязанную постромку, упала на колени передних ног.

— Вот, лешой-то!.. — раздосадовался Илья Артемьев. Из-за пустоши выехала четверка лошадей. Илья испуганно посмотрел в ту сторону. Никак Егорка Беспалов с букарем на

целину летит, вот враг! Лынишка хотел было туда бросить (посеять).

— Так и есть. Он, пес! — широко раскрыл глаза Илья.

— Гей! — раздался властный голос Егора Беспалова. Взвизгнул длинный шоссейный бич, пригнулась к земле четверка жирных лошадей. Ослепительно сверкнули отвалы.

— Эка ты bestия! Давай-ка, Танюшка, садись верхом, оторвем хоть на полдесятки. — И Илья забыл про литейщика-мастера, как будто его тут не существовало.

Запустил свой плужок в целину Илья, держал его на руках на весу, лошади тащили его, взмылились, дышали тяжело. Пробороздил Илья из конца в конец полосу и ехал обратно. Егор же Беспалов прошел со своей четверкой в одной сажени от борозды Ильи, так, чтобы у Ильи получилась полоска шириною в две сажени.

— Не добыть ведь тебе. Смотри, глаза навек затынешь у кобыл! — крикнул Егор и на рысях бежал за плугом. Пласты далеко летели от борозды.

— Пес ты! — крикнул вдогонку Илья.

Подходила колонна тракторов Андрея Колунка.

— Эта же земля сольсоветом колхозу под посев льна отведена, десять гектаров целины в низине; ты незаконно пахнешь, — заговорил Андрей Колунок, обращаясь к Беспалову.

Блеснули как у волка глаза у Егора Беспалова. Эх, в старину бы этот Колунок попался мне! — колыхнулось у него сердце.

— Уезжай, Егор, без греха, — предупредил Андрей и нажал на рычаг трактора, как бы говоря этим: «Уйди, раздавлю как гадину».

Фыркнул «кейс», впился в целину восьмикорпусный. Восемь полуаршинных, толщиной в четверть, пластов лоснящегося суглинка блеснули на солнце. Двинулись уступом шесть тракторов, выстлали сорок восемь пластов.

Илья смотрел им вслед, радовался, как эти тракторы, как колючую траву, смяли в дорожной колее Беспалова, но вспомнил, что вместе с Егором из колеи выплеснули и самого Илью, нахмурился, вывернул плужок на середине борозды, свернул в сторону.

— Илья, не мешай, отведем тебе уголок, посеешь лынишко-то свой! — крикнул Андрей Колунок. Илья ехал на свою полосу, где на конце, перечитывая газету, лежал литейщик.

— Ну, как? — спросил литейщик, обращаясь к Илье.

— На дороге стою, под ногами болтаюсь, — придавленным голосом сказал Илья и присел рядом с литейщиком.

До этого Илья думал, что заготовленные с осени 4 гектара земли не только дадут ему превосходство над колхозом, но даже позволят стать на дыбы и срезаться с Егором Беспаловым, но сейчас он понял все свое ничтожество перед коллективной силой. Он видел, что и силач Егор Беспалов болтается под ногами, как посохшая катушь, гонимая ветром по чистому полю.

— Отчего же в колхоз не вступишь? — спросил мастер.

— Видишь ты, земляца у меня была заготовлена, да вообще... мало было веры в колхоз. А сейчас... Склонен я вступать, да вот жду осени и вообще... как справятся с делами успеховцы, — проговорил Илья и пошагал к своему плугу.

ШЕСТОЕ ЗВЕНО

1

В Заречьи зеленели луга. Ходили единоличники по заливным лугам. Делили покос на стодушки, потом на десятки, а уж десятки разбивали на дворы.

Впереди всех на егреней кобылице ехал Илья Артемьевич. Обогнув куст одиноко стоящего раakitника, он пустился во всю рысь в Березовую лучку.

«Ишь ты, каналья!.. Так и знал, для своей сотни метит» догадался Иван Чураков. Он не ошибся. Илья Артемьич действительно подметил Березовую лучку. Это — полуостров, окаймленный с трех сторон Алеем, поросший вязилью. Проехав из края в край эту делянку, Илья Артемьевич подстегивал молодым хворостом Игриниху, на всех парах скакал к своей сотне.

— Незаконно это, незаконно! — закричал он на весь «мир».

— Чего незаконного нашел? Говори, — наступал Чураков.

— Колхоз траву забрал для себя... Вон смотри, какую визиль себе отсадил... — негодовал Илья Артемьевич.

Мимо, по проторенной третьей сотней тропинке на корноухом Серке, насвистывая, проезжал полевод колхоза Алекаин.

— Эй ты, касамолия! Отдай нам Березову лучку. Все равно пропадет на корне трава, — окликнул Алекаина Беспалов.

— Экий ты гадала! Из каких ты правил вынес, что мы траву на корню оставим? — ответил полевод, спрыгнул с седла и, оставив на тропинке корноухого, пошагал к сотне.

— Отдай, говорю, «Луку» — и Егор Беспалов ударил по плечу комсомольца.

— Не с того боку ты подходишь, Егор. Давайте-ка лучше, мужики, сообща убирать траву, чем поодиночке копаться в кочках, — ребром поставил вопрос комсомолец.

— Эва куда ты сети бросаешь!.. — сказал Егор и заворочал круглыми, как у совы, глазами.

— Не смотри волком, не боюсь я. Артель я тебе предлагаю, а не грабеж какой, — заговорил твердым, уверенным голосом комсомолец. Обступили мужики, образовали круг, а в этом кругу стоял Алекин.

— Не хотите артелью работать? — Он ждал ответа, но мужики, понурив голову, смотрели вниз.

— Что вы, как невеста, ломаетесь?.. — Но, не получив никакого ответа, он широким уверенным шагом пошагал к ожидавшему на тропинке Серку.

— Старина-матушка, никак от нее не отстанут. — Махнув рукой, он вскочил на лошадь и, желая наверстать упущенное время, рысью понесся домой. Сотня осталась. Мерили шагами, по пятнадцать шагов на десяток. Шаги отмеривал Егор Беспалов. Не обошлось без скандалов. Каждому казалось, что его делянка меньше соседней, и он яростно накидывался на сельсоветского писаря с руганью и упреками.

Стараниями Малютина Несмелов был назначен завхозом колхоза. Гурьян Гурьянович прежде всего решил организовать передачу мельницы Ефима Начинаева в колхоз. Для этого составила особая комиссия. Она состояла из четырех лиц: Коврова Игната, Малютина, Несмелова и председателя сельсовета Милородова.

Деловито осматривали запруду, жернова, колеса. Деревянные колеса надо было заменить, да и старые жернова никуда уже не годились. Что касается старой плотины, то она оказалась также непригодной. Когда акт о передаче мельницы колхозу был заверен сельской печатью, Гурьян созвал свое особое совещание.

— Уборка сена на носу. Ухо надо держать остро, — заговорил Гурьян. — Сено — главное дело. Нужно так сделать, чтобы скот было нечем кормить. Уборку сорвать.

— Какой путь предлагаешь? — спросил Ларион.

— Путь ясный. Запасные части к машинам попрягать, косы, сколько их есть, сбросить в Алей, с ремонтом машин не торопиться, с организацией бригад затянуть к концу. Мельницу прудить будем камнем; туда мы оторвем от сеноуборки пятьдесят бричек, сотню лошадей, полсотни человек рабочих. Вот те и план, — заключил Гурьян.

— Дельно, дельно, только корысть-то нам какая от этого? — заговорил дремавший до сих пор Отряха.

— Об этом потом, а вот сейчас надо говорить о деле. Завтра же надо будет пятьдесят подвод направить в Алтайские палатки за камнем. Уборку надо сорвать. Все силы положить на это. Другого выхода нет. Польза еще и в том,

что все затраченные на мельнице трудодни будем записывать на счет колхозника. Это будет оплачиваться за счет проданного хлеба. Тогда трудодень обойдется копеек в пять. Около этого можно развернуть дело, — продолжал Гурьян.

— Дело, дело, — оживился мельник Начинаев.

— Ну, а ежели колхоз разбежится, то мельница перейдет к совету и нам шиш покажут? — забеспокоился Ераска.

— Дураки вы! Мельница — наш хлеб. Тебя засыпкой поставим, Начинаев Ефим — заведующий. Весовщика своего подберем, — успокоил его Гурьян Гурьянович.

2

В избе Савелия, расположившись по-домашнему, отдыхали кузнецы-шефы из совхоза.

Сидя на корточках, курил неизменную трубу старый слесарь Мерсалов.

— Помню, прошлый год приехали мы, двадцатипяти тысячники в совхоз, встряхнули машины, а там сам черт ногу ломает: у одной колесо треснуло, у другой планок нет, третья без рысака, из кузни все молотки поразворовали, остался один мех и тот — старуха больше надует — рассказывал он. — Об ударничестве ни звука, про соревнование ни слова. Как же, думаем, так, давай шуровать. Как ввели сдельщину, смотрим, дело и подалось, но зато получился отсев рабочих, директор давай нас ругать, так то, — говорит, — вы у нас всех людей разгоните. — Ничего, — говорим.

— Ну и как? — спросил Савелий.

— Прошло полмесяца, и, когда стали подсчитывать дни и выработку, норма наполовину прыгнула вверх и зарплата вверх. После этого разговаривать не пришлось, само дело показало. — Слесарь помолчал, посмотрел на Игната:

— Ну как дела, «партия»? Готов к уборке?

— Да так... — пожал плечами Игнат.

На дворе в темноте раздавались голоса. Слышалось тихое ржание лошадей.

— Вот еще полуношники по степям рыщут, хотя бы волки их задрали, — не зло заговорила Степанида.

— Волки теперь не шляются — люд на поле, — ответил кто-то из гостей.

В хату вошли запыленные Харченков, Милородов и Алевкин.

— Заколотило, язви ее, дорога — дрянь, — заговорил Харченков, здороваясь с шефами.

— Ну как райком? — торопливо спросил Игнат.

— Совхозу дали директиву, чтоб выслали бригаду и дали хузию, а на машины не надейся, свои, говорят, почините, — неохотно ответил Милородов.

— А что насчет Совета сказали? — спросил Савелий.

— Решено оставить, но переизбрать бездельников, а остальных прикрепить к полевым бригадам.

— Давай, Милородов, завтра проверим это дело — наказывал Игнат.

Пропели петухи. Анка с матерью о чем то долго еще ворковали в горнице.

— Дней до сеноуборки мало, ребята, остается. С делом Гурьян не справится, как бы он нас не оставил без клока сена. Телеги-то все еще у нас без колес, — подал мысль Алекин.

— Дело, — согласился Харченков, — кого на его место поставим?

Игнат кивнул на Савелия. Так и порешили.

3

Гурьян Гурьянович глянул на часы. Маятник отбил шесть ударов. Выбежав на двор, Гурьян шарахнулся через площадь. На площади встретился с Ковровым. Посмотрели друг другу в глаза, молча разошлись. Игнат направился к зданию школы, где дед Яков уже звенел легким топориком.

Гурьян Гурьянович метался из стороны в сторону. Размахивая руками, что-то кричал, распоряжался.

На площади стоял сплошной гомон.

— Степка дьявол, у тебя пара хомутов? — кричал Несмелов на курносого паренька.

— Иди к чорту, их еще позапрошлый день Ванька Демидов взял, — огрызался парень.

— Что ты брешешь, зануда? Их Костя Газин взял, — огрызнулся Демидов.

— А уздечки?

— Уздечки брал одну; она, кажется, на колу Ярмишкина тына висит.

— Отряха! Ты где, гад, вчера веревку от этой брички бросил? — закричал Гурьян.

— Вались ты к чортовой матери, я ее не брал вовсе.

— Как так не брал, а воз-то опояской, что ли, завязывал?

— Посмотри, тут на пряслах не висит ли. — Пошла перебранка.

По всем семи улицам к площади не торопясь сходились колхозники. Одна за другой подъезжали брички. Но что

это были за брички! Это были колымаги, приспособленные для возки камня, земли, дерна, — чего хочешь, но только не сена.

По первой запряженной в бричку паре Ковров убедился, что виновата ячейка, допустив такое безобразие. Это еще раз подтвердило необходимость налаживания производственной части колхоза. Он, Ковров, еще вчера знал, что это получится так, но надо было показать всему колхозному миру, дать почувствовать каждому расхлябанность и еще раз убедиться, что Гурьян Гурьянович обманывает колхоз.

На правом фланге, куда из семи улиц стекались колхозники, стояла пара лошадей, запряженных в бричку.

В нее были запряжены здоровенного роста сухая серая кобылица, по прозвищу «Огромон», и маленький сухонький коростливый конек. Хомут на нем висел так, что можно было в него свободно просунуть голову еще такого же конька.

— Разве это порядок? Какой это у чорта порядок! Игнатий Спиридоныч, ты партия, посмотри-ка сюда. Посмотри. Где тут толк будет из колхоза? — напирал колхозник, вооруженный граблями с осмоленной головкой.

Подъехали две сенокосилки. Лошади были подобраны хорошо, но сбруя из рук вон: на спинах лежали тяжелые старинные шлеи. Вместо обыкновенных легких переметов были надеты тяжелые зимние седелки, и уже сейчас, еще при слабых лучах солнца, из-под шлей и седелок струился пот.

По мере того как на левый фланг подъезжали брички и сенокосилки, подходили и колхозники. Осматривали сбрун, запряжки, переругивались между собой, ругали ячейку, пражление.

— Вот ты комиссар, язви те, а за порядком не глядишь, — заговорил Зубарев. — На охоту едете и собак в эту пору кормите, а собаку надо кормить заранее. Срам с таким обозом людям на глаза показаться. Если б смотр был районный устроен да с таким-то порядком выехали, что бы тут было? Засмеяли бы нас. А хорошо бы это сделать, так бы на районном-то смотре, — не то, что в селе. Там бы посмотрели и сказали: «Вот, мол, блюхерцы как след приготовились, а вы, успеховцы, проспали». И ячейке бы нос натянули, сельсовет подстегнули. — Зубарев покачал головой, помахал новыми посмоленными граблями и пошагал к тому месту, где трое колхозников держали неспокойную гнедую кобылицу, которая не шла к дышлу, дичилась людей.

— Стойте! Разве так с молодой лошадыю обходятся? — оттолкнул Зубарев парней.

— Тпру, стой, милая! У, дура! Швыдка больно, — успокаивал он лошадь. Кобылица потянулась мордой о плечо Зубарева.

— Но, милая, стой! — Он повернул ее, поставил к дышлу, рядом с каурым лохматым коньком, и пристегнул постромки.

— На-те, заорут как сумасшедшие. Самого лешего испугаете, к лошади надо подход иметь. Долго еще она будет помощница наша. Надо беречь лошадь.

Бешеным псом мотался по площади Гурьян Гурьянович.

Из ста бричек с трудом набрали шестьдесят. И если бы даже все брички оказались в порядке, то все-таки для тридцати пар лошадей нехватало хомутов, уздечек, вожжей, веревок. Все это исчезло с тех пор, как успеховцы вернулись с пашни и хозяйство вручили Гурьяну Гурьяновичу.

Выстроились перед повозками люди, и по тому, как они выстроились, Ковров понял, что нет тут и намека на бригады. Куда все делось? Ведь так еще недавно, на пахоте, добились стройного порядка.

На правом фланге стояла Марья с вилами, а ей в затылок Настя Вдовухина с граблями. Рядом стоял Матвей с косой, перемешались конные с пешими.

— Все готово! — доложил Гурьян Гурьянович. Сторож на каланче ударил девять раз.

Правление колхоза во главе с Малютиным прошло мимо строя колхозников. Малютин шел, не глядя ни на кого, точно мимо мазанного забора.

Полевод Алекин сразу почувствовал, что с жиденькой силой, представленной на смотре, уборка затянется до «морковкина заговенья». Из ста пятидесяти трудоспособных женщин на смотр явилось только двадцать пять, а ведь теперь именно вся надежда была на женщин.

— Поверни людей лицом к обозу! — сказал он.

— Кру-гом! — крикнул Харченков. Масса всколыхнулась, шарахнулась лошади, потом все смолкло.

— С приветствием, что ли, выступишь? — не без иронии спросил Малютин, ехидно посматривая на Игната.

— Да, хочу слова два сказать, — ответил Игнат и вспрыгнул на бричку.

— Товарищи, — крикнул Игнат, — если так будем хозяйничать, то до осени без бричек, без хомутов и без хлеба останемся.

— Ты, «партия», за чем смотришь? — перебил чей-то голос.

— Говорить больно мастер, — глухо вырвался другой.

— Я хочу сказать, что порядка у нас нет.

— Сами это видим.

— Кто скажет, что это колхоз «Успех»? — И Игнат помолчал с минуту. — Не успех это, товарищи, а развал.

— Ты развалил, ты «партия».

— Товарищи, мы начали дело, мы его завершим. Ячейка виновата, недоглядела. А вы все где были? Вы-то правы? — я вас спрашиваю. Молчите. Так ответьте, куда делись сорок бричек, шестьдесят хомутов, уздечки, веревки, все прочее. Где это все? С чем вы выехали сегодня на смотр? С чем вы завтра выедете на покос? На кого вы надеетесь? Вы думаете, что ваше дело кончилось тем, что зашли в колхоз, выгнали Жаркова? Нет! Это только преддверье к колхозу, к труду, к борьбе с кулаками. Разорвите меня на куски, разорвите на части всю нашу ячейку, мы, пять человек, не в состоянии вам ничего отремонтировать, нехватит наших сил, хотя все мы сильны и здоровы. Посмотрите еще раз на обоз, посмотрите на развал, чьих это рук дело, — рубил Ковров.

Ропот смолк, понурили головы. На ту же бричку вспрыгнул Андрей Колунок.

— Успеховцы, надо ли тратить слова? Или хватит того, чтоб посмотреть на наш порядок? Вы вините партию; правда, ячейка виновата. Сегодня наш порядок у вас на суду, судите сами. Посмотрите еще раз. Стыд, товарищи! Самим стыд, — закончил Андрей.

Молча, понуро расходились колхозники.

4

Семидесятилетнему Якову Акимовичу тяжело было переключиться с постройки школы на ремонт бричек. Ведь срок для постройки школы дан жесткий. К седьмому ноября над школой должен красоваться красный флаг, а дело со строительством шло медленно: нехватало одного, другого; сейчас навязывали брички, сеноуборка была дороже всего. Горьким опытом был научен молодой «Успех», опытом минувшей зимы, когда был недостаток кормов и скот был обречен на голодовку. Это понимал дед Яков Акимович.

Не противился старик, пришел на ремонт.

— Не признаю я ваше ударничество и разные там соревнования, а вот насчет сдельщины поясни, — объявил Игнату дед Яков. Но, когда во вторую половину сарая при-

шел шорник дед Платон и заявил, что через четыре дня он с бригадой отремонтирует все хомуты и сделает тридцать новых оголовков, свяжет тридцать уздечек и столько же шлей, — дед Яков выдвинул свой план:

— А я сделаю ремонт пятидесяти бричек со своей артелью, заменю все пальцы ступиц и негодные дышла к сроку.

— Смотри, ребята, прогула ни-ни, а за всю работу на пятнадцать человек положено сто двадцать трудодней сдельно; стало-быть работаем, а если работа будет сделана по совести, то накинут еще десять трудодней, а ежели худо — скинут. Значит надо налечь, собаки те ешь, — заговорил дед Яков.

В другом конце сарая копошился дед Платон со своей бригадой.

— Вы, ребяташки, смотрите хорошенько, чтоб Якову Акимовичу не поддаться, и вообще с делом надо торопиться. Не то опять дело провалим, за работу нам дают сто пятьдесят трудодней. Сделай хоть в три дня, но не больше, чем в четыре. Порука групповая. Предлагали поодиночке, но в этом деле нельзя так, потому что к примеру я буду ремни резать, тот будет гужи вязать, тот клещи к хомутам тесать, тот оголовки стягивать. Лучше приловчиться к одному делу. Давай, ребята, катнем — дело не ждет, — вел агитацию дед Платон.

Дед с давних времен ходил «по людям», неделями просиживал за шлеями и уздечками. Век свой гнул спину, а добра так и не нажил. Ходил он из хаты в хату. Пока стянет хомут, а ребяташки заработанный хлеб съедят.

С утра до поздней ночи в сарае звенели топоры, стучали молотки. Ни дед Платон ни дед Яков не слышали до этого времени ни об ударничестве, ни о соцсоревновании. Жизнь сама заставляла деда Платона соревноваться с дедом Яковом.

— Надо это, надо, — десятки раз повторял дед Яков, и ему в другом конце сарая вторил Платон.

Дед Яков подошел к первой бричке, взял за обод, пошатал.

— Расшатали их камнем-то — до чего довели, будь они прокляты! — проворчал он. Экая беда — дуба-то нет и ясея нет. Придется березу ставить на пальцы. — Эй, Евлаха, давай! Теши березы. Раз нет дуба, так не ждать же, пока привезут из Украины.

Евлаха отвинтил гайки, снял колесо и поволок его в сарай.

— Ты, Фома, — крикнул дед Платон другому колхознику, — оголовь-то зачем содрал с хомута?

— Голенища-кы хотел бы себе скроить, да ни лихорадки не получилось, — сознался Фома Еремеич.

— А что, вон зимой Федька Степкин привез сани в колхоз, оставил, а чересседельник снял, подвязал полушубок да так и унес. Намедни я ему заметил: «Ты — говорю — Федька, чересседельник-то тогда так и не сдал». Повертелся туды-сюды, да так и не сдал чересседельник.

— Чересседельник что! А вот сам председатель наш бричку под навесом держит у себя, не сдает и пару хомутов захарлил. Хомуты-то с бляхами, похоже, Ваньки Аксинина, да и бричка-то его крашена.

— Не городи ты на мужика, зря городишь, — заступился Платон.

— Не зря, а открой пуньку и погляди. Во дверях князком заложено, а там бричка крашена стоит и два хомута, — не унимался Зубарев.

— Партия-то воровать не будет.

— Чо «партия»! Да, Малютин и не партийный! Что тебе ведь не Игнашка Ковров или Харченков Алешка, — голодом просидят, да зерна не возьмут. Последний калач поделят, а этот в партизанщину-то в Чистюньках две швейных машины хапнул, шубу и пуху гусиного наворовал на десять перни. Воз целый привез. И эскадронный-то из него был такой же. Как в горах он эскадронный, а как в бой, так и Игнашка Ковров подставляя башку. Знаем мы их. Сам с усам.

— Ну, ладно, иди не мешай, — заметил Платон и повел острым ножом по сыромяти, вырезая ровный, в палец шириной ремень. Подошел Савелий.

— Ой, ребята, не дело из кожи недоуздки вязать. У государства кожи на обувь нехватает, а если колхозы будут постольку портить на недоуздки, то вовсе изъян. Весь скот на недоуздки пойдет. Нет, нет, Платон, и не выдумывай. Давай гужи хотя бы ременные, а недоуздки из пеньки, из лыка вяжи.

— И то резон, из пеньки хорошо вязать, — Платон отложил в сторону сыромятку.

5

Савелий Голядкин принял новое назначение на должность завхоза.

— Залез в петлю, что ты делаешь, Савелий? А дако бе-

дые придут, ремней из тебя наполосуют, — фыркала по утру Степанида.

— Не дури, баба, полноте, — отозвался Савелий.

— Послушай, дьявол, чо мир говорит...

— А чо? — спохватился Савелий.

— Што в Алтайских горах стоит несметная сила и сам Колчак алтайским царем объявился.

— Не говори ты, мать, чепуху! — вступилась Анна Савельевна.

— Исть давай поскорей, иду хозяйство от Гурьяна принимать, — решительно заявил Савелий, желая на этом покончить разговор.

— Бутылку не забудь захватить. Масло постное на складе есть, нальешь бутылку, сунешь в карман. С картошкой-то как хорошо, — заговорила Степанида, видя, что Савелия не отвлечь от должности завхоза.

— Не дури ты, баба. Народное это добро, — отбояривался Савелий. — Давай есть.

— На вот, без масла ешь — каково! — Степанида сунула горшок с картошкой.

Савелию хотелось сейчас же взяться за дело и справиться с работой лучше Несмелова. Крепко жила в нем обида на Гурьяна.

«Не умеешь ты, Савелий, править хозяйством, вот живешь в бедности», — говаривал ему бывало на пиру Гурьян Гурьянович. Савелий лил в утробу вино и запивал им горькую обиду.

Не так давно, когда Савелий вступил в колхоз, Гурьян Гурьянович сказал ему: «Вам ли, Савелий, с делом справиться?»

И старая и эта новая обида крепко жили в голове Савелия.

«Подожди ужо! Покажу, где раки зимуют», — думал Савелий, входя в контору. Пришел и Гурьян Гурьянович.

— Мне хозяйство поручено принять от тебя, — заявил Савелий.

— Как так? — испугался Гурьян.

— Поручено — и все. — Стали лицом к лицу непримиримыми врагами, посмотрели друг на друга.

Несмелов почувствовал, что со сдачей хозяйства Савелию значительно ослабевает кулацкая позиция, тем более, что передача должности Савелию вызвана недоверием к Гурьяну Гурьяновичу.

Начал принимать Савелий сбрую. Рылся в ней, что кура в сухом навозе.

— Этот хомут Деревягина Сеньки. Доподлинно знаю, что тут была ременная новенькая супонь, теперь тут пеньковая— подай ременную супонь, обрутей нехватка по описи. Тридцать штук нехватает, — подай, где хошь возьми, подай. Хомутов Ваньки Аксинина не вижу, нет пары выездных хомутов с наборными шлеями. Подай Ванькины хомуты, знать ничего не знаю, подай, — напирал Савелий.

— Придирку вижу, Савелий, — обидчиво сказал Несмелов и волком глянул в глаза Савелию.

— Никак не придирка, а так и запишем, что нет уздечек, нет Ванькиных наборных хомутов. Потом судить будем, куда делось все, а теперь пойдем телеги смотреть. — Савелий широкими шагами пошел к мастерским. За ним шел Несмелов.

— Опять же Ванькиной «тавричанки» не вижу. Бричка новая добра, — громко заговорил Савелий, так что эти слова услышал Платон.

— Верно, Зубарев говорил, что тавричанку видел в пуньке у Малютина. Савка недосчитывал телеги.

Подошел дед Платон.

— Хомуты-то все? — спросил.

— Нет пары хомутов, Ваньки Аксинина, — отозвался Савелий.

— Так и есть, — болтал Зубарев, нет Ванькиных хомутов, — снова заговорил Платон.

Наученный весенним горьким опытом, Савелий знал, какое имеет значение обезличка. Он считал, что безответственность расшатала более или менее исправный обоз и снасть.

По мере того как брички, хомуты и машины поступали из ремонта, Савелий закреплял их за определенной бригадой, а бригадир в свою очередь — за каждым колхозником. Тут Савелий припомнил когда-то сказанные Игнатом слова, что в основе всего организация людей, а потом уже машины.

Дни бежали во всю прыть. На колос металась пшеница. Подпирала уборка сена. За Алеем около Солоновской опушки трещала косарка Ивана Чуракова. И оттого, что она затрещала раньше колхозных, Савелья брала зависть. Ждали четвертого дня. Агроном дал заключение, что травы на лугах можно косить; директива райкома партии говорила о том, что нужно торопиться с уборкой сена.

Ковров мало спал эти ночи и не давал спать коммунистам и комсомольцам. Нервно жило село эти дни.

Задолго до солнца, на площадь, где в ряд стояло девяносто парных и одноконных бричек, вышла бригада деда Якова. — Уж что-что, а брички не подкачают, каждую своими руками ощупал. Покрасить бы энти, да краски нет, — говорит дед Яков, трет огрубевшие и почерневшие от работы руки.

— За хомуты я ручаюсь, справились впору. Уж, как спину ломит! — вздыхал дед Платон.

Игнат с подмостья школы оглядел все семь улиц. Брички Савелий выстроил в ряд. Чувствовалась организованность и порядок. Из-под навеса тащили просмоленные хомуты. Раскладывали около бричек. Подходили люди с вилами, присматривались к номерам, узнавали свои и клали на них вилы, грабли, хлеб.

— Где бригада Степки Рыбкина? — кричала небольшая приземистая девушка.

— Здесь, Агашка, здесь! — кричала Пелагея Зубарева.

По одному тому, что группы были одинаково «вооружены», Ковров понял, что дело идет на лад.

Вели лошадей, запрягали в брички.

На правый фланг угодила та же серая «Огромон», но рядом с нею стоял такой же рослый Гнедко, и хомуты аккуратно лежали на плечах.

Савелий стоял посредине площади, смотрел на запряжку.

— Стой! Соловко с Буранухой не пойдут, оба норовистые. Надо перепречь с Гнедко, а то разобьют снасть, — строго распорядился он.

Подъезжали сенокосилки. Вместо восьми, представленных Гурьяном, сегодня явилось двадцать восемь штук. В машины были запряжены самые лучшие лошади.

— Ну? .. — уронил Савелий, подойдя к Игнату.

— За Алей! — крикнул Ковров и сам пошел впереди с косой. Обоз тронулся за реку. По зеленому дугу кузнечиками рассыпалась колхозная рать. Зазвенели девичьи голоса. Нестройное пение понеслось по Алею. Раздался гудок Алейского сахарного завода. Выше взвились девичьи голоса, слились с гудком и пронеслись по красноярским лугам. Под заводский гудок затрещали косарки колхозников.

7.

По утрам к тесовой завозне Гурьяна Гурьяновича, куда были приволочены негодные сенокосилки, приходила бригада старого слесаря.

— Дрянь дело, давай, ребята, — кивнет головой мастер на косарку, и бригадники без слов понимали, что и эту по примеру вчерашней надо разобрать по косточкам, ощупать каждую ржавую мелочь, оценить что она стоит.

На тщательно выметенную полянку подволокли косарку Ефима Начинаева, распластали по винтику.

— Нет косогонной шестерки, свежо отвинчен дергач. Коса нарочито сломана. Планки отбиты. Рысак в трех местах треснул — заговорил мастер, рассматривая ржавые машины.

— Исправный мужик, а косарка дермо, — развел руками дед Платон, которому предстояло выстругать отвалку.

— Гляди, отвалки — и той нет. Неужто без отвалки косил? — как часы, рассматривал рысак мастер.

— Недогляд, нарочито ли, а только лось свеж, — не унился Платон, тщательно рассматривая трещину чугуна.

Ржавую железину, которую Гурьян определил в баню на каменку, взяли в оборот человеческие руки.

Заскрежетали напильники, послышался лязг, заговорили молотки, а люди молчали до тех пор, пока Степанида не покликала квас с редькой хлебать. И, когда вечером с поля возвращались стада, на полянке стояла заново отремонтированная косарка. Вечером обыкновенно заходил дед Яков.

— Дело мастера боится. Кто до чего горазд, — дивился на косарку дед Яков. Он не особенно доверял автогенной сварке. — Будет ли держаться от шипучки-то? — поглядывал он на мастера. — Еще где-нибудь в новом месте треснет.

— Небось, выдержит.

— Добро дело то, но в копейку колхозу обойдется, — беспокоился дед Платон. — Почитай из ничего собрали.

— Ничего не возьмем, шефы мы, — трепая по плечу старика мастер.

СЕДЬМОЕ ЗВЕНО

1

Четыре месяца прошло с тех пор, как Красноярский мир вышвырнул из села Жаркова. Скитался Жарков в городе Барнауле, побывал на пристани; съездил в Бийск, в Змеиную гору, в Семирек, нигде не нашел себе места. Отовсюду беднота гнала Жаркова. Пожар охватил всю безбрежную степь. Хотел Жарков податься в Киргизию, но оттуда трудовые казаки гнали последних баев и беков. Поманило Жаркова на свою красноярскую степь. Ночью, как волк к стаду, пробрался он к селу, робко стукнулся в окно к мельнику Ефиму Начинаеву; высунулась в окно косматая, точно львиная, голова Ефима. Оробел Ефим, шарахнулся обратно, ударился затылком об косяк; достал обрез.

— Другом или ворогом ты заявился, кум? — спросил мельник.

— Кум, куманек, родной, — со слезами в голосе заговорил Жарков.

— Входи, кум, гостем будешь.

Они вошли в пятистенок; в окна тарабанил крупный дождь, в заречье сверкали молнии.

Жарков, оборванный, грязный, был похож на беглого каторжника, какие в старину бродили по Сибири.

Мельник покормил Жаркова и не знал, как бы его поскорее сплавить. Боялся, как бы кто не увидел. Жарков заметил беспокойство мельника.

— Стой! Не гони, я сам уйду. Я хочу кое-что тебе поведать.

— Ну!.. — буркнул мельник.

— Буду ждать, пока колхозники заскирдуют хлеб.

— А потом? — перебил мельник.

— А потом красного петуха подпустим. Понял? Петуха красного, говорю, подпустим. Вот те и дележка! — выдавил яд Жарков.

— Хорошо, больно хорошо это; об этом надо поведать Гурьяну Гурьяновичу, — одобрил замысел мельник.

— Нет, обо мне ни-гугу, никому ни слова, иначе все пропало. Пропадут и твои тысячи пудов, что спрятаны в яме.

Мельник только сейчас понял, что попал в сеть Жаркову. Выхода не было: если сейчас заявить в совет о присутствии Жаркова, то погибла тысяча пудов зерна. Да не только зерно, погиб пятистенки, три лошади, три коровы, амбары, бричка, — все погибло, и он, также как и Жарков, будет выброшен из села и вынужден также зверем скитаться в камышевых зарослях. Решил, что выгоднее поддерживать Жаркова. Путались мысли в голове мельника, как тараканы в нечесанных волосах. Выпроводил кума.

За Алеем Жарков прикурнул у стога прошлогоднего сена, что стоял вблизи от камышевых зарослей. С противоположной стороны стога стоял и дремал общественный бугай, мерно пережевывая жвачку да изредка переминаясь с ноги на ногу.

Мертвую тишину ночи нарушали шум дождя и стон выпи, а утром, как только солнце показалось над гранитниками Алтайских палаток, бугай мерно зашагал на отаву. Следом шел Жарков в заросли. Где-то далеко, за Гурьяновой рощей прозвенела бричка. Мохнатая голова Жаркова скрылась в зарослях камышей.

2

Дед Платон, Яков Акимович, совхозный агроном долго дивились с Дедкова кургана на море синеколоски.

Ни дед Аким ни дед Платон за свою семидесятилетнюю жизнь ни на помещичьей и рабской Тамбовщине, ни на кулацкой Сибири не видели такого диво-урожая.

— Сибирская земля упрямая, что паром: один с места не столкнет, коль пристынет к земле, — заметил дед Платон.

— Коллектив-то не зря придуман, еще сам Ленин про него писал; по его писанию это идет.

— Это знамо, — согласился дед Аким.

— То-то Игнашка Ковров по писаным стопам идет, к делу ведет коллектив. Смотри, хлеб-то — что твоя дуброва, — развел дед Платон руками.

— Да, жатками косить можно, но для комбайна — еще сырой, — перебил разговор агроном. — Откладывать нельзя, надо завтра же начинать с этого конца, а там, в низине, подпослед: зеленоват еще. — И агроном, оставив на кургане стариков, пошагал к становищу.

Вечерело. Солнце катилось за Гурьянову рощу. За сухой балкой совхозные девки голосили песни.

Ячейка совхоза уже давно в сборе. Сегодня доклад Коврова о готовности к уборке урожая.

Вы, поля, вы, поля, вы, широки поля!
Как на этих полях урожая нема. —

высоко неслись девичьи голоса.

По уборке урожая райком партии будет судить о работе красноярской ячейки. Будет судить и Красноярский единый мир. Сто шестьдесят единоличных дворов смотрят с сомнением на колхозные нивы. «Быть на корню, ой, быть на корню урожаю», — твердят на каждом шагу.

— Говори коротко. Начнем с вопросов, — сказал секретарь совхозной ячейки Игнату.

— Сколько бригад?

— Шесть, по двадцать пять человек.

— Ударных?

— Ударных, ударных... — замылся Ковров.

— Машин?

— Девять лобогреек, одна сноповязалка.

— Лошадей?

— Лошадей двести.

— Каковы?

— Всякие... — неопределенно и нехотя ответил Ковров.

— Еще у кого вопросы?

— Как привлечены культурные силы села и как с питанием, с детскими яслями? — спросил мастер тракторной мастерской.

Молчал Игнат.

— Чего же ты молчишь? Отвечай! — сказал мастер.

Но Игнат об этом еще не успел подумать.

— Как увязал хлебозаготовки с уборочной кампанией? — снова спросил секретарь.

— Этот вопрос преждевременный. О заготовках будем говорить тогда, когда уберем урожай.

— Не, брат, тогда поздно будет. Сейчас об этом говорить надо.

— Ну, хорошо, еще успеем.

— Так вот что, Игнат. Завтра с утра мы посылаем к вам на штурм полей четыре наших бригады. Наш хлеб еще впро-

зелень. Ваши бригады потом сработают. Товарищ Мерцалов, надо завтра же отремонтировать ихние сноповязалки. А как это сделать, мне учить тебя нечего, — сам знаешь.

— Мастер-двадцатипяти тысячник кивнул головой, он не любил лишних слов.

Вообще на этом собрании говорили мало. Десяток вопросов достаточно выяснил положение. В течение двенадцати часов надо было проделать огромную работу. До слов ли тут?

4

Плохо спалось в эту ночь Марейке. Завтра, как только солнышко разольется над безбрежными степными просторами, двинется первая бригада вязальщиц совхоза, должна будет учить красноярских, успеховвских баб, как надо вязать снопы. А как учить? Ведь каждая баба зубы проела на этом деле. Одна мысль пуще всех грызла Марейку: а что, если в бригаде успеховвских вязальщиц будет ее мать Саломея Колунчиха? Так оно и вышло. Встретились мать и дочь.

— Наряд у тебя есть? — спросила Марейка Саломею.

— Какой наряд, может у вас другие? Сегодня вот нужно с пятнадцати гектаров завязать.

— По гектарам у вас, а у нас по-другому, со снопа; по нормам было триста снопов, а сотню мы на встречную дали, вот сегодня покажем как.

— Выдумали тоже, к лешему вас, разные сдельщины, робь кто сколько, а то еще заплутаешься в этом, — скосила глаза Зубариха.

— Ишь ты, прошло время дурачка валять. — осадила Степанида Сухотина.

— Вам хорошо, совхозным, коль на всем готовом, — фыркнула Савиха.

— Даровой хлеб не едим, не помещики, свое-то раблывали, — отговаривалась Сухотина.

— Ты вот в сапожках, а тут дыры светят, — Савиха показала на свои рваные опорки.

— Давайте-ка бросим язык чесать, договор промеж себя заключим, — забросила удочку Марейка. Она обвела всех баб черными глазами.

— Полно-те, девка! Какой тебе договор, без договора тошно, — запротивилась Зубариха.

— Верно, на лешего ли! Робь кому на сколь и все, — поддержала Савиха.

— Да вы што, язви вас бабочки, дайте девке резон ска-

зять, а там и артачьтесь кому на сколь, — заступилась за дочь Колунчиха.

— А ты тоже не пять куда не следует, одна кровь-то, — фыркнула Савиха.

— А ты что, другой крови, Гурьяновской, што ли?

— А што, тебе Гурьян перешел дорогу?

— Может и перешел.

— Ты сумки по селу разносишь.

— А ты што окрысилась на бабу? За Гурьяна-то не больно стой. Что он через зятя по-своему крутит артель, так это правда, да еще и Ераска разбойник примешался. Вранье разве, что Гурьян отравил семена, а мельницу еще затеял-да сено сгноил? — затарахтела Зубариха.

— Непойманный не вор, — огрызнулась Савиха.

— Будет вам, бабы! Сейчас ведь начнем; коль хотите договор заключать, то давайте выкладываете доводы, а нечего сороками стрекотать, — серьезно заговорила Марейка. — Вот мы по четыреста снопов беремся завязать в день, а вы как?

— В два дни можно, — бросила Савиха.

— Не знаю, как вы, бабы, а я берусь четыреста завязать в день, — заявила Колунчиха и выступила на несколько шагов вперед.

— Смотри, Саломея, не загони в могилу, — предупредила Зубариха.

— Ах, язви тебя, я прошлый год меньше четырех в день не завязывала. Ты што, думаешь, сбухты-барахты это выдумали? Мы спорить не будем, а вечером можно подсчитать сколько завяжем, чего зря артачиться, — заговорила Сухотина.

— Бросьте вы, бабы! Бабье ли это дело о договорах судить, да из какой корысти? — вмешался в разговор подошедший Гурьян.

— А у тебя што, от этого холка чешется? — взмахнула головой Зубариха.

— Так это я к слову, — оправдывался Гурьян.

— К слову... Отчего ж ты Савихе раньше не говорил, чтоб потише на тебя работала, а погонял... как лошадь? У-у, змей! — замахнула граблями Зубариха.

— Н-да, у него уж не засидишься... — проговорила Савиха.

— Не сладко значит жилось? — спросила Колунчиха.

— А ты чего спрашиваешь, разве сама на него не рабо-

тала? Рабливала не меньше, а больше твоего. К тому я это говорю, что ты недовольна артелью.

Мимо колхозного табора ехал Илья Артемьевич. Обезжая лобогрейки и тракторы, он снял картуз и показал белые — ковыль — волосы.

— На перепутье, Илья Артемьич! — крикнул Савелий.

— Спасибо, паря, некогда, — отозвался Илья.

Кони остановились как вкопанные.

— Заходи, погугорим... — пригласил Савелий.

Илья лениво слез с телеги, заранее зная, о чем будет говорить Савелий.

— Полосы-то твои клином врезаются в наши поля, неохота из-за них колесить, так мы будем напрямик ужо, а то мешает — скосим, а ты свяжешь, — предложил Савелий.

Илья почесал затылок.

— Плата-то велика ли будет? — переспросил.

— Платы не возьмем, а сделаем только из-за того, что на дороге ты стоишь. Видишь сам, что со снастиной трудно колесить. — Савелий махнул рукой в сторону машин.

— Это знамо со снастью где же такой крюк давать, — согласился Илья и пошагал к Александре.

— На пути мы, баба, стоим, прямо как клуб катуни под ногами артельщиков. Стыд в глаза мужикам смотреть; решиться, што ли, уж? — заговорил Илья с бабой.

— Нет, Илья, сейчас не в пору, как-никак сотню пудов намолотим, с полусоток можно продать, вот те и пятьсот рублей явных, а тут в колхозе-то за полсотни отдашь, — не соглашалась Александра.

Ехал Илья и мозговал:

— За молотьбу Егорке Беспалову худо бедно тридцать пудов, налогов всяких тридцать рублей, сдать надо государству тридцать пудов, Егорке Беспалову пятнадцать пудов. Вот тоже шельма этот Егорка Беспалов! Дал на десятину пять пудов, а вот сейчас возвращай ему пятнадцать. А с десятины-то всего тридцать, — что твой помещик тамбовский; ну, вот, а там и останется шиш с маслом.

Мозговали так и этак. Александрин расчет не оправдался ни в какую. Становище избрали вблизи от колхозных полос. Илья отбивал косу. Александра готовила вязки.

Затрещали косы самосбросок. Совхозники, желая выпрямить гоны, взяли напрямик, так что становище Илья Артемьевича снова помешало. Ухватился за оглобли Илья, хотел

отвести, но через бороздку не взяла сила. На подмогу бежали Марейкины бригадницы.

— Видишь ли, Александра, куды не вступи — все помехой артели, — досадно проговорил Илья и, взмахнув на плечо косу, пошагал к становищу колхозников.

Долго искал Игната Коврова, а когда нашел, то долго соображал, с чего начать речь. Еще раз взвесил все обстоятельства.

— Вот что, Игнат, помехой я делу вашему, — заговорил Илья.

— С тебя мы плату не берем за покос, — хотел угадать наперед Игнат.

— Не про плату я говорю, а дело-то, видишь, како... — Илья помолчал.

— Не тужи, Илья. Еще один наш успех, и ты поймешь нашу силу. — Игнат точно нарочито не хотел понять Илью.

— Иду я под твою управу, — прямо сказал Илья.

— Илья, — вскочил на ноги Игнат, — ты с нами? — И Игнат точно сбросил с своих плеч какую-то тяжесть.

— Ну, теперь вместе работать будем. Эй, товарищи! Илья к нам пришел, — закричал Игнат, сзывая отдыхающих колхозников на общую радость.

— Илья, Илья пришел, Илья в колхоз вступил! — понеслись голоса по табору. Бежали со всех концов, из всех уголков табора, как будто несколько лет не видели Илью Артемьевича.

Подбежавшие трактористы высоко подбрасывали Илью, сухой порывистый ветерок метал его белые, подстриженные под кружок волосы.

— Товарищи, первая ударная бригада совхоза вызывает нас на соцсоревнование. В честь вступления Илья объявим себя ударниками, — заговорил секретарь.

— Даешь четыреста снопов в смену, даешь! — подхватили голоса.

Илья Артемьевич с Александрой и Танюшкой дополнили состав первой ударной бригады колхоза.

А когда вышли в поле, Илья Артемьевич первый наклонился над большой кучей скошенной пшеницы, сжал ее коленями, скрутил вязку, туго перевязал ее, обобрал колосья, подоткнул в сноп и поставил вверх колосьями.

— Хорош сноп, — дался диву дед Платон.

Илья выдернул два колоска, помял их в ладони и подбросил вверх. Светлое полное зерно блеснуло на солнце. Это был первый сноп, первый плод коллективного труда Илья.

Четыре сноповязалки, или, как их просто называли «калеки», были подвезены к полевой мастерской совхоза.

Долго их осматривал мастер Мерцалов.

Бригадир седьмой, пока еще не существующей бригады Зубарев следил за ним, за складками его губ, ждал каждую минуту, что Мерцалов вот-вот выпалит: «Вези обратно, не годится».

У него, Зубарев короткое задание: «из хламья собрать две машины, из старья собрать хомуты». Это директива производственного совещания.

— Дрянь дело, — проговорил мастер и сплюнул на привезенное барахло.

У Зубарева как будто дрогнули и подкосились ноги.

Молча посмотрели друг на друга.

— Как же? — заикнулся Зубарев, не сводя глаз с мастера.

— Дрянь, говорю, дело-то, — повторил не столько для Зубарева, сколько для бригадников мастер.

— Тимка, давай-ка, иди сюда, — комсомольскую сюда! — распорядился мастер.

— Нашу сюда? — переспросил комсомолец Тимка и как-то недовольно и брезгливо посмотрел на «сноповязалки». — Кулацкое хламье! — буркнул он и пошагал к инструменту.

— Комсомольскую, говоришь. А нельзя ли сюда взрослых мужиков поставить, трудно в хламье-то рыться ребятишкам, — вставил Зубарев. — Сложный больно ремонт-то.

Тимка обернулся кругом и подошел вплотную к Зубареву.

— Не веришь в нашу силу? — он пристально посмотрел Зубареву в глаза.

— Ремонт, я говорю, трудный, — повторил Зубарев.

Молча возвратился к инструменту Тимка. Затаил обиду. «Подожди-подожди, ты нас узнаешь».

Пришли восьмеро. Оцепили снасти.

— У, стерва! Косогонную шестерку заначил; вот пес, прямо зануда, — нащупал уязвимое место бригадир Тимка.

— Давай, ребята, сначала из четырех две соберем, а потом будем к остальным собирать части. — предложил Ванюшка Овчаркин.

— Чорта в лоб соберешь, ты посмотри-ка: одна машина «Плано», другая — «Мак Кормик», третья «казенная».

а четвертая... по-немецки чего-то наворочено. В старину каждый заводчик старался делать так, чтобы его машина была отлична от других, чтобы части у него же покупали, хоть за тридевять земель езжай к нему за частями, — вмешался в разговор Зубарев.

— Эх, горе-колхозники — не позаботились раньше; зимой это надо дело делать, вместо гулянки на вечеринках, а то вот сейчас преть в такую жару, когда каждая минута дорога, — заговорил Золотарев Котька.

— Машины зимой ремонтировать? Опупел ты, парень! — удивился Зубарев.

— Нет, не опупел, а вот тебе вперед наука, чтобы не тогда собак кормил, когда на охоту ехать, а пораньше. — ворчал бригадир.

— Смотри, планки хорошие и коса серповая, гребень хорош. Ну-ка, Золотарев, давай сюда косогонную шестерку.

— Лови!

— Хороша.

Бригадир нырнул под машину, ползал на спине, колотил молотком, грязь и ржавчина сыпались на лицо.

— Эта зануда совсем дрянь, — ворчал из-под машины.

Обступили сноповязалку все, долго шныряли глазами.

— Разобрать, прочистить, — бросил два слова бригадир.

Звякнули ключи, застучали молотки. Зубарев не успел опомниться, как сноповязалку на мелкие частицы распластали по винтику на площадке.

— Сковать цепь в четырех местах, сделать заново шарики, отлить медную буксу, переменить двенадцать планок, заменить косогонные шестерни, заново сделать потолок, надеть новый ремень, заменить дышло, посадить две новые косы. — коротко распоряжался бригадир.

— Вот зануда грешная, все заново.

— Да, прямо гидра...

— Наследие кулацкое. Правду Ленин сказал, что буржуазные машины надо сломать до основания.

— Дурачок ты, Тимка. Ведь он сказал про государственную машину, а ты уже готов и сноповязалку ломать до основания. Пригодится, новых-то у нас еще не так густо.

— Из четырех две соберете, и то хорошо, — поправил Тимкин разговор старый мастер.

Снова резали жечь, сверлили сталь, плавил медь, стригли полотно, тесали дерево, снова стучали молотки, снова обливались потом. Елозили под машинами, на боках, на спине, на животе. Солнце торопилось к паужину.

— Запрягай-трогай. — Замахали махи, затрещали ролики шестеренки.

— Неужели . . . вторая? Вот те и ребята, ай да комсомольцы! — проговорил про себя Зубарев.

— Лихо я о вас подумал, ребята, а как у вас складно идет дело-то, — хлопнул по плечу Тимку Зубарев.

— Молодцы ребята, право молодцы!

А когда солнце катилось к Гурьяновой роще, из мастерской выкатили три крепкие сноповязалки. От четвертой же осталось одно колесо, и то треснутое в четырех местах. Затрещали машины, замахали крылья, а комсомольцы молчат. Они не говорят слов. Зачем слова? Комсомольцы делами говорят. Зато пели на полях дивчата:

Полюбила Тимку я
Не за кари глазки,
А за то, что в пять часов
Дал три сноповязки.

Рассказывал Зубарев:

— Во работали, так работали. Заведет веретено: ддррр. . . — галька готова. Пустит напильник: ж у ж ж ж — планка выскочила. Тра-та-та-та-а — в молотки болт готов. Динь-динь-динь — заклепка готова. Во работали, так работали комсомольцы; невзрачные с виду, а работали. . .

6

А там в долине, купаясь в моревах, обливаясь потом, работала Марейкина бригада.

— Кто там в Марейкиной бригаде?

Степанида Сухотина, которая еще позапрошлый год в эту пору Марфутку на полосе родила, на полосе у Жаркова Ивана, на его работе за долг, за муку.

Накануне того дня Степаниду тошнило, колики стояли в боках, внутри волновалась Марфутка, не хотела идти, но Сидорке своему не посмела сказать, пошла на работу, день вязала снопы. На полосе застала ночь, надвигалась тучка, нужно было таскать снопы в кучи, а они большие, тяжелые. Ухнулась снопом среди снопов, Сидор зубом пуповину перерезал, вылупилась Марфушка, визгнула. Это за мучицу, за должок Жаркову Ивану. Чужие-то были колосья. Чувствовала тогда Степанида, как ее собственная кровь переливается, уходит куда-то, сдают силы, дрожат поджилки, подкашиваются ноги. Черные — смородина — глаза лезли на лоб, сохла грудь, все за мучицу, за горклую, за должок

Жаркову. Но теперь точно ураганом смело вековое ярмо с красноярских безбрежных степей.

— На четвертую сотню шел четвертый десяток. Вспомнила про Марфушку Степанида, улыбнулась, блеснула смородиной глаз. Сладкая улыбка заиграла на пунцовых губах. Как будто не чувствовалась усталость. Она еще крепче нажала сноп и опрокинула вверх колосьями, счет потеряла — не то сорок пятый, не то сорок шестой сноп четвертой сотни. А Марфутка на Матихиной полянке рвет сейчас цветы. Она уже давно накормлена тетей Дашей. Сегодня вечером Даша расскажет все похождения Марфушки. А как приятно, когда двухгодовалая Марфушка начнет лепетать, осыпать детскими поцелуями мать!

Шестой десяток на четвертую сотню вязала Марейка.

— Фенюшка милая, колосья-то хорошенько подбирай да потуже вяжи, — заметила мимоходом Марейка.

Фенюшка сконфузилась, скребнула граблями, захватила рукой колосья и уложила их в новый сноп.

— Поторапливайся. бабочки! Поторапливайся — скоро конец, — торопила Марейка.

К вечеру готово море снопов. Их не нужно складывать в кучи. Завтра предвидится хороший денек. Может быть, завтра же или послезавтра их прямо в скирды, а потом в молотилку в барабан.

Кончился день — Ильин день. Илья Артемьевич сегодня дважды именинник. Сорок шесть лет тому назад в этот день его нарекли Ильей. Этот день еще перед этим и после два дня пьянствовал Артемий Михайлович. Пьянствовал тогда в старину красноярский мир. Уезжали за полсотни верст на престольный праздник в Большую речку.

Ударили лемеха. Это сигнал к становищу. На трибуне Андрей Колунок. Глаза бегают по морю разноцветных платков и обветшалых картузов. Задержалась Саломейна бригада на полосе. Спешат к становищу. Насторожились Андреевы узенькие бойкие глаза. Забегали с Саломеи на Марейку. Тесно Марейкиным грудям в холщевой, беленой кофте.

Думает Андрей одно: сколько Саломейна бригада завязала снопов, — хотелось, чтобы не меньше Марейкиной. Ждал, не сводил глаз с Саломеи.

Полевод Алекин точно передал цифры работы Саломейной бригады, записал это в наряде на исполнении.

— Сколько? — не вытерпел до конца Андрей. Все замерли, опустились синие глаза у Саломеи, уткнулись в наряд: как выговорить цифру. Подняла голову, замерли две сотни

людей — ждали Саломейных слов. Лизнула языком губы: «Одна палка и четыре кружка» — выговорила цифру завязанных бригадой снопов.

Раздался взрыв смеха, земля дрогнула, колыхнулась степь. Всем дивно стало — как это в день завязать столько снопов! Яков Акимович в уме перевел снопы на пуды пшеницы: «Две тысячи добрых на худой конец».

— Н-да, изрядно, — кивнул головой в знак одобрения дед Платон.

— А у тебя, дочь, сколько? — спросил Андрей.

Тряхнула грудью Марейка: «У меня...» она помолчала, глянула на наряд: «Две палки и три нуля».

Колыхнулись люди, как колыхнется в непогодь рожь, и всем казалось, как будто и труд не был труден сегодня.

— У этой больше палок! — крикнула комсомолка Тимка, желая этим привлечь на себя Марейкино внимание.

— Зато нолей меньше, — выкрикнул кто-то из собрания.

Счет был прямой, понятный: у Саломейной бригады десять тысяч снопов, а у Марейкиной с сотней десять.

Люди ждали Андрееву речь. Петровна третий раз шуровала печь, каша пучилась из котла. Петровна каждую минуту ждала людей на еду, чтобы после ужина снова засыпать уже приготовленное вымытое пшено. Пшено сменяло гречку, гречка сменяла пшено.

Пшено с салом, пшено так, и так целое лето.

Третий раз Кирейкина Секлетинья тихонько украдкой выдавливал из груди молоко. Надо уже домой идти, но хотелось послушать Андрееву речь, а там в селе ждал годовалый Иван Кирейч; натосковавшись вдоволь в яслях, он с жадностью набросится на материнское молоко. Стояли двести человек, ждали Андреевых слов, а он все еще не мог подобрать слов, переминался с ноги на ногу, щурил маленькие, острые глаза.

— Товарищи! На какой мы теперь большак вышли, кто нас на этот большак вывел? — Андрей перевел взгляд на мастера совхозной мастерской, а за Андреевым взглядом в ту сторону повернулись двести пар глаз. С мастера Андрей перевел взгляд на тракторы, на нивы, на море опрокинутых вверх колосьями снопов, и за Андреевым взглядом следили две сотни глаз.

Посмотрел на Саломею, на Марейку, затем остановился на Илье, с Ильи хотел начать речь, но надо было раньше про большак сказать. Сказал про большак, что на этот путь

вывела ячейка и что он, Андрей, никогда не свернется с этой дороги, а потом обратился к Илье:

— Илья нам не верил, не пошел с нами Илья, но Илья был в нашем резерве, сегодня Илья пришел к нам.

— Илья... в колхоз... У, мошенник!.. — процедил глухо Гурьян.

Посмотрели на нивы, на тракторы, на Саломейну, на Марейкину бригады. Слов не было—Андрей не находил слов. Да и зачем слова, коль взрощенные нивы, тракторы, Марейкина и Саломейна бригады говорили краше всяких слов!

На подмосте взошел Игнат Ковров; взъерошились его черные, нечесанные, запыленные кудри. Смолк мир — «партию» слушает.

— Товарищи! Хлеб впрозелень, ночью роса, косить нельзя, поэтому тракторы переключаем на пахоту, «под зябь». Эта мысль родилась только сейчас в голове у Игната.

— Дельно, правильно, есть трудодни!—закричал Кирейка. Он за руку держал свою Секлетиныю, хотел ее проводить до дому, а по зорьке возвратиться на становище, но теперь со словами Игната рухнул этот план, крепко руку он пожал Секлетиные, бросил вслед ей последний взгляд, и спина Секлетиныи скрылась в зелени хлебов. Там в селе ждал годовалый Иван Кирейч.

Обоз совхозников заслушал последнюю речь секретаря, скрылся в темноте за сухой балкой. Разлились звонкие дивичьи голоса, выше всех неся голос Марейки.

— Хороша девка, хорош голосище!—сказал Андрей, всматриваясь в лицо Саломей, но трескотня Кирейкиного трактора мешала пению. Разошлись все колхозники, сегодня не затянулся митинг. Вместе с единоличным бытием исчезли и часовые речи агитаторов: дела теперь агитируют, не слова.

7

Гурьян долго смотрел в одну точку, думал о том, что в старину он в такую ночь никогда не давал своим батракам сомкнуть глаза. Жалел старину Гурьян, досадовал на визгливые голоса дивчат, которые как бы смеялись над ним. Он трижды подходил к хороводу, предупреждал: «Девки, пора спать». Но после этого звонче неслись голоса, еще звонче пела Тимошкина гармонь. Потухла вечерняя заря, месяц за горами скрылся, спустилась тень.

Гурьян в четвертый раз вылез из-под брички и пошел

бродить по табору, подошел к телеге Андрея Колунка. Здесь не спали, шептались, и, припав к задкам телеги, Гурьян стал прислушиваться к говору.

— Плохо место-то, сухота одна,—проговорил Андрей и шлепнул ладонью руки по сухой Саломеинной спине.

— С картохи-то не раздобреешь, — устало ответила Саломея.

— Ничего, Солка, выдобреешь, только дай общественное дело наладить. Сола, повернись ты ко мне лицом; вот так, обними. Вот хорошо, а то возраст-то наш — сорока лет, а мы уже в могилу смотрим, как будто не муж и жена. А все забота, язвы ее. Век не людьми прожили, бивал я тебя и все из-за ее, из-за нужды проклятой, — бормотал Андрей, вдыхая полной грудью ночную свежесть. Хотелось вновь родиться, вновь повенчаться с Саломеей. Хотелось вновь пережить молодость, по-новому. Прожитая жизнь была такая отратительная, что лучше бы ее и не вспоминать.

— Андрей, а Андрей! Когда же мы жить-то хорошо будем? — спросила Саломея, покосматила рукой реденькие волосы на голове Андрея, провела рукой по грязноватому шершавому лицу, хотела поцеловать в темноте, но как будто кого-то устыдилась, опустила голову на дерюгу.

— Ничего, потрудись, Саломея, вместе со мной; осилим артелью нужду, будем людьми, авось подобреешь, еще родишь сына.

— А правду ли, Андрей, говорят, что будто бы Ераска в хмелю разболтал, что Гурьян семена отравил? — переменила разговор Саломея.

Дрогнули поджилки у Гурьяна, затуманилось в голове, шарахнулся он от брочки, но, овладев собой, затаил дыхание и продолжал слушать.

— Гурьян семена отравил... что ты говоришь! — вспрянул Андрей.

— Да и Зубарев говорит на него, и вообще на него много улик, что он народ мутит и в колхоз тяги нет потому, что Гурьян там, — кулак он как-никак. Ошибку ячейка несет, что его держит в колхозе, — говорила Саломея.

— Ну, спи ты да поправляйся, — прервал Андрей, и на этом говор смолк. Гурьян в темноте зашагал к брочке Ераски. — Эй, ты! — начал он его будить.

— Кто, чего? Гурьян, что полуночицаешь? — сонно отозвался Ераска.

— Дело есть большое, вот и пришел.

— Что за дело, говори. — И сон у Ераски разом прошел, как будто и вовсе не спал.

— Видишь, дела-то пошли какие. Совхоз вмешался в дело колхоза. Уберут весь урожай, рухнула вся наша надежда, надо немедленно помешать делу, — шептал Гурьян.

— Как же, как? — спросил Ераска.

— «Как, как». Каркаешь, ворона, а дела не знаешь, — обиделся Гурьян.

— Ну, а ты коль знаешь, так говори.

— Вот слушай, — глухо во тьме заговорил Несмелов. — Завтра ячейкины хотят организовать работу так, чтобы одновременно скирдовать, молотить хлеб и вывозить в кооператив. Вокруг этого надо организовать народ, чтобы ни одного зерна государству. Понял? Надо не дать убрать хлеб — вот и все. Ежели трудодень выйдет по три копейки, то ясное дело, что колхозу крышка. Надо с Ларионом договориться, так, чтобы там, где требуется десяток людей, ставил полсотни; сейчас я зайду к Ларивону, разбужу его. — Гурьян тяжело встал, хотел направиться к бричке Малютина, но Ераска зашептал: — Погоди-ка. Жаркову Ваньку я видел. Здесь он, в зарослях скрывается, у Начинаева он жил. Не использовать ли его для дела?

— Ванька здесь? Жарков?

— Ну да, отчего ты глаза пялишь? Жалко, что ли?

— Не жалко, а я рад ему. Да, впрочем, что мне Ванька Жарков, коль ты не хуже Ваньки дело знаешь? Ты у меня молодец; ежели бы старый режим пришел, то я бы тебя сельским старостой поставил, — порадовал Гурьян.

— Зачем старый режим, старого не надо, а то и с меня шкуру сдернут, на ветлу повесят, тогда я тебе не нужен буду, — ответил тихим придавленным голосом Ераска.

— Ну, ты расплакался опять, выслушай-ка дело.

— Скирды надо поджечь. Чуешь, поджечь скирды хлеба; за это тебе сотню рублей золотом.

— Сотню золотом. А ежели за эту сотню повесят меня? — испугался Ераска. — Я думал трактор сломать, машину конную, а ты-от вон что...

— Смотри, подумай, а я ужо к Ларивону зайду, — подвинулся Гурьян к арбе, где спал Илларион Малютин.

— Ты, Ларя, Ларивонушка, спишь?

— Ну, — недовольно отозвался Илларион, — чего блудишь по ночам?

— Дело есть. На то мы и люди, чтобы блудить по ночам.

Завтра вечером собрание насчет дележу устраиваем, потом о приемке новых членов в колхоз. Гляди: Ильюшку взяли без утверждения, завтра, на него глядя, Ванька Чуриков придет в колхоз. Надо на них натравить колхозников, — вот мол де на готовое пришли в колхоз, — дать им отпор, чтобы остальным неповадно было. — Заговорид спросонья Илларион, присмотрелся в темноту; там уже занималась заря, около сухой балки клокотали тракторы на ночной вспашке.

— Собрание-то собрание, но на собрание надея плоха. Из сотни-то человек половина всегда против нас отыщется. Надо меньше считаться с собраниями, с постановлениями; раз дана тебе власть — используй ее, — напутствовал Гурьян.

— Все это дело, но по организации труда меня уже теперь почти никто не слушает, — у бригад план, у колхоза план, все планово.

— Вот и хорошо, что плановость; а поведи все по-своему — и колесо завернется в другую сторону. Нужно, например, не торопиться со скирдованием и обмолотом зерна.

— Это ясно... — согласился Малютин.

8

Уходили дни. Замыслы Гурьяна Гурьяновича помешать работать лопались как мыльные пузыри. Скирдовали хлеб в четырех местах. Вблизи табора небольшими кладушками «скирдовали» единоличники. Стояла сухая погода, из Семи-речья дули постоянные ветры; рвали из земли поблекшую катунь и катили ее через всю Алейскую округу до реки. Бригада Андрея Колунка в прошедшую ночь сравнила между, отделявшую единоличную землю Ильи Артемьевича от колхозной. Придя на место, где раньше была полоска с гречкой, Илья долго и рассеянно водил глазами.

— А ну ее! — махнул рукой Илья, как бы отмахиваясь от единоличного житья, и пошагал к скирдам.

— Дай-ка сюда двоерожки, я побросаю маленько, — сказал Илья и, приняв деревянные, метров в пять, двурогие вилы, ловко всадил их в сноп.

— На! — крикнул вершинщику деду Платону, и сноп си-неколоськи ловко упал к самым коленам деда Платона. Поле-тели один за другим снопы.

— Тяжелы, — крикнул дед Платон с высоты скирда.

— Еще бы — хлеб зерно гольное, — подтвердил Илья: — не хлеб, а золото, пара.

— Да, с хлебом колхоз ноне. Вот оно что значит артелью-то робить! И засуха не взяла, — говорил Илья.

— Оно, конечно, даровое место-то... — замешался в разговор Гурьян.

— К чему это ты, Гурьяныч? — спросил Илья.

— Это я к слову сказал, а ежели ты на себя это принимаешь, то пусть так, — цедил сквозь зубы Гурьян.

— Значит, поперек в куске хлеба... — тогда Илья махнул длинным шестом вил и со злобой швырнул их в сторону. — Знал, знал, что упрекнут куском, — с болью в сердце проговорил Илья, хотел уйти в село, хотел тут же закричать на всю округу, но слов не было, поперек горла костью встал упрек Гурьяна. «Может быть, так уже не раз втихомолку говорили Савелий, Андрей Колунок, может быть, Гурьян только взял на себя обязанность выразить словами Илье упрек» — мелькнула мысль. Но тут приплелась и новая мысль: «Ведь Гурьян — враг мне, я ему враг, может он поэтому не хочет меня в колхоз».

— Я еще потягаюсь с тобой. Посмотрим, кто чужой хлеб ест! Посмотрим! Уж коль я решился шагнуть по этому пути, так поворота не будет. Держи, Платон! — крикнул Илья и еще с большей силой и ловкостью начал бросать снопы. Бросал, а злоба на Гурьяна росла, и Илья был готов каждую минуту крикнуть на весь колхоз: — Гурьян посреди дороги стоит!

Не заметил Илья, как опорожнил одну арбу, как подъехала другая арба; не заметил, как прошел день, а день ведь большой. Холщевая рубашка трижды успела вымокнуть и высохнуть на Илье. Вечером, когда группами шли на ужин, Гурьян Гурьянович поджидал Илью, чтобы переброситься парой слов наедине, но не удалось. Илья шел с Платоном, вели свой разговор. Гурьян шел по пятам, молчал. Сели ужинать, а на ужин редька с квасом да хлеб черствый. Сели за стол, начали хлебать ложками.

— Черпнем хлеба! — начал Платон, отхлебывая квас.

— Не подавись мясом-то, Платон! — вставил шпильку Гурьян.

— Хлеба, говорю, уйма ноне, — не расслышал Платон слов Гурьяна.

— Мы и раньше-то мясо на Рождество в год раз видали, ну а тем, кто его каждый день ел, тому редька-то не по вкусу, — сказал Илья.

— Про што это ты — ерзнул на скамье Гурьян.

— Так это я промежду прочим, к слову подошло.

Илья еще раз потянул через край из чашки и морщась крикнул—Раах! Ну, теперь опять работать можно. Айда, дядя Платон, довершим прикладок-то! Как бы дождик не грянул ночью. — И, вытирая белую бороду грязным красным платком, Илья зашагал к скирдам.

— Нет, один путь—поджог! — процедил Гурьян и побрел к сухой балке. Остановился у крутого обрыва, стал присматриваться к облаку пыли на Змеиногородском тракте.

— Андрюшка Колунок взял молотилку с совхоза,—буркнул про себя.

— Поджог! Эту же ночь подожег, — прошептал еще раз, миновав крутой яр, спускаясь по взвозу по направлению к селу.

9

Беспокойно жил в этот вечер табор успеховцев. Урожай удался на славу: такую уйму хлебов никак нельзя добыть единоличным порядком. Отраднo и то, что две большие мощные молотилки совхоза старательно установлены к скирдам, и как только покажется луна и осветит степь, зерно брызнет из барабанов, потечет по рукавам в мешки. В былое время эти мешки с зерном везли на село, прятали в десяток закровов, чтобы обмануть сельскую власть: «Видишь сам, все на дне». — «Нетути».

А нынче на рассвете брички под начальством Савелия, нагруженные зерном, отправятся не в село, не в закромы к краснойровцам, а на станцию Алейскую — прямо в элеватор своему государству.

Об этом говорили целый день по бригадам; поэтому сегодня на заседание правления колхоза в столовую, где слабо мерцали фонари, собралось не мало колхозников. А как только на трибуне то есть около стола, где Петровна разливает и подает обед, появился Ковров, кто-то оглушительно, неистово крикнул:

— По едокам!

Ковров щурясь всматривался в лица колхозников, как бы стараясь запомнить каждого, кто где стоит.

— По едокам! По едокам!—пронеслись голоса.

— Собрание считаю отк. . .

— По едокам!—заглушил чей-то голос.

— В чем дело граждане? . . .

— По едокам, подушно делить хлеб.

Гул разливался над табором, несся и тонул где-то в сухой балке.

— Граждане, дайте слово молвить секретарю,—прозвучал старческий голос Якова Акимовича.

— Замолчи, пес старый! Повесишь зубы-то на полку, ежели увезут зерно.—прохрипел бас Ераски.

— Товарищи, сейчас решим, куда девать зерно, — начал Игнат.

— Голосуй! Голосуй!—закричали.

— За что голосовать-то, граждане? Надо речь сказать,—снова урезонил Яков Акимович.

А когда Игнат Ковров пятью пальцами пробороzdил по копне черных курчавых волос и хотел начать речь, перед самым его носом снова выскочил Ераска:

— Одна минута на речь!

— Товарищи, мне дают одну минуту на речь. Ладно, скажу и в одну минуту, — начал Игнат.

— По едокам, говорите, делить? Ладно, по едокам. — Игнат минуту молчал.

— Несогласен на то, несогласен, с Игнатом несогласен,—запротивился дед Платон. — Не подчинюсь лодырям. — Мне семьдесят лет, я гну спину денно и ночью над полями, день и ночь стучал топором, молотком за то, чтобы меня считали за едока, а не за работника. Дудки, дудки!—зарабил я что, то и подай.

— По едокам! По едокам!—снова загудели голоса.

— Кто это орет, допреж надо дознаться. Кто?

Взмахнул белокурой головой тракторист Кирейко, в темноте искал горлопанов.

— Ах вы, едацкие глотки! Да вы знаете ли, что значит разделить по едокам? Знаете?! Это значит, что мы, двадцать человек трактористов, сейчас же бросим тракторы, потому что день и ночь мы работаем, чтобы за труд получить.

— Верно, правильно!—хором поддержали трактористы. Босыми ногами на стол вскочил Андрей Колунок.

— Не быть по-вашему, не быть, ой не быть!—затвердил Андрей, перебегая по столу босыми грязными ногами.

— Ты едок? — ткнул в Ераску пальцем Андрей Колунок.

— Знамо едок, — отозвался тот.

— Да, едок, да еще за двоих ешь один, а рабочийк, рабочийк ты липовый. А ты, Савелий, едок?—ткнул пальцем в Савелия. — А мастер, слесарь Путиловского завода,

он-то как, не едок? Он-то железо аль уголь ест? Аль хлеб, как и вы? — уперся Андрей.

— Вы гордитесь тем, что вы сеете хлеб на полях, так имеете право его делить как хотите. Но чем вы пашете? Плугами. Кто их делает, тот не хочет есть? Тот, кто делает тракторы, тот тоже не хочет, воздухом питается? А тот, кто в шахте добывает руду, тот тоже воздухом питается? Но у того и воздуха нехватает вдоволь. А те, кто с оружием в руках охраняет колхозные поля, — не едоки. Только вы едоки? Вы? От лица двадцати трактористов я заявляю, что ни одно зерно не попадет тому, кто его не заработал! — рубанул рукой воздух Андрей и спрыгнул со стола.

— Ну так как, граждане? — спросил Ковров, обращаясь к собранию.

— По едокам, по едокам! — слабо раздались отдельные голоса. Но их заглушили: «По труду давай» — кричали колхозники.

— Я слова прошу! — крикнул Ераска и, не ожидая разрешения, заговорил:

— Когда ты купаешься в реке, то никак нельзя, чтобы не напиться вдоволь — всегда вдоволь напьешься. Или взять хотя бы нашего виносидельца. Раз он у водки сидит, то всегда пьян; уж себя-то всегда насытит.

— Долой, долой подкулачника! — раздались голоса.

Ераска, по-волчьи скаля зубы и огрызаясь, уходил с собрания.

Ночь опустилась над табором. Не спали только Ераска и Гурьян. «Еще раз попытаемся» — шептал Гурьян.

Но Ераска мотал головой: «Хватит! За поджог знаешь что бывает? Больше ты меня ни на что не подобьешь. А за старое расплачивайся».

Гурьян покраснел от злости: «Все пропало. Теперь все прахом пошло. И на этот раз струсил. Что теперь с ним делать?» Убить Ераску был прямой смысл, ибо Ераска каждую минуту может с головой выдать Гурьяна.

Стиснув рукою тяжелый шкворень, Гурьян пополз к Ераске и, ухватившись обеими руками за шкворень, занес его над головою Ераски и с колоссальной силой махнул куском, так что мозги с кровью брызнули во все стороны. Ераска, корчась в судороге, как петух с отрубленной головой с минуту бился на месте, не издавая ни одного звука.

Упираясь, Гурьян сволок в рытвину Ераску.

— Ераска, ты сделал все для меня, за это щедро я тебе отплатил — прости меня, Господи! — прошептал Гурьян.

Табор еще спал. Как только покажется из-за гор луна, можно приступить к молотье.

Когда Гурьян подползал к скирдам, было совсем темно. Ночную тишину нарушал лишь порывистый ветерок, шелестивший листьями поблекшего кукурузника.

Дед Платон, стороживший скирды, сладко дремал на розвязи пшеницы.

Вынув из-за пазухи клочок сухой осоки, Гурьян сунул его в розвязь, потом, накрыв зипуном, так, чтобы не было заметно света, чиркнул спичку и сразу почувствовал гарь осоки. Задыхаясь от дыма, проснулся Платон и, сколько есть силы, крикнул:

— Пожар!

Падая на землю, сбитый бегущими на пожар людьми, Гурьян понял, что все напрасно, все зря, что и здесь потерпел он неудачу.

А утром, когда над гранитниками поднялось яркое солнце, Гурьян Гурьяныч предстал перед судом успехов.

После Коврова на трибуну вышел делегат совхоза товарищ Ахмет. Он широко расставил кривые ноги, узкими глазами обвел толпу и снял малахай, обнажив седую голову.

— Пятьдесят лет назад отец Гурьяна продал меня за двадцать пять рублей, пусть теперь найдется такой человек, который Гурьяна возьмет бесплатно.

— Красна армия, коммунист ячейка, белым секим башка, наш казак свобода дал, Гурьяну мы секим башка, Гурьян Гурьян сам потерял башка.

— Мы, красный казак, заверяем Аким Джаком, что вместе с Гурьяном мы хороним последний бай.

— Ур-а-а! — раздалось в степи.

Пятьдесят бричек, нагруженных зерном, зазвенели втулками. У кладей взвыли молотилки.

Отв. редактор И. Гринберг. Техн.
ред. Б. Яковлева, и Н. Малков.
ОГИЗ ГИХЛ № 2570/л. Индекс X-11-В.
Тираж 5200. Сдано в набор 14/1 1933 г.
Подписано к печати 9/III 1933 г. Формат
бумаги 82×110 . Печать, $9\frac{1}{4}$ л. Колич.
бум. л. $2\frac{2}{16}$. Колич. печ. зи. в бум.
л. 148 000 б. Заказ № 75. Ленгорлит
№ 1774. Выход в свет апрель 1933 г.

3-я типография ОНТИ им. Бухарина.
Ленинград, ул. Моисеенко, 10.